

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПЕРМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(проблемы деривации)**

Межвузовский сборник научных трудов

968726

ПЕРМЬ, 1980

Семантические аспекты слова и предложения. Межвузовский сборник научных трудов. Пермский ун-т, 1980, 132 с.

Сборник посвящен исследованию значения слова и предложения. Все статьи объединяются подходом к семантике как важнейшей стороне динамики языка.

Сборник рассчитан на широкий круг лингвистов, интересующихся проблемами динамики языка.

Рецензент: кафедра общего и коми-пермяцкого языкознания Пермского педагогического института.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. Ю. Адливанкин, Ю. А. Левицкий, Л. Н. Мурзин — главный редактор, *Н. П. Потапова* (Пермский университет), *Т. Г. Сильницкий* (Смоленский педагогический институт), *В. С. Юрченко* (Саратовский педагогический институт).

Е. Л. ГИНЗБУРГ

Институт русского языка АН СССР

О ЛИНЕЙНОМ ОПИСАНИИ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД

Многообразие тех словообразовательных отношений между членами лексических гнезд, организация которых представляет собою словообразовательную структуру лексического гнезда, или словообразовательное гнездо (С-гнездо)¹, исключает возможность рассматривать его как линейно упорядоченную совокупность деривационных категорий и сопряженных с ними множеств словообразовательных форм. С-гнездо должно рассматривать как нелинейную единицу словарного состава языка. В этом плане С-гнездо — модельный объект изучения структуры и словесного образа, и семантики слова, актуально или потенциально многозначной единицы языка.

О нелинейности С-гнезда свидетельствуют случаи осцилляции (*золото — золотой — золото, сыпать — засыпать*₁ — *засыпать*₂ — *сыпать*), когда отсутствует единонаправленность отношений, используемых для линейного упорядочения компонентов С-гнезда; поливыводимости (*мех — меховой — меховщик, монахи — монашеский — монашество*), когда отсутствует неперекрываемость составляющих линейной последовательности; сопряженности (*утилитарист — утилитарный — утилитаристский — утилитарно — утилитарность* при *утилитаризм*), когда, как и в предыдущем случае, но совсем по-иному, нарушается проективность. Чреступенчатое словообразование, связывающее с первообразными слова типа *американствующий, светимость* или *рядность*, как и существование членимых первообразных со связными основами типа *кардит* при *бронхит*, *шовинизм* при *расизм* или наличие в лексических гнездах единиц, принадлежащих разным частям речи и не имеющих производящих того же рода, что и они: *рыболов, рыболовный*, позволяет усомниться даже в том, что такой граф всюду связан.

Далеко не все С-гнезда являются нелинейными. Есть структуры троек слов типа *тропа — тропка — тропочка*: они

обязаны конкатенации двух отношений производности. Это С-гнезда, и притом линейные. Линейны и те словообразовательные структуры, которые присущи лексическим гнездам из одного слова типа *кюре, виадук, проспект* или из двух слов типа *колея, тракт, тротуар* (если, конечно, видеть в них конструкции лексических гнезд, пусть и примитивные). Как бы ни решался этот вопрос, ясно, что наиболее примитивные конструкции обладают линейностью; что нелинейность есть функция от сложности лексического гнезда, многообразия и многообразности словообразовательных отношений, определенных на его компонентах; что ее можно расценивать как продукт объединения разнопорядковых линейных конструкций С-гнезд и разнообразных их преобразований.

Есть все основания предполагать, что С-гнезда и отдельные их составляющие принадлежат разным уровням организации, по крайней мере трем для линейных конструкций: наиболее примитивному — уровню линейных порядков, более сложному — уровню упорядоченности по смежности, наиболее сложному — уровню упорядоченности по ориентации.

Показательны в этой связи выводы, к которым приходят исследователи генетического языка. В частности утверждается, что если полнота набора строевых элементов остается значимой на всех уровнях построения генетических объектов, то роль линейного порядка в построении генетического сообщения от одного уровня к другому падает. Иерархия уровней определена переходом от необходимости линейного порядка всех составляющих к необходимости линейного порядка только в некоторых, ключевых, позициях, затем отказом от линейного порядка и передачей его функций — вначале смежности и близости, а потом ориентированности. Чем выше уровень организации, тем весомее внутренние факторы, определяющие роль каждого элемента в комбинации, и тем меньше значимость внешних позиционных факторов².

Обнаружение и систематическое описание механизмов, определяющих устройство С-гнезд и их системы, в силу сказанного немыслимо вне концепций многоуровневой организации нелинейных объектов, в основе которой лежат линейные структуры.

Многомерность С-гнезда и одномерность его наиболее простых составляющих, не обязательно двучленных, предполагает в качестве промежуточной ступени по крайней мере двумерность С-гнезда, его планарность. Выяснение многих свойств С-гнезда и системы С-гнезд, обязанных механизмам планарности, стало возможным в результате изобретения

плоскостного представления С-гнезд³ в виде ориентированных праделеревьев с ребрами разных сортов⁴ или с вершинами, которым приписаны слова или лексемы⁵, ономазиологические категории — при описании плана содержания С-гнезд, морфемы (плюс обобщенная характеристика процедур взаимоприспособления морфем на ребрах) — при описании плана выражения⁶. Плоскостное представление С-гнезд можно рассматривать в качестве основы для постановки вопроса о линейном представлении словообразовательной конструкции лексического гнезда.

Отметим ряд особенностей метода плоскостного изображения словообразовательных гнезд, предложенного П. А. Соболевой.

Прежде всего для него характерна универсальность, применимость к любому С-гнезду в любом естественном языке. Естественно, это приз — за то, что моделируются не все отношения между словообразовательными формами однокоренных, а только некоторые — отношения производности; за то, что учитываются только отношения между словообразовательными формами, но не сами формы, специфичные для каждого языка, даже если рассматривать близкородственные языки; за то, что принимаются во внимание не все мыслимые категории производных, а только те, которые определяются взаимодействием фундаментальных категорий языка, по выражению Е. С. Кубряковой, частей речи (категории производных для этой модели — деривационные подкатегории каждой фундаментальной категории; скажем, отглагольные существительные — это существительные, у каждого из которых есть по крайней мере один прообраз в классе глаголов, а первообразные существительные — это класс слов, для каждого из которых в данном, словообразовательном отношении не существует соответствия ни в одном из классов слов русского языка, кроме пустого).

Для него характерна экономность — разнообразие средств, ничего не моделирующих, но только обеспечивающих моделирование минимально: в версии П. А. Соболевой это только исходная вершина дерева.

В плоскостном представлении С-гнезда фиксируются все связи, которым принадлежит каждая вершина, не только непосредственные (вычленимые ролями соответствующих единиц, производных для одних связей, производящих для других), но и опосредованные. Иными словами, можно показать иерархическую организацию деривационных категорий слов в С-гнезде и отношений между ними, в частности связность С-гнезда: в плоскостном его представлении нет вершин, от которых, двигаясь по ребрам и проходя через другие вершины, нельзя было бы добраться до корня дерева.

Есть и недостатки. Главный заключается в том, что существующие методы плоскостного представления С-гнезда не позволяют показать его целостности.

Рассмотрим возможные способы линейного представления словообразовательного гнезда.

Легко построить линейное представление, исходя из понятия словообразовательной цепи, последовательности однокоренных, упорядоченных так, что «каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей»⁷. Затем все изображения словообразовательных цепей можно выписать в произвольном порядке, например, справа налево по убыванию длины цепей. Предполагается, что любая словообразовательная цепь, представляющая собой часть другой словообразовательной цепи, не выписывается. Такое представление связность и иерархичность С-гнезда передает лишь частично. Совсем не отражаются ни его целостность, ни совокупность всех локальных характеристик каждого его компонента. Кроме того, из-за повторения компонентов, имеющих более одного «наследника», оно не является экономным.

Можно построить линейное представление гнезда, исходя из понятия словообразовательной парадигмы, к-местного отношения, которому в качестве первого компонента принадлежит производящее, а в качестве остальных — производные от него⁸. Достаточно в любом порядке перечислить все производящие, предварительно приписав им производные справа или слева, вновь в произвольном, но едином для всех производящих порядке. Как и в предыдущем случае, вместо производящих или производных можно записывать разряд производных, к которому принадлежит лексическая единица, или соответствующую деривационную категорию. Такое представление позволяет передать, вновь частично, но полнее, чем раньше, локальные словообразовательные связи однокоренных, но почти не отражает связности С-гнезда. Как и прежде, не объективируется целостность С-гнезда. Линейное представление и в этом случае не является экономным, избыточен повторами.

В поисках оснований для линейного представления С-гнезд, отвечающего указанным требованиям, разумно обратиться к более элементарной словообразовательной единице — отношению производности.

Линейное упорядочение однокоренных единиц A , B и C может основываться на том, что две из них различаются по степени связи с третьей.

Будем исходить из гипотезы, что для любой тройки однокоренных A , B , C , если B производно от A , а C производно от B , B связано с A сильнее, чем C с A . Гипотеза эта может

быть осмыслена двояко. Первое. Контексты единицы B' , преобразуемые в контексты A , более разнообразны, чем аналогичные контексты единицы C . Второе. Категории производных от B более разнообразны, чем категории производных от C при фиксированном наборе категорий.

Для обобщения сказанного на организацию однокоренных, связанных отношениями производности, достаточно рассмотреть вопрос о линейной упорядоченности равнопроизводных. Он может обсуждаться в связи с проблемой взаимодействия словообразовательной и лексической систем или безотносительно к ней.

Проанализируем совокупность семантически близких единиц A^1, A^2, A^3 . Для простоты будем полагать, что они являются неточными синонимами, т. е. не любой контекст одной из них является контекстом для двух других. Обратимся к производным от этих единиц, принадлежащим категориям K_1, K_2, K_3 . Допустим, все три синонима дают производные категории K_1 , два из них — производные категории K_2 , только один из синонимов — производные категории K_3 . Может оказаться, что A_1 имеет производные всех трех категорий, A_2 — двух, A_3 — только одной. Эта ситуация может быть описана в виде табл. 1. Категория K_1 экстенсивнее K_2 , а K_2 экстенсивнее K_3 . Слова первой из них связаны с производящим теснее, чем слова из K_2 , а из K_2 теснее слов из K_3 . Тогда в C -гнезде с A_1 производные от A_1 категории K_1, A'_1 , связаны с A_1 сильнее, чем производные от A_1 категории K_2, A''_1 , а эти последние — сильнее, чем производные от A_1 категории K_3, A'''_1 .

Таблица 1

	A_1	A_2	A_3
K_1	A'_1	A'_2	A'_3
K_2	A''_1	A''_2	
K_3	A'''_1		

Заметим, что, исходя из предложенного понимания неточности синонимов, на такие слова можно распространить отношение производности (если, конечно, пренебречь тем, что синонимы — это разнокоренные слова, или, что одно и то же, если допустить возможность супплетивного словообразования) и оценить степень их связи.

Итак. Если лексические единицы A и B семантически близки, то среди равнопроизводных от A более тесно связаны с ней те, которые есть и у B , менее тесно те, которых у B нет. Тогда, по-видимому, чем значительнее круг семантически

Категории производных	Совокупность однокоренных					
R_2O	интервал	стадия	этап	период	фаза фазис	цикл
R_2R_2O				периодизировать		циклить цикловать
R_2R_2O					анафаза профаза	циклоида циклоид
R_3R_2O	интервальный	стадийный стадиальный	этапный	периодич- ный периоди- ческий	фазный фазовый	циклический циклоид цикловой циклический
R_4R_2O	поинтер- вально	стадиально	позапно	периоди- чески	пофазно	циклически
Словообразо- вательные парадигмы		1		2	3	4

близких единиц для A , тем строже должны быть упорядочены равнопроизводные от A .

Рассмотрим категориальную структуру совокупностей лексических единиц, непосредственно производных от синонимов *интервал, стадия, этап, фаза, фазис, период, цикл*. Словообразовательные парадигмы будем описывать, используя метаязык описания словообразовательных структур в аппликативной грамматике⁹. Материал, представленный в табл. 2, позволяет утверждать, что в этих словообразовательных парадигмах с первообразными существительными производные имена прилагательные и наречия связаны теснее, чем производные глаголы и существительные.

Изучение словообразовательных парадигм синонимов позволяет упорядочить равнопроизводные только частично. Можно предполагать, что упорядоченность равнопроизводных находит выражение также в собственно словообразовательных их особенностях, например, в их деривационном потенциале. Гипотеза состоит в том, что чем значительнее деривационный потенциал, описываемый в терминах категорий производных, тем теснее связь единицы такого потенциала с его производящим.

Возьмем слово A , обладающее производными из категорий K_1, K_2, K_3 . Пусть производное или производные из категории K_1 обладают производными категорий K_5 и K_6 , производные категории K_2 — производным или производными только одной из этих категорий или какой-либо новой категории (табл. 3). Тогда производные из K_1 связаны с A сильнее производных из K_2 и K_3 , производные из K_2 — сильнее производных из K_3 . А упорядоченность равнопроизводных от A_1 фиксируется не только в особенностях словообразовательных парадигм семантически близких единиц, но и в структуре самого С-гнезда. Описанный тип взаимодействия словообразовательной и лексической систем является сильным.

Таблица 3

A	K_1	K_2	K_3
K_5	+	+	—
K_6	+	—	—

Таблица 4

A	K_1	K_2	K_3
K_5	+	+	—
K_6	+	+	—

Таблица 5

A	K_1	K_2	K_3
K_5	+	+	+
K_6	—	—	—

Слабый тип взаимодействия этих систем обнаруживаем, когда упорядоченность равнопроизводных лексически и/или словообразовательно мотивирована частично: 1) деривационный потенциал производных хотя бы из двух деривационных категорий, здесь K_1 и K_2 , оказывается равным, 2) существует хотя бы одна такая категория производных, большая или

меньшая связь которых с производящим словообразовательно мотивирована (табл. 4). Если же последнее условие не соблюдается, можно говорить об отсутствии взаимодействия (табл. 5). Пусть окажется, что упорядоченность равнопроизводных, определяемую словообразовательным гнездом, невозможно мотивировать особенностями словообразовательных гнезд для семантически близких единиц. В этом случае упорядоченность равнопроизводных считается имманентной. Очевидно, что этот случай наиболее общ в теоретическом плане. Ситуация, когда сравнение с лексическими гнездами, которым принадлежат лексические единицы, семантически близкие к данной, не позволяет упорядочить категории производных от нее K_1, K_2, K_3 , может быть описана табл. 2.

З а м е ч а н и е. Далеко не все категории производных в С-гнезде упорядочены имманентно — особенно если С-гнезда не являются компактными или регулярными¹⁰. В любом случае упорядоченность производных по силе связи с равнопроизводящим предполагает взаимодействие словообразовательных С-гнезд, индуцируемое семантическими группировками лексических единиц из данных гнезд. Это значит, что задание порядка на компонентах С-гнезда (независимо от того порядка, который обусловлен отношениями производности между лексическими единицами, объединяемыми С-гнездом) может входить в правила интерпретации С-гнезда как категориального образа словообразовательной организации не только и не столько данного лексического гнезда, сколько ряда лексических гнезд или их подгнезд. Иными словами, одному и тому же С-гнезду могут быть приписаны различающиеся порядком corteжи его компонентов и каждому или некоторым из таких вариантов С-гнезда будут соответствовать свои собственные лексические гнезда. Такие правила, конечно, не исчерпывают разнообразия правил интерпретации С-гнезд. Поэтому всегда отыщутся лексические гнезда, которым соответствуют С-гнезда, где одни и те же компоненты могут быть упорядочены несколькими способами.

Рассмотрим лексическое гнездо, содержащее слово *цикл*. Изобразим деривационный потенциал равнопроизводных от этого слова, как обычно, с точностью до категорий производных (табл. 6). По деривационному потенциалу равнопроизводных от *цикл* их категории упорядочены так, что производные прилагательные связаны с производящим сильнее, чем существительные и глаголы. Слабее всех связаны с *цикл* производные наречия. Показательно, что полученная картина связей отличается от предложенной ранее только в этом звене С-гнезда.

Деривационный потенциал равнопроизводных

	Деривационный потенциал равнопроизводных			
Цикл	R_1R_2O циклить цикловать	R_2R_2O циклоид циклоида	R_3R_2O цикловой цикличный	R_4R_2O циклично циклически
R_1X	зацик- лить(ся)			
R_2X	циклование	гипо- циклоида	циклич- ность	
R_3X		цикло- идный циклон- дальный	ациклич- ный ацикли- ческий	
R_2R_3X			ациклич- ность	
R_4R_3X			ациклично ацикли- чески	

Исходя из описанного критерия, упорядочить производные от второобразного *циклоид* нельзя. Иное — производные от второобразного прилагательного, существительные и прилагательные третьего такта деривации. С производящим вновь теснее связано прилагательное — оно имеет производные от него наречия и существительные. Упорядочить последние, как и производные от *циклоид*, также не удастся. Только в подобных ситуациях категории производных упорядочиваются произвольно. Но так будет, наверняка, и при любом другом критерии. Это едва ли случайность. Но важно то, что произвольность эта по сравнению с допускаемой описанными методами существенно ограничена.

Сказанное позволяет предложить следующие правила цепочечной, или линейной, записи гнезд.

Если имя категории производных приписывать имени категории производящего слева, а среди категорий равнопроизводных фиксировать вначале категорию производных, более тесно связанных с производящим, то линейная запись С-гнезда, упорядочивающего и объединяющего однокоренные из лексического гнезда со словом *цикл*, имела бы следующий вид:

$$((R_4^2R_2O \ R_4R_2O) ((R_1^2R_2O \ R_2R_1R_2O \ R_1R_2O) ((R_2^3O \ R_3R_2^2O \ R_2^2O) (((R_2^2R_3R_2O \ R_2R_3R_2O) (R_4^2R_3R_2O \ R_4R_3R_2O) (R_2R_3^2R_2O \ R_4R_3^2R_2O \ R_4R_3^2R_2O) R_3R_2O) R_2O))),$$

где R_2O цикл, R_1R_2O циклить, цикловать, R_2R_2O циклоид, циклоида, R_3R_2O цикловой, цикличный, циклический, R_4R_2O , $R_4R_3R_2O$ циклично, циклически, $R_1R_1R_2O$ зациклить, зациклиться, $R_2R_1R_2O$ циклование, $R_2R_2R_2O$ гипоциклоида, $R_2R_3R_2O$ цикличность, $R_3R_2R_2O$ циклоидный, циклоидальный, $R_3R_3R_2O$ ацикличный, ациклический, $R_2R_3R_3R_2O$, $R_2R_2R_3R_2O$ ацикличность, $R_4R_3R_3R_2O$, $R_4R_4R_2O$, $R_4R_4R_3R_2O$ ациклично, ациклически.

Во всех случаях, когда имманентные основания для упорядочения категорий производных от производных отсутствуют, действует правило, согласно которому они ранжированы так, как и подобные им категории производных от первообразного. Во всех других случаях они упорядочиваются произвольно.

Соответствующее линейной записи древовидное представление С-гнезда, показанное на рис. 1, состоит из элементов, изображенных на рис. 2: производящее — отрезок прямой, а производное — отрезок ломаной, связь производного и производящего фиксируется единственной их общей точкой, символизирующей пару «производящее, производное».

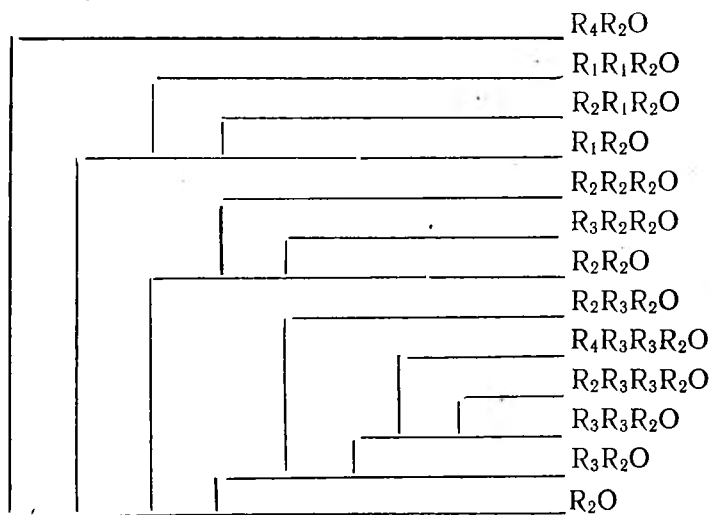

Рис. 1.

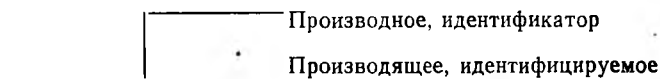

Рис. 2.

Предлагаемое линейное описание С-гнезда основано на предположении о том, что отношение производности представляет собою частный случай отношения идентификации: производное приравнивается к идентификатору, а производящее — к идентифицируемому (ср. учение о внешних и внутренних синтагмах¹¹). Возьмем, например, *спать и засыпать* — *засыпать* идентифицирует *спать*. Оно фиксирует, что одним из семантических компонентов значения *спать*, обозначающего процесс, который имеет начало и конец, следует признать начало. Производное объективирует эти составляющие, показывает их общезначимость и тем самым включает производящее в парадигматический ряд, в систему.

Следуя тем традициям польской логической школы, которые восходят к Я. Лукасевичу¹², можно приписывать идентификатор слева от идентифицируемого, а пару «идентификатор, идентифицируемое», или образ данного операнда при данном операторе, заключать в скобки для обозначения того, что он является по отношению к другим компонентам той же записи идентифицируемым или идентификатором.

При решении ряда задач разумно использовать не префиксальную систему записи: оператор перед операндом, а суффиксальную: операнд перед оператором. Например, лексическое гнездо *стадия, стадийный, стадияльный, стадияльно, стадияльность, стадийность* организовано словообразовательным гнездом, которое при префиксальном способе описания могло бы быть изображено так:

$$(R_4R_2O((R_4R_3R_2OR_2R_3R_2OR_3R_2O)R_2O)). \quad (1)$$

Здесь R_2O *стадия*, R_3R_2O *стадияльный, стадийный*, $R_2R_3R_2O$ *стадияльность, стадийность*, R_4R_2O , $R_4R_3R_2O$ *стадияльно*.

Структура обсуждаемого гнезда в суффиксальной системе описаний соответствовала бы форме

$$((R_2O(R_3R_2OR_2R_3R_2OR_4R_3R_2O))R_4R_2O). \quad (2)$$

Опустив скобки по ассоциации слева, сначала получим

$$(R_2O(R_3R_2OR_2R_3R_2OR_4R_3R_2O))R_4R_2O, \quad (2')$$

а затем

$$R_2O(R_3R_2OR_2R_3R_2OR_4R_3R_2O)R_4R_2O. \quad (2'')$$

И в префиксальной, и в суффиксальной форме записи характеристика компонентов избыточна, любой оператор R_2X содержит в качестве X описание структуры своего операнда. Так, в идентификаторе R_4R_2O содержится имя идентифицируемого R_2O , в $R_3R_2O—R_2O$, в $R_2R_3R_2O—R_3R_2O$. Подобная избыточность противоречит требованию экономии. Если избыточностью пожертвовать, то вместо (2'') получим формулу

$$R_2X(R_3XR_2XR_4X)R_4X. \quad (3)$$

Введя правило, в силу которого в любом R -слове вида R^1X X равен категориальному описанию его операнда, любую запись вида (3) легко преобразовать в запись (2'').

Описание словообразовательной структуры лексического гнезда со словом *фаза*: *фаза, фазис, фазный, фазовый, по-фазно, анафаза, профаза* — имело бы вид

$$R_2XR_3XR_2XR_4X. \quad (4)$$

Поскольку первообразные *фаза, фазис* обладают такими производными, которые упорядочить нельзя, они не имеют производных, этому же С-гнезду можно приписать любую формулу, определяемую перестановками обозначений любых категорий, отличных от первой слева, например:

$$R_2XR_4XR_3XR_2X. \quad (5)$$

Легко видеть, что подобная линейная запись обладает всеми преимуществами плоскостной записи С-гнезд: универсальностью и экономичностью, способностью передавать как локальные характеристики каждого компонента С-гнезда, так и его связность. Но помимо этого демонстрируется организованность и целостность С-гнезда.

Умея записывать С-гнезда линейно, легче систематически изучать ряд свойств гнезда, такие, например, как те, которые обнаруживаются в их трансформациях или преобразованиях.

Слова *стадия* и *фаза* синонимичны. В соответствующих лексических гнездах члены общих деривационных категорий представляют собой синонимы. Каждое из них может быть пополнено производными — представителями деривационных категорий, различающих рассматриваемые словообразовательные гнезда: гнездо с *фазис* — словом *фазисность*, представителем категории $R_2R_3R_2O$; гнездо со *стадия* — словом *стадийка*, представителем категории R_2O . Если и есть словообразовательные гнезда, которые связаны преобразованиями, объединяющими одну единицу некоторого класса единиц с другой из того же самого класса, то рассматриваемые словообразовательные структуры принадлежат к ним безо всякого сомнения.

Для обсуждаемых двух С-гнезд речь идет о преобразованиях

$$\begin{aligned} & \tau: R_2X (R_3XR_2X) R_4X \rightarrow R_2X R_3X R_2X R_4X \\ & \text{и обратном ему} \end{aligned}$$

$$\tau^{-1}: R_2X R_3X R_2X R_4X \rightarrow R_2X (R_3X R_2X) R_4X.$$

Чтобы описать эти преобразования, необходимо задать элементарные преобразования. В качестве таковых могут использоваться единицы расширенной системы комбинаторов М. Шефтинкеля — Г. Карри¹³. В эту систему, в частности, входят такие элементарные преобразователи, как В и обратный ему R

$$\begin{aligned} B &= x(yz) \geq Bxyz \\ R &= xyz \geq Rx(yz). \end{aligned}$$

При описании преобразований условимся вместо R_1X употреблять индекс L , а вместо $R_1R_kX = L_k$, где k, L может по-

лучать значения 1, 2, 3, 4; иными словами, заменим R_1X на 1, R_2X на 2, R_3X на 3, R_4X на 4, R_2R_3X на 23 и т. д.

Преобразование τ могло бы быть описано как вывод $2(32)4 \geq B2324 \geq RB(23)24 \geq R(RB)(232)4 \geq R(R(RB))(2324)$

Обратное ему преобразование — как вывод

$$2324 \geq R2(32)4 \geq RR(2(32))4 \geq R(RR)(2(32)4)$$

Преобразование τ соответствует цепочке комбинаторов $R(R(RB))$, а обратное ему преобразование — минимально меньшей по длине цепочке комбинаторов $R(RR)$. В этом отношении по своей сложности преобразования τ и τ^{-1} не являются симметричными.

Линейное описание нелинейных объектов во многих случаях позволяет зафиксировать уровень и сложность организации исследуемых объектов.

Будем полагать, что, как и в синтаксисе, чем значительнее глубина С-гнезда и чем больше подгнезд данного С-гнезда, отличных от вырожденных из одной вершины, тем сложнее С-гнездо.

Так, С-гнездо для однокоренных со словом *фаза* описывается выражением 2324. Это последовательно линейное С-гнездо уровня организации 1 и сложности 0. С-гнездо для однокоренных со словом *стадия* описывается выражением $2(32)4$. Оно представляет собою нелинейное С-гнездо уровня организации 2 и сложности 1. С-гнездо для однокоренных со словом *цикл* описывается выражением $2(3(324)2)(232)(121)4$. Это гнездо уровня организации 3, сложности 3 на втором уровне и сложности 1 на третьем уровне его организации.

Подобный анализ преобразований словообразовательных гнезд, минимально различающихся по уровню организации, показывает, что в терминах элементарных преобразований-комбинаторов переход от линейного С-гнезда к нелинейному более прост, чем от нелинейного к линейному, $\tau^{-1} = R(RR)$, а $\tau = R(R(RB))$.

Возможность линейной транскрипции каждого из этих преобразований позволяет аналогично охарактеризовать уровни организации и сложность преобразований. Так, τ^{-1} принадлежит к преобразованиям второго уровня организации и сложности 1, а τ — преобразованиям третьего уровня организации и сложности 2.

Сравнение с объектами, которые являются операндами этих преобразований, приводит к предположению, что уровень и сложность организации преобразования по крайней мере минимально сложнее уровня и сложности организации операндов этого преобразования.

В заключение формулируем следующие две задачи.

Нередко словообразовательные омонимы представляют собою разные значения слова. Ср. значения одного слова *рыцарство*₂ 'рыцари' и *рыцарство*₁ 'рыцарское звание', с одной стороны, и разные слова *пилка*¹ < *пила* и *пилка*² < *пилить*, с другой. Мы не можем пока указать на достаточно общие условия (и соответствующие им критерии), при выполнении которых словообразовательные омонимы должны рассматриваться как значения разных слов или как значения одного слова¹⁴. Но пусть известно, что словообразовательные омонимы являются значениями одного слова. Тогда каковы объединяющие их преобразования, или процедуры отождествления единиц с этими значениями?¹⁵

Другой стороной отождествления является предпочтение: «отождествление и выбор предполагают друг друга»¹⁶; «дифференциация так относится к идентификации, как средства к цели»¹⁷. В ином месте¹⁸ нами показано, что словообразовательные омонимы, вообще единицы, объединяемые инстанциями словообразовательной поливыводимости, наделены разной значимостью, занимают разные места в системе, словообразовательном гнезде и соответствующем объединении лексических единиц. Если это значения одного слова, то одна из лексем обычно кодифицируется словарями как способная представлять слово в целом в большей мере, чем другая. Так, *купечество* описывается в БАС так, что оттенок значения 'купеческое сословие' (определяющее возможность использования данной лексемы как обозначения совокупности, членимой на неопределенное, хотя и конечное количество однородных частей) предшествует оттенку значения 'купцы', определяющему возможность использования этой лексемы для обозначения определенной однородной совокупности.

Можно ли хотя бы в какой-либо мере формализовать представление об этом процессе указания на старшинство, предпочтительность одной из лексем в качестве представителя слова; редукции совокупности альтернатив до той единственной лексемы, которая наиболее предпочтительна в данном отношении?

Схема любой регулярной конфигурации словообразовательной омонимии может быть описана формулой

$$a(bc)d,$$

где *a*, *b*, *c*, *d* — деривационные категории; в ряду однокоренных лексических единиц *v*₁ из *a* является производящим для *v*₂ из *b* и для *v*₄ из *d*, а *v*₂ — для *v*₃ из *c*. Регулярная конфигурация словообразовательной омонимии — это С-гнездо уровня организации 2 и сложности 1. Такой схеме соответствует, например, конфигурация $R_2X(a)R_2R_3X(b)R_2R_3R_2X(c)R_2^2X(d)$, объединяющая однокоренные *рыцарь(a)*, *рыцарский(b)*, *ры-*

*царство*₁(с), *рыцарство*₂(d). В БАС *рыцарство*₁ — первый оттенок первого значения 'военно-землевладельческое сословие в средние века в Западной Европе' и второе значение 'звание рыцаря', а на базе последнего — переносное третье значение 'самоотверженность, великодушие, благородство в поступках'. *Рыцарство*₂ в БАС — второй оттенок первого значения 'лица, принадлежащие к рыцарскому сословию; рыцари'. То же 'находим и в СО. Такое упорядочение можно рассматривать как свидетельство отождествления *рыцарство*₂ с *рыцарство*₁, но не наоборот, как старшинство *рыцарство*₁ и подчиненность ему *рыцарство*₂. Подобные факты лексикографии можно интерпретировать как возможность преобразовать С-гнездо, описанное выше, в С-гнездо, исчерпываемое деривационными категориями только для *рыцарь*, *рыцарский*, *рыцарство*₁ (где *рыцарство*₁ — представитель слова *рыцарство* во всех его значениях).

Модель этого преобразования τ_1 (назовем его уменьшением ветвистости) может быть построена, если использовать, помимо приведенных, еще и комбинатор w :

$$wxy/z \leq xyz, y/z \equiv y \vee z \vee v.$$

Итак, утверждается, что

$$\begin{aligned} \tau_1: (a(bc)d) \rightarrow (a(bc/d)). \text{ Действительно, } a(bc)d \geq Babcd \geq \\ \geq w(Bab)c/d \geq BW(Ba)bc/d \geq R(BW(Ba))(bc/d) \geq BR(BW) \\ (Ba)(bc/d) \geq B(BR(BW))Ba(bc/d) \geq \\ \geq R(B(BP(BW))B)(a(bc/d)). \end{aligned}$$

Иначе, $\tau_1 = R(B(BR(BW))B)$.

Альтернативное преобразование τ_2 (назовем его уменьшением глубины) предполагает отождествление *рыцарство*₁ с *рыцарство*₂, т. е. $\tau_2: (a(bc)d) \rightarrow (abc/d)$. Оно может быть описано так: $\tau_2 = R(R(B(BW)B))$. Преобразование это имеет ту же сложность и тот же уровень организации, что и τ_1 :

$$\begin{aligned} a(bc)d \geq Babcd \geq W(Bab)c/d \geq BW(Ba)bc/d \geq \\ \geq B(BW)Babc/d \geq R(R(B(BW)B))(abc/d). \end{aligned}$$

¹ Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. — М.: Наука, 1979.

² Ратнер В. А. Молекулярно-генетические системы управления. — Новосибирск: Наука, 1975, с. 40.

³ Соболева П. А. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей грамматики. — Межвузовская конференция по порождающим грамматикам. Тарту, 1967; Соболева П. А. Моделирование словообразования. — В сб.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973; Тихонов А. Н. Проблемы состав-

ления гнездового словообразовательного словаря.— Самарканд, 1971; Штерн И. Г. Структура суффиксального гнезда. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.— Киев, 1971.

⁴ Соболева П. А. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей грамматики. Соболева П. А. Моделирование словообразования.

⁵ Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря.

⁶ Штерн И. Г. Структура суффиксального гнезда.

⁷ Земская Е. А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования.— В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.

⁸ Земская Е. А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования.

⁹ Соболева П. А. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей грамматики; Гинзбург Е. Л. Гнезда сложных слов русского языка.— Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.— М., 1967.

¹⁰ Гинзбург Е. Л. Компактные словообразовательные гнезда.— В сб.: Проблемы структурной лингвистики. 1978. М.: Наука, 1980.

¹¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики.— М.: Соцэкгиз, 1933, с. 121; Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка.— М.: Госиздат, 1928, с. 24—25; Реформатский А. А. Введение в языковедение.— М.: Учпедгиз, 1947, с. 106—107.

¹² Гудстейн Р. Л. Математическая логика.— М.: Ин. лит. 1961, с. 143.

¹³ Schönfinkel M. Über Bausteine der Mathematischen Logik. Math. Ann. 1924, Bd. 92, S. 305—316; Curry H. B., Feys R. Combinatory Logic.— Amsterdam, 1958; Kearns J. T. Combinatory Logic with Discriminators.— The Journal of Symbolic Logic, 1969, vol. 34, p. 561—575; Карри Х. Основания математической логики.— М.: Мир, 1969.

¹⁴ Гинзбург Е. Л. Одноименность однокоренных производных.— В сб.: Проблемы структурной лингвистики. 1976. М.: Наука, 1978.

¹⁵ В этой связи показателна трактовка тождества как функции от конечного набора из n , $n \neq 0$, переменных: $V^n_i \equiv \text{df}(x_1, \dots, x_n) = x_i$. (См.: Клини С. К. Введение в математику.— М.: Ин. лит., 1951, с. 197—198). Решая вопрос о тождестве таким способом, исследователь отвлекается от проблем, каковы условия применимости этой функции, как выделяются объекты отождествления (там же, с. 158), в частности, от проблем тождества по референции « x и y равны, если они обозначают одну и ту же вещь», варианта принципа «эталонов» Эвклида: «Вещи, равные одной и той же вещи, равны». Упор сделан на процедуру, механизме отождествления.

Для дальнейшей разработки теории отождествления в лингвистике представляется плодотворным осмыслить представление логической семантики Карнапа — Хинтикки — Крипке об отождествлении как функции, которая сопоставляет индивиду множество возможных миров; использовать при этом к анализу аппарат теории моделей, в частности понятия возможного и действительного миров, мировой линии, отношения достижимости, индивидуирующей функции, дескриптивной и перцептивной идентификации.

¹⁶ Savery H. Identity and Difference.— Philosophical Revue, 1942, vol. 51.

¹⁷ Jakobson R. Selected Writings. Vol. 11. The Hague: Mouton, 1971.

¹⁸ Гинзбург Е. Л. Одноименность однокоренных производных.— В сб.: Проблемы структурной лингвистики. 1976. М.: Наука, 1978.

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Теория словообразования в последние десятилетия добилась весьма заметных успехов, однако это еще не привело к решению одного из наиболее важных, принципиальных вопросов, уже давно волнующего исследователей, — вопроса о месте словообразования в языке. Нет нужды объяснять, как такая неопределенность вредит науке о словообразовании; нельзя не осознавать и того, во что она «обходится» нашим знаниям о языке в целом: по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, «не может быть адекватной объекту модель языка, в которой этому явлению (словообразованию. — С. А.) нет надлежащего места»¹.

Можно думать, что неуспех в установлении языкового статуса словообразования объясняется причинами двоякого свойства: с одной стороны, недостаточной четкостью и неоднозначностью понимания самого объекта исследования, а с другой — стремлением «включить» словообразование в некоторую именно «неадекватную объекту», неполную, односторонне трактуемую модель языка.

В настоящей работе содержится попытка наметить путь решения названной проблемы. Ограниченный объем публикации обуславливает известную декларативность изложения и ограниченность научного аппарата.

* * *

Прежде всего, об объекте исследования. Определенная трудность в характеристике феномена словообразования порождена, на наш взгляд, широко распространившимся в последнее время противопоставлением так называемых синхронного словообразования и диахронического словообразования. В эти термины разными учеными вкладывается неодинаковое содержание, и в ряде случаев разговор может идти лишь о терминологии. Принципиальной же оценки требует то направление синхронного словообразования, которое исчерпывающе описано Е. А. Земской: «Синхронное словообразование изучает отношения сосуществующих единиц», в то время как «диахроническое — процессы превращения одних единиц в другие»². Из этих формулировок необходимо следует, что синхронное словообразование реальным, данным нам в онтологии языка словообразованием не занимается, что у этой науки другой объект — структурно-семантические соотношения между родственными словами, сосуществующи-

ми в системе языка единицами, которые условно называются «производящими» и «производными» (у с л о в н о потому, что реальная производность слов, словопроизводство этой наукой не изучается, не случайно с некоторого времени все чаще указанные наименования заменяются терминами «мотивизирующее слово» — «мотивированное слово» и т. п.)³. Заметим: практически и при «синхронном» подходе исследователи не могут в полной мере абстрагироваться от деривационного процесса, ведут, например, речь о продуктивности (непродуктивности) того или иного «словообразовательного типа», однако это нельзя не расценить как проявление известной непоследовательности в проведении «синхронного» принципа. Если же его строго придерживаться, а это, по-видимому, и делает, например, Г. Г. Сильницкий, можно прийти к заключению, что «теория словообразования является разделом лексикологии, ведающим формально-структурными характеристиками лексических основ и противопоставленным семантической лексикологии»⁴ (выделено мной.— С. А.).

«Академическая грамматика-70» ограничивает «с синхронной точки зрения» раздел «Словообразование» «описанием словообразовательной системы», которая понимается как «совокупность словообразовательных типов»⁵. Не говоря уже о том, что для авторов раздела словообразовательный тип — это не какая-либо собственно языковая реалья, а лишь «основная единица классификации словообразовательной системы»⁶ (выделено мной.— С. А.), т. е. некий инструмент науки, нельзя в принципе согласиться с тем, что «словообразование», с любой точки зрения, — это не «образование слов».

Какое бы место в языке ни отводить для структурно-семантических отношений между родственными словами, для словообразовательных формантов и т. п., это очень мало приблизит нас к пониманию типологического статуса собственно словообразования, места в языке процесса образования новых слов, — а феномен словообразования только в том и заключается⁷.

В дальнейшем будем исходить из того, что словообразование есть процесс производства известного вида единиц номинации — слов. Чтобы в наибольшей мере определенно обрисовать характер, типологию словообразования, прибегнем к некоторому «остраннению» (по Б. Шкловскому).

Типологически создание слов есть одна из разновидностей творческой деятельности человека, процесса создания, если воспользоваться терминологией технической, некоторой новой конструкции (НК). В тех же терминах созидательный процесс может быть представлен поэтапно так:

1. Осознание необходимости создания НК.
2. Формулирование проектного задания.
3. Конструктивная разработка НК.
4. Технологическая разработка НК.
5. Выполнение НК в материале.
6. Отладка НК.
7. Включение НК в некоторую наличную систему с необходимой специализацией (применительно к данной системе) функций НК.

Представляется, что при всем индивидуальном своеобразии сравнительно с другими видами человеческой созидательной деятельности феномена словообразования приведенное «техническое» описание достаточно корректно, в качестве метаязыкового может быть распространено на процесс создания новых наименований — слов. Приведем в соответствии с метаязыковым схематическое описание словотворческого процесса в его наиболее сложной форме — при использовании так называемого морфологического способа словопроизводства (такого рода описание, с необходимыми поправками, может быть отнесено и ко всем другим способам) ⁸:

1. Обнаруживается, что в языке (или в индивидуальном словарном запасе) нет (практического, компактного) средства для обозначения (новой) реалии (понятия) — например, 'пилот вертолета' (поскольку наименования *летчик*, *пилот* исторически связаны только с вождением самолета).

2. Осознается («формулируется») задача: создать наименование, которое удовлетворяло бы требованию означить данную реалию путем фиксации некоторых ее «различительных признаков» — в нашем случае: наименование человека (лица), который 'летает на вертолете', 'правит вертолетом', 'знает устройство вертолета', 'профессионально связан с вертолетом' и т. п.

3. В качестве конструктивной формы избирается слово, изоморфное словосочетанию: включающее элемент для фиксации категориального признака ('лицо') и другой компонент для фиксации какой-либо «бросающейся в глаза» (причем не «занятой») индивидуализирующей черты обозначаемого.

4. На «технологическом» этапе из ряда синонимических средств, могущих передать категориальный признак, выбирается какое-либо одно (наиболее «современное» — продуктивное) и определяется подлежащий фиксации конкретный индивидуализирующий признак (суффикс *-щик*; 'профессионально связан с вертолетом').

5. Производится реализация конструктивно-технологического «проекта»: с суффиксом *-щик* соединяется одно из возможных средств для передачи индивидуализирующего признака (из эквивалентных в этом смысле основ *вертолет-* /*вертолетн-* используется первая).

6. Происходит «приспособительное» изменение внутри конструктивного целого — изменение морфонологическое («отладка» деривата может иметь и другой характер): *вертолет-щик* преобразуется в *вертолет-чик*.

7. Наконец словный дериват включается в лексическую систему, при этом происходит «идиоматизация» его значения: в ряду *летчик — вертолетчик* (ср. позднее *космолетчик*) последнее слово специализирует свое значение: «лицо, профессионально связанное с вертолетом» > «пилот вертолета» (в ряду *доменищик — автобусник — вертолетчик* специализация значения была бы иной).

Что дает такое описание? Помимо того, что оно эксплицирует сам словообразовательный процесс, это описание позволяет лучше осознать связи словообразования с разными сторонами единого языкового «организма». На основе предложенной экспликации эти связи могут быть поэтапно охарактеризованы следующим образом:

С	— (1) лексика — семантика
Л	
О	— (2) семантика
В	
О	
О	— (3) семантика — синтаксис
Б	
Р	
А	— (4) семантика — синтаксис — морфология
З	
О	— (5) синтаксис — морфология
В	
А	
Н	— (6) морфология (морфонология)
И	
Е	— (7) семантика — лексика

Становится вполне очевидным, что процесс словообразования ни с какой отдельной областью языка особо соотнесен быть не может — ни с лексикой или морфологией, ни с синтаксисом: нельзя абсолютизировать тот или иной этап словообразовательного процесса (с присущими ему доминирующими связями)⁹; словообразование не может быть отнесено к

какому то ни было уровню, или ярусу, языка либо же само по себе представить такой уровень (или «надуровень», «сверхуровень»), как это пытаются обосновать некоторые ученые¹⁰. Попытки установить языковой статус словообразования путем включения его в уровневую стратификацию языка абсолютно бесперспективны уже постольку, поскольку при всех расхождениях в трактовке характера организации языка, наверно, можно считать общепринятым, что уровни — это определенные «части», «стратумы» и т. п. субстанции (или структуры) языка¹¹ и потому никоим образом не могут «вместить» что бы то ни было по природе своей процессуальное.

* * *

Как же все-таки словообразование соотносится с системой языка? Для ответа на этот вопрос следует прежде всего обратиться к тому, что называют «основной», «элементарной», «исходной» единицей словообразования. Исследователи далеко не сходятся в понимании такой единицы. К примеру, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов считают таковой «морфему» или «формант», Е. А. Земская и Е. С. Кубрякова — «производное слово», Л. В. Сахарный — «словообразовательную модель», П. С. Соболева — «деривационный шаг» и т. д.¹² Эти расхождения, естественно, отражают уже не раз отмечавшуюся «многоаспектность» анализа феномена словообразования, выдвижение в центр внимания то ли одной, то ли другой его стороны.

Нам представляется, и об этом говорят некоторые другие авторы¹³, что стремление указать единственную «центрально» единицу словообразования вообще неправомерно. Словообразовательный процесс имеет свои «начало» и «конец»; в его начале стоит словообразовательная модель, которая определяет, как из наличных элементов языка (морфем, слов, устойчивых словосочетаний) может быть произведено необходимое новое наименование, — и эта модель есть реально существующая и осознаваемая носителями языка единица языковой системы; в «исходе» же словообразовательного процесса стоит конечный его результат — слово, слово с мотивированным значением, которое тоже является особой, уже иного характера, единицей языковой системы.

Однако наличие в системе языка элементарных единиц двоякого рода можно видеть не только в области словообразования (и это также в какой-то мере было уже предметом обсуждения). С одной стороны, существуют такие системные единицы, как фонема, морфема, словоформа, слово — это «готовые» структурные единицы языка, определяющие нали-

чие фонематического, морфематического, морфологического и лексического уровней¹⁴ (кроме того, можно говорить о «подуровне», единицами которого являются «меризмы» (Э. Бенвенист), и «надуровне», элементами которого являются фразеологические единства). С другой стороны, язык располагает системными единицами иного, деривационного характера: «модель образования фонем», «модель образования морфем», «модель образования словоформ», «словообразовательная модель», «модель образования предложений»¹⁵.

Наличие в системе языка элементарных частиц двоякого рода заставляет по-новому подойти к общей характеристике этой системы. Структурные единицы языка в совокупности и определенной аранжировке образуют субстанциональную, или структурную, часть языковой системы, «структуру языка»¹⁶; деривационные же единицы в совокупности и определенной организации составляют другую часть языковой системы, которую можно было бы назвать «дериватикой языка». Дериватика языка так же, как и структура, имеет некоторую стратификацию, однако важно подчеркнуть, что «секции» дериватики (и единицы дериватики) имеют принципиально иное соотношение, чем уровни (и единицы) структуры языка. — что, со своей стороны, тоже определяет «двухчастность» языковой системы. Однако все это требует более подробного рассмотрения — вне рамок настоящей статьи.

Слово (в том числе мотивированное) представляет собой единицу лексического уровня структуры языка, словообразовательная модель — единицу соответствующей секции дериватики. Этими фактами и определяется соотношение феномена словообразования с наличной языковой системой.

Однако сделав такое заключение, мы оказались еще только на подходе к выяснению языкового статуса словообразования: мы еще не коснулись его сущностной, собственно процессуальной стороны.

* * *

Словообразовательный процесс происходит в речи, в реальной номинативной и коммуникативной практике носителей языка. Именно в речи на основе уже существующих структурных единиц языка по существующим в языке моделям (с учетом норм морфологических, морфонологических, а также стилистических и проч.) создается для означивания некоторого элемента действительности (>понятия) единица номинации. Словообразовательный процесс, как и любой другой такого же типа, связывает воедино в реальном бытии, функционировании языка две части языковой системы — дерив-

ватику и структуру. Более того: словообразовательный процесс, подобно любому деривационному процессу, со всей определенностью выявляет органическое единство языковой системы и речевой практики, целостность живого «организма» языка: язык, по Гумбольдту, есть не только *ergon*, т. е. сформировавшаяся наличная система языковых средств, но одновременно и *energeia*, т. е. непрестанное «воспроизведение» языковой системы и тем самым непрестанное языкотворчество («язык не есть нечто готовое и обозримое в целом; он вечно создается...»). Проводимое, начиная с Соссюра, в методических целях разделения человеческого языка на «язык» (в смысле «языковая система») и «речь», необходимое прежде всего для синхронного, на некотором временном срезе, описания наличной системы (структуры) языка, совершенно недопустимо, когда речь идет о реальном бытовании языка¹⁷. Главной и определяющей чертой языка является его функционирование, без речевого, когнитивного и коммуникативного функционирования нет самого языка (так называемый мертвый язык не язык: это именно мертвая языковая система, мертвый код, порой не поддающийся расшифровке; наличие «готовых» речевых произведений — текстов — на таком некогда существовавшем языке дела не меняет).

Словообразование — один из видов речевой деятельности человека. Именно в речевой деятельности производится моделирование новых наименований, материальное воплощение «проекта» слова, морфонологическая «отладка» лексического («словного», по Н. М. Шанскому) деривата, — обобщенно говоря, происходит словообразовательный акт. «Словообразовательный акт» выступает в качестве речевой, динамической по своему характеру, единицы словотворческого процесса, словообразования. Эта единица находится в ряду таких речевых феноменов, как акт порождения словосочетания и предложения, акт порождения новой словоформы и т. д.

Однако речь помимо «части» собственно процессуальной («речевая деятельность») включает еще «часть» результативную — непосредственные продукты речевой деятельности, причем продукты не «языковые», в узком понимании этого термина, а именно непосредственные, речевые. Наиболее типичный продукт речевой деятельности — высказывание, по структурно-семантической форме — предложение. Таким же непосредственным продуктом речевой деятельности является словный дериват, по другой терминологии — речевое слово¹⁸. Следует подчеркнуть существенное различие между словным дериватом и производным словом — элементом лексической системы языка: словный дериват имеет только деривационное (словообразовательное) значение, в слове же «стирается ощущение его семантической структуры, его «внутрен-

ней формы», и обнаруживается и укрепляется его прямое отношение к действительности»¹⁹; значение словного деривата целиком определяется словообразовательной моделью и повторяет типовое значение сходных структурно-семантических образований, значение же производного слова хотя и несет на себе в большей или меньшей степени печать деривационного значения, однако имеет принципиально иной характер — системно обусловленный, определенный местом и ролью данного элемента в номинационной системе языка, и в этом отношении оно ничем не отличается от значения слова неприводного. Такое подробное объяснение потребовалось потому, что, к сожалению, в лингвистической практике названные два феномена различаются недостаточно последовательно.

Таким образом, помимо двух системно-языковых единиц — словообразовательной модели и производного (мотивированного) слова, словообразование выделяет еще две, уже речевые, элементарные единицы: процессуальную — словообразовательный акт и результативную — словный дериват. Последовательность «словообразовательная модель — словообразовательный акт — словный дериват — производное слово» в полной мере характеризует «содержание» того языкового явления, которое именуется словообразованием. Аналогию этому можно увидеть в последовательности «модель образования предложения (более компактного названия, к сожалению, не существует) — акт образования предложения — предложение...», на этом цепочка обрывается, поскольку предложение относится только к сфере речи, в структуру языка не входит. Только в случае закрепления какого-либо синтаксического целого в языке (в качестве воспроизводимой единицы) указанная последовательность может быть продолжена: «... — фразеологическое единство». Такого же рода последовательности можно выявить и при исследовании производства новых словоформ, новых морфем и фонем, однако по понятным причинам там они значительно слабее эксплицированы.

* * *

В связи с выделением ряда сосуществующих в языке разного характера элементарных частиц необходимо сказать несколько слов о понимании языковой синхронии. Уже классическое русское языкознание сформулировало тезис о сосуществовании в языке статике и динамики; если под термином «синхрония» понимать не некий условный «одномоментный» срез языка, а языковое состояние опре-

деленного периода (может быть, периода, соотносимого с одной генерацией носителей языка), следует считать, что динамика есть одно из проявлений синхронии: язык обладает статической основой и динамической формой существования; динамика («жизнь» языка) есть способ синхронного бытия языка, подобно тому как движение — *«способ существования материи»*²⁰. Синхрония языка включает в себя и некоторую субстанциональную систему²¹, и ее движение.

Поэтому синхронное изучение языка не может сводиться к анализу его наличной структуры и средств порождения речевых произведений — оно должно включать три направления, объединять три науки: дериватику, или науку о системе деривационных средств языка, дериватологию, или науку о речевой деятельности и ее результатах, и структурологию, науку о совокупности и организации наличного языкового материала (который с помощью деривационных средств используется в речевой деятельности — для номинации элементов действительности и коммуникации между носителями языка).

В соответствии с этими тремя разделами лингвистики и должно изучаться (синхронное) словообразование.

* * *

Только теперь мы можем высказать суждение о типологическом, языковом статусе словообразования.

Из всего изложенного выше следует, что словообразование никак не может получить надлежащего места в той «модели языка», которая чаще всего представляется как статическая модель языковой системы. Словообразование связано с языковой системой только своим операциональным механизмом и конечными результатами, накапливаемыми лексикой языка.

В целом же словообразование является компонентом языка в его глобальном понимании, «языка-речи», языкового «организма», сочетающего «анатомию и физиологию» языка; словообразование следует принимать как компонент динамической модели языка — инструмента и способа коммуникации, диалектически сочетающего в себе некоторую, постоянно развивающуюся знаковую систему и ее социальное использование.

¹ Кубрякова Е. С. Еще раз о месте словообразования в системе языка. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I. Учен. зап./Ташкентский пед. ин-т, 1975, т. 143, с. 52.

² Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Просвещение, 1973, с. 6.

³ «Синхронное словообразование» не сводится к словообразовательному анализу, но в принципе «однопланово» с ним, ср.: «Словообразовательный анализ заключается в том, чтобы... установить морфологические и семантические отношения между выводимым и базовым словом» (Янко-Триницкая Н. А. Словообразовательная структура и морфемный состав слова.— В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I. Самарканд, 1972, с. 17).

⁴ Сильницкий Г. Г. Понятие лексической основы и его роль в современной теории словообразования.— В кн.: Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов научной конференции. Московский пед. ин-т ин. языков им. Тореза, 1979, с. 93.

⁵ Грамматика современного литературного языка.— М.: Наука, 1970, с. 37.

⁶ Там же, с. 39.

⁷ Заметим, что иначе начинают подходить к делу другие сторонники «синхронного словообразования», которые видят его задачу в «реконструкции словообразовательного акта» — см.: Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977, с. 225 (раздел «Словообразование» написан Е. С. Кубриковой); Шадрин В. И. К проблеме синхронной реконструкции словообразовательного акта.— В кн.: Словообразование и фразообразование. М., 1979.

⁸ Более подробно о словообразовательном процессе см.: Адливанкин С. Ю. К вопросу о системности словообразования.— В кн.: Словообразование и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермский ун-т, 1977.

⁹ Однако если учитывать первостепенную важность этапа моделирования нового наименования, можно признать справедливым, что в словообразовании все чаще видят явление семантико-синтаксическое.

¹⁰ См., например, работы П. А. Соболевой, В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, Л. В. Сахарного и др.

¹¹ Ср.: «Уровни языка представляют собой... сферу физического субстрата» (Колшанский Г. В. Проблема стратификации структуры языка.— В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. Тезисы научной конференции. Московский пед. ин-т ин. языков им. Тореза, 1967, с. 79).

¹² См., например: Лопатин В. В., Улуханов И. С. К соотношению единиц словообразования и морфологии.— В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, с. 121, 123; Земская Е. А. О строении системы синхронного словообразования.— В кн.: Словообразование и фразообразование, с. 37; Сахарный Л. В. О соотношении лексического и словообразовательного уровней языка.— В кн.: Уровни языка и их взаимодействие, с. 132.

¹³ Ср.: «...Все сказанное, как кажется, позволяет считать формулы строения некоторыми единицами, которые, однако, не стоят в одном ряду с основными единицами языка — фонемами, морфемами и словами» (Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование.— М.: Наука, 1977, с. 192—193. К сожалению, вопреки сказанному В. М. Солнцев приходит к выводу: «Формулы строения, например, слов ... в совокупности образуют некоторый сверхкласс, подобный уровню, образуемому фонемами, морфемами и словами (с. 192), и хотя тут же делается оговорка, что «этот уровень... существенно отличается от уровней, образуемых основными единицами», это дела не меняет,— ср. ниже); см. также работы А. И. Смирницкого, В. М. Павлова и др.

¹⁴ Ср.: Уфимцева А. А. Типы словесных знаков.— М.: Наука, 1974, с. 75.

¹⁵ Некоторые термины из числа приведенных еще не встречаются в лингвистической практике. Однако изучение процессов фонологизации (и обратно — дефонологизации), трансфонологизации звуковых единиц подводят нас к установлению способов, норм, моделей образования фонем;

модели образования морфем также постепенно стали изучаться — ср., например: Иванов А. И. Морфемообразование и лексическая динамика языка. — В кн.: Словообразование и фразообразование, — где речь идет об изучении структурных и семантических аспектов механизма образования морфем» (с. 39).

¹⁶ «Совокупность элементов (единиц) данного объекта называется структурой» (Щур Г. С. О некоторых вопросах лингвистики. — В кн.: Вопросы общего языкознания. М., 1964, с. 16).

¹⁷ «Соссюровская антиномия *langue* — *parole* с противопоставлением обоих членов как отрешенных друг от друга противоположностей представляет собой порочный круг. На самом деле эти две противоположности составляют диалектическое единство» (Филин Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка. — В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 18).

¹⁸ Ср.: Чинчлей Г. С. «Слова речи» и синтематика. — Филологические науки, 1974, № 3; Солнцев В. М. Указ. работа.

¹⁹ Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, s. 206.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 631. Применительно к языку см.: Ломтев Т. П. Язык и речь. — Вестник МГУ, 1961, № 4, с. 66.

²¹ Модели, или «формулы строения», слов, словосочетаний А. И. Смирницкий считал «относительно-материальными единицами языка» — см.: Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 16.

А. П. ЧУДИНОВ
Стерлитамакский пединститут

О РЕГУЛЯРНОМ ХАРАКТЕРЕ ПРОЦЕССОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ У СЛОВ, БЛИЗКИХ ПО ЗНАЧЕНИЮ

Процессы развития у семантически близких слов однотипных производных значений, рассматриваемых С. Ульманом как одна из семантических универсалий¹, уже исследовались русскими лексикологами². В основе указанной иррадиации семантически близких слов лежит тот факт, что они имеют однотипные семантические или ассоциативные признаки, которые и служат основанием для метафорического или метонимического переноса. Таким образом, регулярная многозначность, как и объединение слов в лексико-семантические группы, есть следствие семантической общности слов.

В настоящей статье анализируются особенности семантической деривации глаголов, объединяемых семантическим признаком «биологически существовать (жить)». Исходя из наличия в их семантике других категориальных семантических признаков³ (каузативности, начинательной и завершательной фазисности), глаголы названной лексико-семантической группы могут быть подразделены на пять подгрупп: а) глаголы перехода от биологического несуществования к

биологическому существованию (*родиться, вывести, вылупиться* и т. п.); б) глаголы каузирования перехода от биологического несуществования к биологическому существованию (*родить, отелиться, оягниться* и т. п.); в) глаголы, обозначающие собственно биологическое существование (*жить, доживать, существовать* и т. п.); г) глаголы перехода от биологического существования к биологическому несуществованию (*погибнуть, умереть, скончаться* и т. п.); д) глаголы каузирования перехода от биологического существования к биологическому — несуществованию (*убить, зарезать, расстрелять* и т. п.).

Сначала рассмотрим особенности переносного употребления каузативных и некаузативных глаголов, обозначающих появление на свет живых существ. В соответствии с первой моделью относительно регулярного метафорического переноса⁴ у названных глаголов нейтрализуется категориальный семантический признак «биологический». В этом случае глаголы анализируемых подгрупп обозначают возникновение, созидание предметов (в широком смысле), не относящихся к миру живой природы. Например:

«Затем Ипполит Кириллович перешел к тому, как постепенно зародилась в подсудимом мысль отцеубийства, и проследил ее по фактам» (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); «Девочка чувствовала тайну, между ними зародившуюся, лишившую ее покоя, и терпеливо ждала» (В. Астафьев. Мальчик в белой рубашке); «Тешься, грабь, нагуливайся напоследок, тевтонская твоя душа. Отнимай у нищей старухи ее последнее достояние, курочку рябу, — из ее яичек еще выведутся тебе красные петушки» (Л. Леонов. В наши годы); «Там появились различные филиалы заводов и фирм, от которых потом отпочковались новые производства» (В. Вишневский. Ленинград — морской город); «Рожай, дружок, решеньице, рожай... Ну, ну родимый, раз — и отелился» (Е. Евтушенко. Северная надбавка); «Общее впечатление было в его пользу и рождало убеждение, что ему можно довериться» (А. К. Толстой. Князь Серебряный).

В соответствии с этой моделью метафорического переноса могут употребляться практически все глаголы подгруппы, однако модель названа относительно регулярной, в связи с тем, что не зафиксировано случаев переносного употребления малочастотных глаголов *аркебузировать* и *колесовать*.

При употреблении согласно данной модели глаголов других подгрупп лексики биологического существования названные лексические единицы обозначают соответственно существование, прекращение существования или каузирование

прекращения существования предметов и явлений, не относящихся к миру живой природы. Например:

«Если живет эта мысль хотя лишь в немногих головах, то она еще не погибла, а светит, как огненная точка в глубокой мгле» (Ф. Достоевский. Подросток); «В нем жил заячий испуг, тревожное предчувствие несчастья — это было ясно мне» (А. Горький. Мои университеты); «Спрашивается, неужели потому вымирали крыловские басни, что не осталось новых применений для старых тем» (Л. Выготский. Психология искусства); «Война подыхает в том самом рейхе, который выпустил ее на погибель мира. Она корчится в муках и грызет чрево, ее породившее» (Л. Леонов. Публицистика); «То, что случилось, было так голо, безмолвно, неприкрашено ни словом от сердца, ни тем бешенством плоти, которое умерщвляет стыд и раскаяние» (А. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); «Знайτε, товарищи бабы, один верный закон: молчи, убей в себе всякую память» (Ф. Гладков. Цемент).

Как видим, при переносном употреблении глаголов биологического существования в соответствии с первой моделью относительно регулярного метафорического переноса они преимущественно сочетаются с существительными, имеющими абстрактное значение. Сочетания глаголов биологического существования в указанном значении с конкретными существительными по подсчетам, проведенным нами на материале картотеки словарного сектора Ленинградского отделения НИИ языкознания АН СССР, не превышает 5% от общего числа переносных употреблений по данной модели. Чаще всего такое употребление встречается в публицистических текстах. Например:

«Заводы умирали, как крейсера в море, взорвав котлы и окутавшись дымом» (Б. Горбатов. Военные годы); «Но родился трактор в неурочный тяжкий час: на город шли враги» (О. Берггольц. Первороссийск); «Прямым попаданием 210 мм снаряда разбило кожух у орудия младшего сержанта Репина. Орудие было умерщвлено, хотя приборы его были целы» (П. Павленко. Возрождение); «Побывайте в литейном цехе, где рождаются детали будущих машин» (Ленинградская правда, 1955, 30 авг.).

Глаголы анализируемой группы свободно сочетаются с существительными, обозначающими совокупность живых существ (партия, отряд, банда, стадо и т. п.). При этом значение названных глаголов может быть прямым (обозначение жизни, рождения и смерти живых существ), но чаще бывает переносным. В последнем случае глаголы группы обозначают не рождение, существование или смерть отдельных живых существ, составляющих коллектив, а возникновение, суще-

ствование или прекращение существования коллектива как определенного единства. Например:

«Совпадение нашей тактики и тактики группы К. Либкнехта не случайность, а один из шагов рождающегося III интернационала» (В. И. Ленин. Социал-шовинизм и интернационализм); «Бороться с этими шайками было некому, а они все плодились, росли, все жесточе расправлялись с населением» (Д. Фурманов. Мятеж); «Хелена вступает в союз, рожденный для борьбы» (Комсомольская правда, 1978, 22 сент.); «Так Филипп Петрович и Бараков смогли узнать, что райком, созданный ими, живет, действует и изыскивает способы, чтобы освободить и «больших» и «маленьких» (А. Фадеев. Молодая гвардия); «Взамен тихо и безропотно скончавшегося Литературного общества вскоре возникает организация специфически военного образца» (Литературный Ленинград, 1934, 27 авг.); «Мнимое влияние Великобритании базировалось на заблуждении, что Сообщество наций было законным наследником почившей Британской империи» (В. Осипов. Британия глазами русского).

В соответствии со второй моделью относительно регулярного метафорического переноса у глаголов анализируемой лексико-семантической группы нейтрализуется категориальный семантический признак «биологический». В этом случае у каузативных и некаузативных глаголов перехода от биологического несуществования к биологическому существованию на первый план выступает ассоциативный для прямого значения признак «приобрести после рождения те или иные психические, физические, интеллектуальные качества или свойства». При переносном значении указанный ассоциативный признак играет роль дифференциального — именно он лежит в основе метафоры⁵. В связи с этим глаголы названных подгрупп обозначают в данном случае приобретение человеком определенных качеств и свойств уже в процессе жизни. Например:

«Дайте нам авторов, пробудите благородную деятельность в людях мыслящих и — читатели родятся» (П. Вяземский. Замечания на краткое обозрение русской литературы); «Он думал о том, как Мечик все-таки слаб, ленив и безволен и как же на самом деле безрадостно, что в стране плодятся еще такие люди — никчемные и нищие» (А. Фадеев. Разгром); «Отдам его в ПТУ, потом в армию, там из него человека сделают». — «Александр Павлович, а ведь в армию надо идти уже человеком» — «А если еще не вылупился?» (кинофильм «Это мы не проходили»); «Он принадлежал к числу тех недоброжелательных, вечно чем-то обиженных, злых, жестоких офицеров, которых во множестве породила кавказская война» (В. Катаев. Кладбище в Скулянах); «Борьба за

социальную справедливость рождала нового бойца» (А. Кривицкий. Одиночный боец).

В соответствии с рассматриваемой моделью глаголы, обозначающие процесс биологического существования и переход от биологического существования к биологическому несуществованию, используются для обозначения наличия или исчезновения, уничтожения в человеке тех или иных качеств и свойств. При этом семантический признак «биологический» также нейтрализуется. Например:

«Попробуйте повториться в искусстве. Художник умирает, если повторяется» (К. Федин. Необыкновенное лето); «Работник в тебе подох, а хозяин-то не родился, так, говорит — ты и будешь всю жизнь болтаться на углу, как забытый отвес на нитке» (А. Горький. Ледоход); «Йорданов сказал: «Вы убили в себе поэта». Красивая фраза, не более того» (М. Коршунов. Автобиография); «Это была последняя попытка отчаянной женщины, что до сих пор тайно жила в ней» (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей).

Относительно регулярный метафорический перенос значений глаголов каузирования перехода от биологического существования к биологическому несуществованию может осуществляться по модели, в соответствии с которой нейтрализуется комплекс их семантических признаков «перейти от биологического существования к биологическому несуществованию», но сохраняются пейоративные ассоциации, связанные с этим комплексом. Именно эти ассоциации и служат основой для метафорического переноса, в результате которого возникает значение «поставить в тяжелое положение, сильно огорчить». При употреблении по этой модели глаголов относительно регулярного метафорического переноса психическое, интеллектуальное воздействие на человека сопоставляется с непосредственным физическим воздействием, приводящим к гибели. Например:

«Что же это вы, папаша,— сказал он (Бендер) проводнику,— пассажиров не надо линчевать без особой необходимости» (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок); «Руководители завода «Продмаш» забили тревогу: «Подводят поставщикурыльцы! Без ножа режут! А если говорить точнее — душат без ремней» (задерживают поставки приводных ремней для станков) (Правда, 1978, 5 февр.); «За что ты меня убила? — так начала свои жалобы огорченная вдова.— Кого тебе еще нужно? Чем он тебе не муж?» (И. Тургенев. Дворянское гнездо); «Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай» (Н. Гоголь. Ревизор).

По аналогичной модели осуществляется метафорический перенос глаголов перехода от биологического существования к биологическому несуществованию. И в этом случае нейтра-

лизуется комплекс семантических признаков «перейти от биологического существования к биологическому несуществованию», а основой для метафоры служат пейоративные ассоциации, вызванные смертью. В результате такого переноса возникает значение «попасть в трудное, тяжелое положение». Например:

«Мужчины все таковы, В женихах они обыкновенно умирают от любви, а как женятся, так и начнут обманывать» (А. Писемский. С. П. Хазаров и М. Ступицына); «Да, весело, черт возьми, а то было я уж издох от скуки» (А. Н. Островский. Горячее сердце); «Восемь посылок с английской литературой. Помогите просмотреть и разобраться... Мы без вас погибнем! — Ну уж?! — Уже погибли» (С. Залыгин. Южно-американский вариант).

Относительно регулярно является также использование глаголов, обозначающих рождение и смерть животных, по отношению к людям. Ср.:

«Ну, какого черта старая ведьма не идет еще, — нетерпеливо возмущался Семка. — Подохла, что ли?» (М. Горький. Дело с застешками); «Я же вылупился здесь из яйца» (Ф. Гладков. Цемент); «Вот Вася, гляди: ты работаешь, а она в четырех комнатах отелиться не может» (О жене) (М. Горький. В людях).

Как отмечает А. И. Ефимов, в большинстве случаев такое употребление является стилистически сниженным и выражает отрицательно-пренебрежительную оценку действий⁶.

Относительно регулярно используются глаголы умерщвления для обозначения пермиссивной неконтактной каузации⁷, т. е. в таких предложениях, где лицо, обозначаемое в предложении как субъект действия (подлежащее), не является непосредственным исполнителем действия. Известно, что в русском языке для отражения пермиссивной неконтактной каузации чаще всего прибегают к глаголу *погубить*. Например: «Швабрин разъезжал с ним (Пугачевым) из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места» (А. Пушкин. Капитанская дочка). Особенности семантики глагола *губить* отражаются в его словарных толкованиях, что особенно заметно при их сопоставлении с дефинициями глагола *убить*. Ср. толкования этих слов в четырехтомном словаре русского языка: *Губить* — *приводить к гибели, смерти; Убить* — *лишить жизни, умертвить*. Неконтактную каузацию могут обозначать и другие глаголы умерщвления, но такое их употребление может привести к нарушению речевого контакта между говорящим и слушающим, характерному для следующего текста:

Николай: Только я не понял: кто кого убил?

Учитель: Убили нашего поэта Пушкина.

— А-а! — Николай кивнул головой. — Вон кого...

— А другой поэт — Лермонтов — обвиняет тех, кто его убил. А убил его царь.

— Ну?!

— Не сам царь, конечно, а его люди.

(В. Шукшин. Избр. произведения в 2-х томах, т. 2, с. 207).

В диалоге Иуды и Петра Головлевых (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы) первый лишь делает вид, что не понимает использования глагола *убить* в переносном значении для обозначения пермиссивной неконтактной каузации:

Иуда: Стало быть, по-твоему, я убил Володеньку?

Петр: Да, вы!

Иуда: А по-моему, это не так. По-моему, он сам себя застрелил. Я в то время был здесь, в Головлеве, а он — в Петербурге. При чем я тут мог быть? как мог я его за семьсот верст убить?

Петр: Уж будто вы и не понимаете?

Иуда: Не понимаю... видит бог, не понимаю!

Представляется, что такое использование глаголов умерщвления целесообразно интерпретировать как переносное⁸.

В основе этой модели относительно регулярного метафорического переноса лежит тот факт, что то или иное способствование умерщвлению живого существа обозначается как непосредственное физическое воздействие, приводящее к смерти, т. е. убийство. Например:

«В XV веке Ричард III обманом завлек сюда племянников — Короля Эдуарда V и герцога Йоркского — и расправился с ними «по-родственному»: задушил обоих, а сам вступил на престол» (Комсомольская правда, 1978, 28 марта); «Убить Грибоедова, как и Пушкина, сразу он (царь Николай I. — А. Ч.) не посмел. Но он заковал его в чины и ордена и сослал в таком виде» (Л. Леонов. Публицистика); «Нет сомнений, что Неруда пал жертвой фашистского путча. Именно хунта уничтожила великого поэта» (Неизлечимая болезнь поэта завершилась смертью после того, как Пабло Неруда узнал о фашистском мятеже. — А. Ч.) (Комсомольская правда, 1973, 24 ноября); «Генрих VII казнил в Тауэре в 1535 году выдающегося английского гуманиста, писателя, своего лорда-канцлера Томаса Мора» (Комсомольская правда, 1978, 28 марта).

Таким образом, даже относительно небольшой материал показывает, что процессы семантической деривации в глагольной лексике биологического существования имеют относительно регулярный характер. Если по одним моделям возможен метафорический перенос глаголов, относящихся к любой из проанализированных подгрупп глаголов, то по другим моде-

лям относительно регулярного метафорического переноса могут изменяться только глаголы определенных подгрупп. Степень узуальности переносного употребления, анализируемых глаголов также не является одинаковой. Наиболее свободным является переносное употребление глаголов, которые занимают центральное положение в лексико-семантической парадигме, а слова малоупотребительные, обладающие узким, специальным значением, обычно употребляются переносно в качестве индивидуально-авторских метафор, либо вообще лишены такой возможности.

¹ Ульманн С. Семантические универсалии.— В кн.: Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970, вып. 5, с. 266.

² Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка.— М.: Просвещение, 1964, с. 156 и след.; Гречко А. Б. О некоторых источниках лексической синонимии.— В кн.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка.— М., Л.: Наука, 1966; Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности.— Известия АН СССР, ОЛЯ, 1971, т. XXX, вып. 6; Кузнецова Э. В. О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов.— Филологические науки, 1978, № 2.

³ Различные типы семантических признаков рассматривает Д. Н. Шмелев. См.: Шмелев Д. Н. Семантические признаки слов.— РЯНШ, 1968, № 5.

⁴ О принципах разграничения регулярных, относительно регулярных и нерегулярных переносных значений см.: Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика.— М.: Просвещение, 1977, с. 129.

⁵ На распространенность метафорического переноса, базирующегося на ассоциативных признаках, указывает Д. Н. Шмелев. См. его статью: О переносных значениях слов.— Русская речь, 1978, № 3.

⁶ Ефимов А. И. Стилистика художественной речи.— Изд-во МГУ, 1957, с. 397.

⁷ О принципах классификации каузативных ситуаций и каузативных глаголов см.: Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций.— В кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив.— Л.: Наука, 1969; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка.— М.: Наука, 1973, с. 278 и след.; Храковский В. С. Очерки по общему и арабскому синтаксису.— М.: Наука, 1976, с. 167 и след.; Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл.— М.: Наука, 1976, с. 167 и след.

⁸ См.: Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка.— Изд-во МГУ, с. 98 и след.; Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы.— М.: Просвещение, 1976, с. 122.

МОТИВИРОВАННОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ЛИЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕЙТРАЛЬНЫМИ СЛОВАМИ

Материалы словаря В. И. Даля и картотеки Словаря русских говоров Среднего Урала показывают, что эмоционально-оценочные личные существительные большей частью образованы от эмоционально окрашенных слов и фразеологизмов. Представляя собою вторичное средство¹ выражения оценки лица по какому-то признаку, существительные как бы наследуют экспрессию мотивирующей единицы. Однако небольшая в сравнении с общим количеством группа эмоционально-оценочных номинативов восходит к словам, лишенным языковой оценочной коннотации. В этом случае личные существительные обладают идиоматичностью особого рода: их значение включает в себя не содержащиеся в исходном слове семы, с которыми и связан оценочный компонент значения.

В настоящей работе на материале словаря Даля рассматривается связь эмоциональных личных номинативов с нейтральными мотивирующими единицами; анализируется соотношение оценочной коннотации существительного с его деривационным значением.

I. Эмоционально-оценочные личные существительные, мотивированные глаголами.

Глагол может обозначать какое-то действие или состояние, не получающее в языковой единице никакой оценки (например, *недомогать, улыбаться, моргать, топотать, забывать, верить, прощать, слушаться*). Такие действия и состояния получают оценку, если представлены как постоянный признак лица или как признак, проявляющийся в большей (реже — в меньшей) степени, чем допускается общепринятой нормой. В лексическом значении эмоционально-оценочных существительных, образованных от таких глаголов, присутствуют либо сема «постоянно», либо сема «выше (ниже) нормы», либо — что редко — обе семы одновременно. Именно с этими семами и связана оценочная коннотация. Ср.: *недомочь* 'человек, постоянно недомогающий', *щура, щуреб* 'человек, который постоянно щурится', *улыба* 'человек, который постоянно улыбается', *молчун* 'человек, который постоянно молчит', *обрадуша* 'человек, который много, сверх меры, говорит', *моргач* 'человек, который моргает чаще, чем это обычно делают люди', *зобун* 'человек, который много, сверх меры, ест', *неидок* 'человек,

который мало, меньше меры, ходит'. Существительные с частицей *не* включают сему «постоянное отсутствие» или «невозможность» действия: *непробуда* 'человек, которого очень трудно пробудить от сна', *ненаеда* 'человек, который постоянно не наедается', *неверуха* 'человек, который постоянно никому не верит', *непроща* 'человек, который постоянно никому ничего не прощает', *незаботь* 'человек, который постоянно ни о чем не заботится'.

Глагол нередко обозначает черту внешности или поведения человека, но внимание носителей языка привлекает не этот внешний признак, а черта характера, в нем проявляющаяся. Оценочная коннотация и связана с той частью лексического значения, в которой отражена черта характера. Например, *досида* — это не 'человек, который досиживает до конца чего-то', а 'тот, кто усердно и терпеливо досиживает за работой' (Даль), т. е. оценивается трудолюбие называемого лица, а не само по себе действие «досиживать»; *сидень* — не 'тот, кто сидит', а 'домосед'; *потягуша* — не 'тот, кто потягивается', а 'ленивый человек'; *умываха* — не 'тот, кто умывается', а 'чистоплотный человек' или 'щегель'; *невыгляд* — не 'тот, кто не выглядывает', а 'угрюмый, нелюдимый человек'; *излучник* — не 'тот, кто излучает что-то', а 'тот, кто излучает время, чтобы выпросить что-то'.

Глагол, не имея соответствующего языкового переносного значения, при образовании существительного мог быть употреблен метафорически. Оценочная коннотация связана с тем признаком, по которому произведен перенос: *сдвигуля* 'ненадежный в слове человек, который как бы сдвигает слова', *окоротень* 'низкого роста человек, которого как бы окоротили', *лызгач* 'бойкий, проворный человек, который как бы лызгает, т. е. скользит по льду'.

II. Эмоционально-оценочные существительные, мотивированные существительными.

В зависимости от способов словообразования в этом классе выделяется две группы слов: существительные грамматических и существительные лексико-семантических способов словопроизводства.

Первая группа. Мотивирующие существительные обозначают деталь внешности, объект или обстоятельство действия именуемого лица и лишены языковой оценочности (*волосы, нос, глаз, мозг, лоб, заплата, локоть, салон, сережки, кафтан, алтын, окно, двор, печь*). Оценочность в производном существительном связана с мотивировочным признаком одноступенчато или двуступенчато.

Виды одноступенчатой связи.

1. Если наименование лица происходит по детали внешности, то оценка связана с признаком «выше нормы». Например,

губан 'человек с толстыми губами', *икряк* 'человек с толстыми икрами', *носач* 'человек с большим носом', *глазун* 'человек с глазами навывкате', *заплатник* 'человек в одежде, на которой много заплат'.

2. Если наименование осуществлено по объекту действия, характерного для лица, оценка связана с действием лица: *кафтанник* 'человек, который щеголяет кафтанами', *сережница* 'женщина, которая щеголяет сережками; вообще щеголиха', *невзгодник* 'человек, желающий другим невзгод'.

3. Если наименование отражает обстоятельство действия, оценка связана с действием лица: нищий назван *подоконец*, *подворотник*, *примостовник*, *подворник*. Оценка связана с действиями «бродить», «просить».

Двуступенчатая связь оценки с мотивировочным признаком наблюдается тогда, когда оценивается черта характера, а мотивирующее существительное называет объект или обстоятельство действия, служащего внешним проявлением этой черты характера. Например, скряга называется *кишечником*, оценка связана не с действием «готовить пищу из кишок», а с признаком «жадность, проявляющаяся во многих, в том числе и в этом действии»; доносчика называют *наушником*, *колоушником*, *подлокотником*, оценка связана не просто с действием «говорить», а с действием «говорить на ухо, под локоть» как проявлением определенной черты характера. То же соотношение наблюдается в наименованиях лентяя — *печушник*, *палатник*, домоседа — *домаха*, комнатник.

Вторая группа. В наименованиях лица, образовавшихся в результате метафорического переноса, оценка связана с признаком, по которому осуществлен перенос: *труба* 'переносчица слухов', *игла* 'насмешливый человек, говорящий колкости', *бушма* 'толстая женщина' (*бушма* 'брюква').

Если наименование лица возникло метонимически, оценка связана с метонимически замещенным признаком, осложненным семой «выше нормы, очень»: *жерло* 'человек, который очень громко кричит', *голова* 'очень умный человек'.

III. Эмоционально-оценочные существительные, мотивированные прилагательными.

Прилагательное называет признак, не оцениваемый на языковом уровне (*слепой*, *крепкий*, *бедный*, *высокий*, *полный*). Оценочность в лексическом значении личных существительных может быть связана непосредственно с этим признаком без дополнительных сем: *красава* 'красивая женщина', *слепыш* 'слепой человек', *злая* 'злой человек'.

В части личных наименований прямая связь между мотивировочным признаком и оценочностью не прослеживается.

1. Мотивировочный признак связан с действием, характерным для лица, причем оценивается весь комплекс «действие и

его признак»: *тоняк* 'человек, знающий дело до тонкостей, тонкий знаток дела', *готовец* 'человек, готовый делать что-то', *тихоня* 'человек, делающий что-то тихо, медленно'.

2. Мотивирующее слово называет признак, который связан с основным признаком, отраженным в лексическом значении слова, причинно-следственными отношениями, при этом оценка соотносится и с основным и с мотивировочным признаком: хилого человека называют *бледным*, *синюшка*, хилого ребенка — *худышка*. Признаки «бледный», «синий», «худой» предстают как следствие болезненности, оценка связана с признаком-причиной и с признаками-следствиями. Ср. также: *сытуха* 'толстая женщина', *босыня* 'нищий'.

3. Мотивирующее прилагательное может быть употреблено метафорически — оценка тогда связана с признаком, послужившим основой переноса: *масленик* 'балованный ребенок', *беляк* 'белоручка', *темняк* 'хмурый человек', *кругляш* 'толстый человек'.

Анализ материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Оценочная коннотация связана непосредственно с мотивировочным признаком только в эмоционально-оценочных личных существительных, мотивированных прилагательными. Как правило, это нейтральные прилагательные, называющие признак, который во внеязыковой действительности как-то оценен (*красивый, злой, слепой*).

2. При мотивированности глаголами, существительными и отчасти прилагательными оценочность соотносится со следующими признаками: «постоянно», «выше (ниже) нормы», с признаками, по которым произведен метафорический перенос, и с признаками, которые связаны с мотивировочным в широком смысле смежностью (как причина и следствие, как часть и целое).

¹ См.: Харченко В. К. Характеристика производных оценочных значений имен существительных в русском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.—Л., 1973, с. 4.

ДЕРИВАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В. С. ЮРЧЕНКО

Саратовский педагогический институт

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Наиболее глубинным, абстрактным уровнем коммуникативной единицы¹ является деление заключенной в ней грамматической структуры предложения на состав подлежащего и состав глагольного сказуемого (*Маленькая лампочка — освещает ярко комнату*). Однако данному членению коммуникативной единицы особенно не «везет» в последнее время. Хотя никто не доказал, что оно объективно не существует, это членение не включено в контекст современных синтаксических теорий. В лучшем случае оно находит некоторое внешнее отражение в теории: например, в виде чисто формального разграничения предложений на двусоставные и односоставные, что характерно для синтаксической теории, представленной в «Грамматике современного русского литературного языка»², или же в виде тоже чисто формального выделения именной и глагольной групп ($NP+VP$) при порождении предложения, как это наблюдается в различных вариантах трансформационной грамматики³. Возникшая научно-историческая ситуация, надо полагать, не случайна, а обусловлена развитием науки о языке. Попытаюсь выяснить некоторые причины такого нигилистического отношения к понятию двусоставности основного типа предложения⁴.

Одна из причин (возможно, самая главная) лежит вне языка и лингвистики — восходит к истории науки логики. Как известно, у синтаксической науки всегда были «трудные» отношения с логикой; очень часто она не могла определить адекватным образом эти отношения и просто «подчинялась» логике. Так было в прошлом, такая же картина наблюдается и в настоящее время, с той лишь разницей, что в прошлом синтаксическая наука часто «подчинялась» старой аристотелевой логике, а сейчас — новейшей математической логике. В середине XIX в. Ф. И. Буслаев усматривал в предложении субъектно-предикатную структуру логического суждения, выраженного словами, т. е. фактически отождествлял предложе-

ние с логическим суждением в его аристотелевом истолковании⁵. В наше время Т. П. Ломтев определил предложение как структуру, состоящую из предметных переменных, отношение между которыми выражено предикатом, т. е. фактически сблизил или даже отождествил предложение с пропозициональной функцией математической логики⁶. Исторически развиваясь, логика заменила традиционное суждение $S - P$ пропозициональной функцией, например, вида $P(x, y)$. В значительной мере именно поэтому синтаксическая наука перестала включать в свои теоретические построения факт двусоставности основного типа предложения, т. е. тот аспект коммуникативной единицы, который уже не находил соответствующей «поддержки» в логике. Однако при этом не учитывалось, что логика отнюдь не отбросила как некую псевдовеличину атрибутивное суждение, имеющее субъектно-предикатную структуру, например, *Роза красива*, но, соответственно преобразовав его, стала рассматривать это суждение как одноаргументную пропозициональную функцию $P(x)$. Перед лингвистикой стоит в какой-то мере сходная задача: осмыслив с позиции языка факт двусоставности основного типа предложения, принять его во внимание при разработке синтаксической теории. Очевидно, в данной ситуации лингвисты должны поступить так же, как и в случае с актуальным членением высказывания на тему и рему: хотя это членение тоже имеет, по существу, логическую (мыслительную) природу⁷, оно успешно исследуется и учитывается в синтаксических теориях.

Вторая причина скрыта в природе двусоставности предложения: последняя имеет потенциально логический (когнитивный) статус и непосредственно не принадлежит к грамматическому (в узком смысле слова) уровню языка. Следствием данного обстоятельства является то, что можно успешно решать много больших и малых вопросов в области синтаксиса конкретного языка, например, русского, не принимая во внимание деление основного типа предложения на состав подлежащего и сказуемого. Однако есть ряд фундаментальных проблем теоретического синтаксиса, которые нельзя исследовать, не проанализировав факт двусоставности предложения. К их числу относятся проблемы соотношения предложения и структуры мысли; предложения и внеязыковой действительности; предложения и словосочетания; грамматического и актуального членения предложения; формальной и семантической сторон предложения; внутренней природы предложения и системы его различных типов; системы частей речи и структуры предложения; проблемы предикативности, односоставности предложения и т. д. Не случайно все они остаются до сих пор нерешенными.

Понятие о двусоставности не «работает» в современной синтаксической науке еще и потому, что в него обычно вкладывается ложное содержание: двусоставность (деление основного типа предложения на состав подлежащего и состав глагольного сказуемого) подменяется двухъядерностью (наличием в предложении двух главных членов — подлежащего и сказуемого)⁸. Неадекватное толкование термина «двусоставность» находим уже у А. А. Шахматова, который ввел в научный оборот данный термин и при этом считал, что два члена структуры виртуальной мысли (предмет — признак) могут выражаться либо через два состава предложения — главный и зависимый, либо через два члена предложения — подлежащее и сказуемое⁹. Своеобразный дуализм в решении данного вопроса А. А. Шахматовым впоследствии был устранен весьма просто: двусоставность была приравнена к двухъядерности и заменена ею. Это было легко сделать, ибо из синтаксической науки фактически устранили логический (мыслительный) коррелят двусоставности, присутствовавший в концепции А. А. Шахматова под названием «психологическая коммуникация», а понятие двухъядерности находило собственно лингвистическое обоснование в грамматических свойствах подлежащего и сказуемого. Но двусоставность нельзя подменять двухъядерностью потому, что эти понятия относятся к разным уровням членения коммуникативной единицы: двусоставность есть бинарное деление основного типа предложения на состав подлежащего и состав глагольного сказуемого, имеющее мыслительный характер, а двухъядерность означает наличие в многочленной грамматической структуре предложения двух центральных компонентов — подлежащего и сказуемого (хотя, разумеется, эти понятия тесно связаны). Следует заметить, что подмена понятия двусоставности понятием двухъядерности обычно не сопровождается заменой первого термина вторым. Поэтому А. М. Мухин был по-своему последователен, когда предложил закрепить такую подмену терминологически — совсем отказаться от термина «двусоставность» и вместо него употреблять термин «двухъядерность»¹⁰. С нашей же точки зрения, необходимы оба термина, поскольку они имеют различное содержание, выражают разные аспекты коммуникативной единицы. Кстати, понятие двусоставности является более фундаментальным и, следовательно, более важным для синтаксической теории, чем понятие двухъядерности.

Проблема двусоставности не может быть решена, пока не удастся преодолеть тот суммарный, недифференцированный подход к предложению, который господствует в синтаксической науке и который состоит в следующем: предложение рассматривается без учета того, что оно объективно представлено разными типами, составляющими его иерархическую си-

стему. Как показывает анализ этой системы, двусоставность четко проявляется лишь в исходном (основном) типе предложения — глагольном, так как его сказуемое неразрывно связано с третьим членом предложения, имеющим поликомпонентный характер (ось «обстоятельство — дополнение»), и вместе с ним образует структурный состав, выражающий виртуальный логический предикат (*читает книгу, бежит быстро*). Со своей стороны субъект-подлежащее может распространяться определением и вместе с ним образует атрибутивную часть коммуникативной единицы — словосочетание. Эта часть является структурным составом подлежащего, через который выражается виртуальный логический субъект (*прилежный ученик, хороший спортсмен*). В именном же предложении состав подлежащего ничем не отличается от аналогичного состава в исходном предложении, но состав сказуемого существенно меняется: с переходом от глагольного предложения к именному состав глагольного сказуемого (глагол-сказуемое+обстоятельство или дополнение) преобразуется в состав именного (связка+именной предикативный член); ср.: *Усталый человек разговаривал грубо — Усталый человек был груб*. При этом некоторые элементы состава глагольного сказуемого — чаще всего внешние обстоятельства и косвенные дополнения — непосредственно не входят в состав именного сказуемого, т. е. находятся вне двух составов именного предложения, занимая позицию как бы на его периферии (так называемые детерминанты). Например, сравнивая предложения *Он грубо разговаривал сегодня с женою* и *Сегодня с женою он был груб*, видим, что члены *сегодня с женою* связаны со сказуемым более прочно в глагольном предложении, нежели в именном. Такие элементы в какой-то мере деформируют двусоставность именного предложения (а потенциально и глагольного).

Неадекватный подход к вопросу о двусоставности предложения проявился и в том, что его решение обычно ставится в жесткую зависимость от решения вопроса об односоставности предложения. Считается, будто эти вопросы представляют собой два непосредственно взаимосвязанных аспекта единой комплексной проблемы. Однако, как показывает эмпирическое и теоретическое исследование лингвистического материала, существуют две относительно самостоятельные проблемы, отношение между которыми несколько иное, а именно решение вопроса о двусоставности непосредственно не связано с решением вопроса об односоставности и логически предшествует ему, хотя решение второго вопроса действительно предполагает решение первого вопроса и должно опираться на него. Проблема двусоставности носит внешний характер: она предстает как проблема выражения и отражения в предложе-

нии структуры мысли и внеязыковой действительности. Проблема же односоставности является внутриязыковой: она предстает прежде всего как проблема устранения из структуры предложения ее предметного ядра — грамматического субъекта. Проблема двусоставности связана не столько с проблемой односоставности, сколько с проблемой соотношения глагольной и именной конструкций.

Теоретический анализ системы языкового мышления на коммуникативном уровне позволяет заключить, что семантической интерпретацией двусоставности предложения может быть признана только бинарная структура виртуальной мысли: предмет — признак. Понятия-конструкты «предмет» и «признак» являются, по крайней мере в рамках лингвистики, исходными, неопределяемыми: они имеют предельно абстрактный, обобщенный характер. Предмет и признак предполагают друг друга и образуют структуру, в которой первый элемент — ядерный, а второй — зависимый (асимметричное отношение). Структуру «предмет — признак» будем называть виртуальным (потенциальным, абстрактным) суждением, где предмет является виртуальным логическим субъектом, а признак — виртуальным логическим предикатом. С помощью этого суждения обыденное сознание человека отражает всеобщую структуру объективного мира: любой фрагмент действительности, от микрочастицы до Вселенной, может быть представлен в языковом сознании как предмет и его признак (признаки). Следует отметить, что виртуальное суждение принадлежит языковому мышлению, но оно не принадлежит грамматике языка — предложению (в узком смысле этого термина). Важнейшая особенность предложения состоит в том, что в нем семантика и синтагматика взаимосвязаны, поскольку наиболее общее различие элементов семантики обусловлено их положением на линейной (синтагматической) оси предложения, между тем как для структуры виртуальной мысли «предмет — признак» линейность не является релевантной. Существенно также, что глубинный абстрактный предмет первоначально выражается в грамматической структуре предложения лишь подлежащим; репрезентация его через состав подлежащего есть явление вторичное, характерное для распространенного — с помощью атрибутивного словосочетания — предложения. В отличие от этого глубинный абстрактный признак уже в структуре исходного предложения выражается только через состав сказуемого.

В основе многих современных синтаксических теорий лежит принцип, согласно которому в предложении отражается или обозначается структура отдельной внеязыковой ситуации (события, факта)¹¹. При этом считается, что внеязыковая ситуация обозначается предложением непосредственно — не

преломляясь ни через ступень структуры виртуальной мысли (предмет — признак), наличие которой в составе коммуникативной единицы вообще отрицается, ни через внутреннюю специфику семантической структуры предложения, которая поэтому до сих пор остается нераскрытой. Более того, предполагается, что семантическая структура предложения не только обозначает или отражает структуру ситуации, но и непосредственно обусловлена ею. С этой точки зрения, например, наличие в предложении *Мальчик читает книгу* двух актантов определено существованием во внеязыковой ситуации двух предметных денотатов (мальчик — книга), между которыми имеется особое отношение (чтение).

Данная теория в конечном счете опирается на позитивистскую концепцию мира как совокупности «атомарных фактов»¹², она значительно упрощает и даже искажает реальное отношение между коммуникативной единицей (в частности, ее грамматическим компонентом — предложением) и внеязыковой действительностью. Поэтому она оказывается во многом уязвимой. Во-первых, в теории не учитывается, что семантическая структура предложения имеет внутреннюю специфику и действительность отражается в предложении не прямо, а лишь преломляясь через эту специфику. Важнейшая задача теоретического синтаксиса и состоит в том, чтобы выявить внутреннюю специфику семантической структуры предложения, раскрыть, как происходит «сцепление» специфической структуры предложения с внеязыковой ситуацией. Во-вторых, подобные рассуждения образуют замкнутый круг: семантическая структура предложения, в частности количество ее элементов, определяется через структуру ситуации, но последняя получена неявным образом в процессе анализа той же семантической структуры. Иначе, в рамках обсуждаемой теории ситуация (о которой предполагается, что она непосредственно определяет структуру предложения) есть не что иное, как проекция данной семантической структуры на внеязыковую действительность. В-третьих, в теории не учитывается, что с отдельной ситуацией соотносится не грамматическая структура предложения, а конкретное, актуализированное в речи высказывание. Чем дальше от конкретного высказывания и ближе к абстрактному предложению, тем обобщеннее становится ситуация. В конечном счете, в инвариантной грамматической структуре предложения отражается не отдельная ситуация, а всеобщая предметно-атрибутивная структура мира. Но это значит, что грамматическая структура предложения, в частности, количество ее конститутивных элементов, не может быть найдена в результате непосредственного сопоставления ее с отдельной внеязыковой (по-существу — внеречевой) ситуацией. В-четвертых, отдельная ситуация достаточно четко

выявляется лишь в том случае, если на экстралингвистическую действительность проецируется структура предложения, содержащая предметные актанты, например, *Человек рубит дерево топором*. Что касается предложения, содержащего конститутивные признаковые элементы, то ему не противопоставляется четкая расчлененная ситуация (в строго терминологическом значении данного выражения), например: *Солнце светит ярко, Дерево высокое, Он студент, Цветы для гостей*. В-пятых, о том, что между ситуацией и грамматической структурой предложения нет прямой связи, свидетельствует и анализ односоставных предложений. Например, неопределенно-личное предложение *Газеты приносят по утрам* также возможно, если говорящий хорошо знает человека, который это делает; однако данный денотат, будучи обязательным элементом структуры указанной ситуации, не находит явной репрезентации в предложении. В-шестых, в концепции не учитывается тот существеннейший факт, что грамматические типы предложения образуют иерархическую систему, в которой один тип является основным, базисным, а остальные — производными, зависимыми от него. Отсюда вытекает важнейший лингвотодологический принцип: сначала проанализировать отношение основного типа предложения к внеязыковой действительности, а затем уже видоизменение этого отношения при переходе к производным типам.

Эмпирический и теоретический анализ лингвистического материала показывает, что всеобщий признак, принадлежащий виртуальной мысли, на уровне семантической структуры предложения конкретизируется и представлен двумя признаками. Следовательно, эта структура имеет вид: предмет — первый признак — второй признак¹³. Первичная конструктивная дифференциация признаков происходит благодаря тому, что семантическая структура предложения строится на линейной оси объективного времени¹⁴, в связи с чем второй признак относится к предмету не непосредственно, а через первый признак. Поэтому элементы данной структуры интерпретируются следующим образом: предмет — опосредствующий признак — опосредствованный признак (*Солнце светит ярко*). Существенно, что в распространенном — через атрибутивное словосочетание — варианте предложения семантическая структура включает еще один признак — непосредственный, который располагается слева от предмета (*Весеннее солнце светит ярко*). Таким образом, инвариантная семантическая структура предложения имеет линейный характер и состоит (в ее полном виде) из четырех элементов. Обозначим эту структуру формулой $r-Q-r_1-r_2$, где r — непосредственный признак, Q — предмет, r_1 — опосредствующий признак, r_2 — опосредствованный признак. Данную формулу можно проил-

люстрировать несколько искусственной фразой русского языка — *Белый снег белеет бело*.

Линейная семантическая структура $r - Q - r_1 - r_2$ позволяет объединить синтаксис и морфологию, поскольку является одновременно и планом содержания основного типа предложения, и системой категориальных значений основных частей речи. С точки зрения морфологии элементы этой структуры можно интерпретировать так: непосредственный признак — категориальное значение полного прилагательного; предмет — категориальное значение имени существительного; опосредствующий признак — категориальное значение финитного глагола; опосредствованный признак — категориальное значение наречия. Вообще традиционная грамматика знает о наличии в языке перечисленных категориальных значений основных частей речи, однако не рассматривает их как элементы линейной семантической структуры и поэтому употребляет другие термины — соответственно пассивный, или постоянный, признак; предмет, или предметность; активный, или процессуальный признак; признак признака. В плане синтаксиса элементы данной структуры интерпретируются следующим образом: непосредственный признак — атрибут-определение; предмет — грамматический субъект, выраженный через подлежащее; опосредствующий признак — грамматический предикат, выраженный через глагол-сказуемое; опосредствованный признак — грамматический атрибут, выраженный через приглагольный зависимый член (обстоятельство, переходящее в дополнение)¹⁵. Линейная семантическая структура $r - Q - r_1 - r_2$ является также исходной при формировании лексических знаков языка. Таким образом, мы придерживаемся принципа: не лексические знаки (слова) объединяются в структуру предложения, а, наоборот, абстрактная семантическая структура служит глубинной основой для формирования лексической системы языка — распределения слов по категориям: существительное, прилагательное, глагол, наречие.

Как показывает анализ, линейная семантическая структура делится на атрибутивную ($r - Q$) и предикативную ($Q - r_1 - r_2$) части. Важнейшая конструктивная особенность предикативной части состоит в том, что три ее элемента (предмет и два признака) последовательно располагаются на линейной оси объективного времени. Принцип линейности обуславливает все важнейшие особенности этой структуры, делая ее цельной и динамичной. Прежде всего он обуславливает то, что признак r_2 относится к предмету Q не непосредственно, а через признак r_1 (транзитивное отношение)¹⁶. В результате признак r_1 , будучи опосредствующим, становится конструктивным ядром (центром) структуры, а признак r_2 как бы удаляется на линейной оси от предме-

та Q и попадает в непосредственную семантическую и структурную зависимость от признака r_1 . Необходимо подчеркнуть, что признак r_2 по своим изначальным свойствам принадлежит предмету Q , однако в условиях линейной структуры его опосредованная связь с предметным ядром затушевывается и на первом плане оказывается его связь с конструктивным ядром структуры — признаком r_1 . Так, в предложении *Студент учится хорошо* признак r_2 (*хорошо*) есть скрытое свойство предмета Q (*студент*), но внешне этот признак выступает как свойство действия — признака r_1 (*учится*).

Обычно при интерпретации предложения допускаются следующие ошибки. Во-первых, семантическая структура $r-Q-r_1-r_2$ не рассматривается как нечто целое, в котором свойства отдельных элементов обусловлены их положением в структуре, а следовательно, эта структура вообще эксплицитно не выделяется и не исследуется. Во-вторых, признается и учитывается только деление данной структуры на три бинарные части: $r-Q$, $Q-r_1$, r_1-r_2 , тогда как более существенное деление на атрибутивную ($r-Q$) и предикативную часть опять-таки рассматривается не как нечто целое, а как бинарные фрагменты ($Q-r_1$ и r_1-r_2), причем предикативной структурой считается только фрагмент $Q-r_1$, а фрагмент r_1-r_2 (точнее, признак r_2) обычно выводится за рамки предложения. В-третьих, вместо того чтобы при анализе идти от целого ($r-Q-r_1-r_2$) к частям ($r-Q$), ($Q-r_1$), (r_1-r_2) и свойства частей объяснить особенностями целого, происходит обратное — пытаются построить из частей целое. Но целого не получается, ибо при таком подходе нельзя объединить, синтезировать три его важнейших аспекта: синтагматический, семантический и модальный. Конечно, все перечисленные ошибки не случайны, а обусловлены объективными свойствами языка (предложения). Дело в том, что формально-грамматическая организация характерна прежде всего для бинарных частей, тогда как целое часто не имеет прямого формального выражения. Например, в русском языке наблюдается формально выраженная связь определения с подлежащим (*прилежный студент*), подлежащего с глагольным сказуемым (*студент читает*), глагольного сказуемого с обстоятельством и дополнением (*читает внимательно книгу*), но нет непосредственных формальных показателей того, что все они вместе (*Прилежный студент читает внимательно книгу*) представляют собой структурное целое. И это опять-таки объясняется особенностями линейной структуры.

Ф. де Соссюр был глубоко прав, когда утверждал, что последствия принципа линейности неисчислимы — от него зависит весь механизм языка¹⁷. Однако он скорее угадал это,

поскольку суть данного принципа не была понята и раскрыта ученым. Линейность у Ф. де Соссюра смещена в план одного лишь означающего и понимается как принцип построения на линейной оси бинарных языковых единиц — синтагм, внешних (*маленький стол, стол стоит, стоит у окна*) и внутренних (*стол*). Между тем принцип линейности является релевантным для языка прежде всего потому, что определяет построение категориальной грамматической семантики: различие между элементами семантики обусловлено с точки зрения внутренней структуры языка их положением на линейной оси объективного времени. Это достигается благодаря тому, что линейная структура языка содержит не два элемента, характеризующихся асимметричным отношением, как в синтагме Ф. де Соссюра, а три элемента, характеризующихся транзитивным (опосредствованным) отношением. Важно отметить, что линейность органически связана с предметно-атрибутивной семантикой языка. И это не случайно: имея звуковой характер, язык отражает предметно-атрибутивную структуру окружающего мира и строится на линейной оси объективного времени. Принцип линейности (в его органической связи с предметно-атрибутивной семантикой) обуславливает все важнейшие особенности грамматической системы языка: трехчленный характер предложения (*Птица летит высоко*), двухчленный характер словосочетания (*большая птица*), наличие четырех ядерных частей речи (прилагательное, существительное, глагол и наречие), модальность предложения и т. д.

Инвариантная линейная структура синтаксиса позволяет увидеть органическую связь трех аспектов предложения: синтагматического, семантического и модального. Взаимосвязь синтагматики и семантики прослеживается четко: денотативное различие признаков r , r_1 , r_2 , обусловленное их отношением к внеязыковой действительности, органически сочетается с конструктивным различием данных признаков, обусловленным их положением в линейной структуре. Признак r есть непосредственный (постоянный, пассивный) признак предмета, вместе с последним он образует атрибутивный состав семантической структуры предложения, с помощью которого расчлененно выражается предельно абстрактный предмет виртуальной мысли.

Модальность (прежде всего категории грамматического наклонения и времени) характеризует предикативную часть семантической структуры синтаксиса. Как уже отмечалось, последняя содержит три элемента — предмет и два его признака, которые последовательно располагаются на линейной оси объективного времени. В условиях линейной структуры признак r_1 становится конструктивным (опосредствующим)

ядром, а признак r_2 удаляется от предметного ядра Q и попадает в структурную и семантическую зависимость от признака r_1 . В результате структура делится на две части: предметное ядро — конструктивное ядро ($Q - r_1$), конструктивное ядро — зависимый признак ($r_1 - r_2$), причем не целое, а именно эти две части получают формально-грамматическое выражение. Таким образом, трехчленная предикативная структура не только «растянута» на линейной оси объективного времени, но и неизбежно распадается на две бинарные части. Естественно, что в этих случаях объективно необходим некий волевой импульс — абстрактный говорящий, который может связать обе части, а точнее, соотнести опосредствованный признак r_2 с предметным ядром Q . Другими словами, опосредствованная связь признака r_2 с предметом Q объективно возможна только на субъективной (модальной) основе, т. е. как соотнесение, осуществляемое кем-то (абстрактным говорящим). Существенно также, что абстрактный говорящий не просто устанавливает связь между признаком r_2 и предметом Q , а определяет модус данной связи, т. е. полагает ее реальной или нереальной. При этом реальная связь возможна лишь в определенное грамматическое время — время, точкой отсчета которого служит «момент речи». Важно также, что категория модальности характеризует прежде всего связь опосредствованного признака r с предметом Q , но способы выражения категории закреплены за глаголом-сказуемым — формой опосредствующего признака r_1 . Очевидно, в принципе могут существовать языки, в которых формы модальности (наклонения, времени) закреплены не за признаком r_1 , а за признаком r_2 , т. е. не за глаголом, а за именем.

То, что признак r_2 соотносится с предметом Q на субъективной (модальной) основе, сказывается на его денотативном наполнении: в качестве признака r_2 может выступать не только внутреннее свойство предмета (*Студент учится хорошо*), но и различное отношение предмета ко времени, пространству, другому предмету и т. д. (*Студент учится вечером, Студент работает дома, Студент читает книгу*). Под модальным углом зрения, опосредствованным признаком r_2 может стать любое положение (отношение) предмета Q в объективном мире, реальное или нереальное (ср.: *Студент окончил институт — Студент окончил бы институт*). В соответствии с различным семантическим (денотативным) наполнением признак r_2 имеет различное формально-языковое выражение — с помощью наречий, а также косвенно-падежных и предложно-падежных форм существительного. Благодаря этому образуется особая «шкала» признака r_2 — парадигматическая ось предложения (ось «обстоятельство — дополнение»). В рамках данной парадигмы можно выделить три важнейших разно-

видности признака r_2 : внутренний, или качественный (*Мальчик читает выразительно*); внешний, или обстоятельственный (*Мальчик читает вечером — дома*); опредмеченный (*Мальчик читает книгу*). Существенно, что разновидности признака r_2 семантически не исключают, а дополняют друг друга, поэтому могут находиться в предложении одновременно, усложняя его линейную структуру парадигматической осью заглагольного члена (ось «обстоятельство — дополнение»).

Как соотносятся трехчленная предикативная семантическая структура предложения ($Q - r_1 - r$) и двучленная структура виртуальной мысли (предмет — всеобщий признак)? Этот вопрос чрезвычайно важен, поскольку многие свойства предложения вообще, его семантической стороны в частности, обусловлены его взаимодействием со структурой мысли. Есть принципиальное различие между отношениями к виртуальной мысли атрибутивной ($r - Q$) и предикативной ($Q - r_1 - r_2$) структур: первая, как уже отмечалось, служит языковым средством расчлененного выражения глубинного логического предмета; вторая — языковым средством выражения всей виртуальной мысли. На уровне предложения логический предикат (всеобщий признак) эксплицируется в трех направлениях: во-первых, он находит свое категориальное выражение, т. е. выступает как признак грамматического предмета; во-вторых, он находит языковое средство выражения своей связи с предметом — через глагол-сказуемое; в-третьих, он получает модальную экспликацию. При этом существенно, что в исходной семантической структуре предложения логический предикат выражен избыточно, поскольку представлен здесь двумя признаками — опосредствующим и опосредствованным ($r_1 - r_2$), но все три экспликации (категориальную, релятивную и модальную) получает через один элемент — признак r_1 . А признак r_2 (приглагольные обстоятельство и дополнение) служит для дополнительного — расчлененного — выражения логического предиката и поэтому внешне выступает как второстепенный член предложения. Создается даже иллюзия, будто он вообще не нужен для предикативной структуры. Такое соотношение виртуальной мысли и предикативной структуры наблюдается в основном типе предложения — двусоставном глагольном.

Наличие в исходной семантической структуре предложения двух признаков, с которыми коррелирует виртуальный логический предикат, порождает в синтаксисе важнейшую тенденцию — постепенную редукцию опосредствующего признака и, как следствие, преобразование двусоставного глагольного предложения в двусоставное именное. Сущность тенденции состоит в том, что происходит постепенное обо-

собление категориальной экспликации логического предиката, отграничение ее от релятивной и модальной экспликаций. В той мере, в какой признак r_1 устраняется из семантической структуры предложения, в той же мере форма его выражения — глагольное сказуемое — превращается в связку, за которой сохраняются две функции грамматического предиката — релятивная и модальная, в той же мере признак r_2 становится базой для формирования категориального (и «вещественного») значения именного предиката. Этот деривационный процесс приводит к тому, что предикативная структура предложения как бы «стягивается» на линейной оси объективного времени, хотя и сохраняет свой исходный, трехчленный, характер (ср.: *Солнце светило ярко* — *Солнце было ярко*). В двусоставном именном предложении структура виртуальной мысли (всеобщие предмет — признак) выражена наиболее адекватно.

¹ Под коммуникативной единицей понимается то сложное, синтетическое целое, которое представляет собой взаимосвязь мышления, языка и речи и лежит в основе процесса передачи информации от говорящего к слушателю или создается этим процессом. Коммуникативная единица есть структура, составными частями которой являются суждение (мысль), предложение и высказывание. См. также: Юрченко В. С. К вопросу о предмете синтаксиса. — В сб.: Вопросы теории и методики преподавания языка. Саратов, 1969.

² См.: Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970, с. 546.

³ См., например: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — Изд-во МГУ, 1972, с. 62.

⁴ Об основном типе предложения см. работу автора: Простое предложение в современном русском языке. — Саратов, 1972.

⁵ См.: Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. — М.: Учпедгиз, 1959, с. 258.

⁶ См.: Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. — Изд-во МГУ, с. 26 и сл.

⁷ См.: Папфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. — М.: Наука, 1971, с. 160.

⁸ См.: Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, ч. 2. Синтаксис. — М.: Учпедгиз, 1961, с. 56; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — М.: Высшая школа, 1974, с. 12; Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М.: Высшая школа, 1977, с. 96; Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. — М.: Высшая школа, 1978, с. 80.

⁹ См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л.: Учпедгиз, 1941, с. 28—31.

¹⁰ См.: Мухин А. М. Структура предложений и их модели. — Л.: Наука, 1968, с. 164—167.

¹¹ См.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972, с. 308.

¹² См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: Изд-во ин. лит., 1958, с. 31.

¹³ См.: Юрченко В. С. Действительность, структура предложения, система частей речи (к вопросу об их соотношении).— В сб.: Вопросы языкознания и методики преподавания русского языка. Саратов, 1969. Он же. Сказуемое.— ВЯ, 1977, № 6, с. 80—84.

¹⁴ О линейной упорядоченности объективного времени см.: Мостепаненко А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени.— Л.: Наука, 1969, с. 122 и сл.

¹⁵ Здесь и в других работах автора термин «атрибут» употребляется для обозначения семантической функции как присубстантивного (хороший ученик), так и приглагольного члена (читает внимательно/ книгу). Однако терминологическое разграничение все же проводится: в первом случае всегда говорится об «атрибуте-определении», или «непосредственном атрибуте», во втором — о «грамматическом атрибуте (в широком смысле), выраженном через обстоятельство/дополнение». Частичное терминологическое тождество подчеркивает внутреннюю связь указанных элементов семантической структуры синтаксиса. См. также: Юрченко В. С. О некоторых принципах исследования предложения.— Филол. науки, 1978, № 4, с. 94—96.

¹⁶ См.: Рейхенбах Г. Направление времени.— М.: Изд-во ин. лит., 1962, с. 43.

В. С. ХРАКОВСКИЙ
Институт языкознания АН СССР, ЛО

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕРИВАЦИИ ВЗАИМНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Характеризуя деривационные отношения между исходной активной конструкцией (типа [1] *Оля поцеловала Машу*, [1'] *Коля спорит с Петей*) и производной взаимной конструкцией (типа [2] *Оля и Маша поцеловались* (друг с другом), [2'] *Коля и Петя спорят друг с другом*), следует прежде всего отметить, что во взаимной конструкции употребляются две довольно четко очерченные смысловые группы глагольных лексем: (а) динамичные и (б) стативные. Лексемы группы (а) имеют следующие особенности: (1) при них позиции соотносительных актантов в исходной конструкции занимают только одушевленные имена; (2) наличие одной исходной конструкции типа [1] *Оля поцеловала Машу* не имплицирует обязательное наличие другой исходной конструкции типа [1''] *Маша поцеловала Олю*, т. е. из акта действия, названного в первой конструкции, не следует, что одновременно происходит и акт действия, называемый во второй конструкции; (3) если в каждой исходной конструкции один исполнитель — активный субъект, а другой — инертный объект, то во взаимной конструкции те же два исполнителя одновременно выступают как активный субъект и как инертный

объект. Для лексем группы (б) характерно следующее: (1) в исходной конструкции позиции соотносительных актантов при этих лексемах занимают либо семантически однородные неодушевленные, либо семантически однородные одушевленные имена¹ (например [3] *Деревня находится возле леса*, [1'] *Коля спорит с Петей*); (2) наличие одной исходной конструкции имплицитно подразумевает наличие и другой исходной конструкции, поскольку в обеих конструкциях называется одно и то же отношение равенства, сходства, взаимного положения двух предметов в пространстве, (например, если [3] *Деревня находится возле леса*, то и [3'] *Лес находится возле деревни*, если [1'] *Коля спорит с Петей*, то и [1'''] *Петя спорит с Колей*).

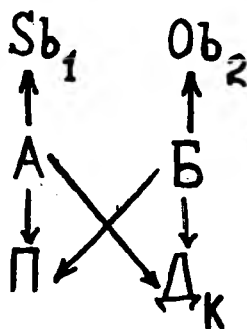
Глагольные лексемы группы (б) принято называть симметричными предикатами, а их семантические роли — сопряженными субъектами или объектами². Вместе с тем в каждой исходной конструкции фиксируется разная фокусировка сопряженных ролей, и имена этих ролей занимают позиции различных синтаксических актантов³.

Динамичные и стативные лексемы имеют во взаимной конструкции различные диатезы. В диатезах динамичных лексем нет однозначного соответствия между ролями, исполнителями ролей и актантами: два исполнителя выступают одновременно в двух ролях и при этом соотносятся с двумя актантами. Это соответствие, характерное для конструкции [2] *Оля и Маша поцеловались друг с другом*, отражает диатеза лексемы *поцеловать* в данной конструкции.

[2] Схема диатезы лексемы *поцеловать*.

Sb	Ob
А	Б
П	Д _к

В диатезах стативных лексем соответствие ролей и исполнителей такое же, как и в исходной конструкции (каждый исполнитель выполняет по одной роли, причем роли эти одинаковые), меняется лишь соответствие исполнителей и актантов: каждый исполнитель соотносится с двумя актантами. Это соответствие, которое характерно для конструкции [2'] *Коля и Петя спорят друг с другом*, отражает диатеза лексемы *спорить* в данной конструкции.

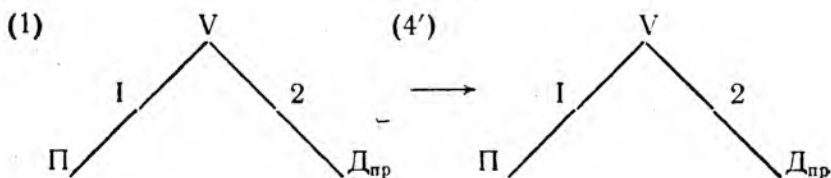
Специфика взаимной конструкции обусловлена ее деривационной историей. Если возвратная конструкция является продуктом внутрифразового преобразования, то взаимная конструкция — продукт межфразового и внутрифразового преобразования, осуществляющихся последовательно. На первом деривационном такте происходит объединение двух исходных конструкций типа [1] *Оля поцеловала Машу* и [1''] *Маша поцеловала Олю* при том условии, что в них обозначены одни и те же исполнители. В результате объединения образуется промежуточная производная возвратная конструкция типа [4] *Оля и Маша поцеловали Машу и Олю*. На этом межфразовое преобразование завершается и начинается внутрифразовое. Межфразовым преобразованием нельзя ограничиться потому, что в полученной конструкции более чем один раз названы имена одних и тех же исполнителей различных ролей глагольной лексемы. Подобные конструкции, как известно, всегда заменяются соотносительными возвратными конструкциями, в которых имена исполнителей ролей названы только один раз. Такой конструкцией для конструкции [4] является конструкция [4'] *Оля и Маша поцеловали друг друга*, где служебное прономинальное слово *друг друга* занимает позицию второго актанта и отсылает к словам *Оля и Маша*, занимающим позицию первого актанта. Таким образом, взаимное преобразование можно охарактеризовать как модифицированное возвратное преобразование.

По-видимому, объединение двух конструкций типа [1] *Оля поцеловала Машу* и [1''] *Маша поцеловала Олю* не является грамматически строго обязательным. Абсолютных запретов на построение текстов типа *Оля поцеловала Машу, и Маша поцеловала Олю, а потом они расстались*, как будто бы нет. Однако, если акты действия, называемого глагольной лексемой в обеих конструкциях, происходят в определенный промежуток времени, в целях сокращения текста естественно объединить эти конструкции в одну. Лишь после

объединения начинается грамматически обязательный этап внутрифразового преобразования.

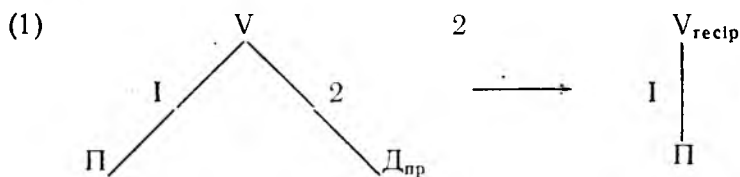
Две исходные конструкции, образуемые одной и той же лексемой, могут считаться потенциально взаимными, если (1) обе исходные конструкции имеют не менее двух актантов; (2) в этих конструкциях позиции любых двух актантов, но обязательно одних и тех же, занимают семантически однородные имена, причем каждое из имен в обеих конструкциях занимает позиции различных актантов; (3) в обеих конструкциях реализуется одна и та же диатеза глагольной лексемы; (4) в обеих конструкциях глагольная лексема, как правило, выступает в идентичных словоформах; (5) действие, называемое глагольной лексемой, иррелевантно к увеличению числа ролей, в которых выступают исполнители. Исходя из перечисленных свойств, можно указать, какие пары синтаксических употреблений глагольных лексем нельзя рассматривать как потенциально взаимные конструкции. К их числу относятся, например, следующие употребления лексем: [5] *Коля кашляет* и [5'] *Петя кашляет*, [6] *Ваня стоит возле стула* и [6'] *Стул стоит возле Вани*, [7] *Петя пожаловался Коле на Машу* и [7'] *Маша пожаловалась Пете на Колю*, [8] *Коля ранил Петю* и [8'] *Петя был ранен Колей*, [9] *Мальчик обидел девочку* и [9'] *Мальчик обидит девочку*, [10] *Миша догнал Ваню* и [10'] *Ваня догнал Мишу*. В случае [5] не выполняется условие (1), в случае [6] и [7] — (2), в случае [8] — условие (3), в случае [9] — условие (4), в случае [10] — условие (5). Далее можно определить, какие пары синтаксических употреблений глагольных лексем могут иметь соотносительную взаимную конструкцию. Это, например, такие синтаксические употребления одной и той же глагольной лексемы, как [11] *Миша развеселил Олю* и [11'] *Оля развеселила Мишу*, [12] *Петя был ранен Колей* и [12'] *Коля был ранен Петей*, [13] *Стул стоит возле стола* и [13'] *Стол стоит возле стула*.

Любая производная взаимная конструкция либо (а) имеет такую же синтаксическую структуру, как и каждая из двух исходных конструкций, либо (б) является рецессивной по отношению к исходным. Случай (а) демонстрируют конструкции [1] *Оля поцеловала Машу* и [4'] *Оля и Маша поцеловали друг друга*.

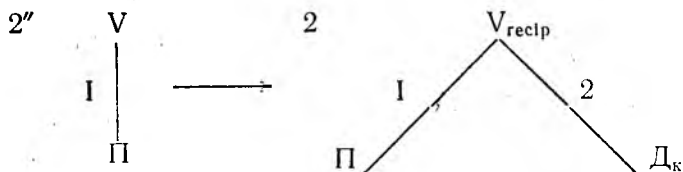

Конструкция [4'] отличается от конструкции [1] только лексически: позицию подлежащего занимает конъюнкция двух имен, каждое из которых находилось в этой позиции в исходных конструкциях; позицию прямого дополнения занимает служебное прономинальное слово *друг друга*, указывающее на кореферентность с конъюнкцией имен в позиции подлежащего. Взаимные конструкции данного типа, где в позиции первого актанта находятся служебные слова, по смыслу эквивалентные слову *друг друга*, достаточно широко представлены в различных языках. Ср.: [14] вьет. *sac₁ puoc² tu³ ban⁴ tranh⁵ gianh⁶ nhau⁷ thi⁸ truonh⁹* 'Капиталистические^{3,4} страны^{1,2} оспаривают^{5,6} друг у друга⁷ рынки^{8,9} [15] лит. *Studentai¹ padeda² vienas³ kitam⁴* 'Студенты¹ помогают² друг³ другу⁴'.

Случай (б) реализуется в нескольких вариантах. Наиболее широко распространена в различных языках рецессивная конструкция, в которой на одно дополнение, прямое или косвенное, меньше, чем в каждой исходной конструкции. Обычно при этом специально переоформляется предикативная глагольная словоформа. Именно так соотносятся конструкции [1] *Оля поцеловала Машу* и [2''] *Оля и Маша поцеловались*.

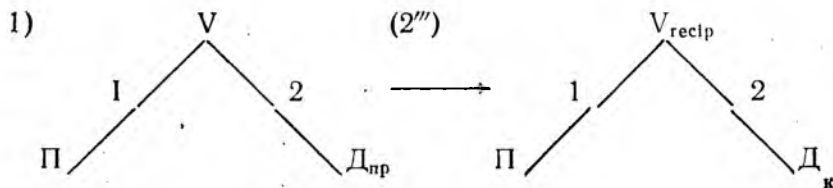
В конструкции [2''] в отличие от конструкции [1] (а) нет прямого дополнения, (б) специально маркирован глагол, (в) позицию первого актанта занимает конъюнкция двух имен, каждое из которых находилось в этой позиции в исходных конструкциях. Конструкции данного типа также достаточно широко представлены в различных языках. Ср.: [16] исп. *Juan y Maria se encuentran* 'Хуан и Мария встречаются'; [17] яп. *Карэ¹ то канодзева² цумио³ абисэатта⁴* 'Он¹ и она² взваливали⁴ вину³ друг на друга⁴'. В эту конструкцию вместо запрещенного актанта довольно часто может быть введен факультативный актант, позицию которого занимают служебные слова со значением 'друг друга'. Указанное соотношение характерно для конструкций [2''] *Оля и Маша поцеловались* и [2] *Оля и Маша поцеловались друг с другом*.

Ср.: [16'] Исп. Juan y Maria se encuentran un a otro 'Хуан и Мария встречаются друг с другом'; [17] яп. Карэ¹ то канодзева² тагаини³ цумио⁴ абисэатта⁵ 'Он¹ и она² взваливали⁵ вину⁴ друг на друга^{3,5}'. Однако, например, в конструкции [18] лит. Jie bučiuojasi 'Они целуются' нельзя ввести факультативный актант vienas kita 'друг друга'.

Относительно редко, как, например, в бирманском языке, глагол в такой конструкции не получает специального показателя и все же актант, позицию которого занимают слова со значением, эквивалентным значению 'друг друга', остается факультативным. Ср.: [19] схэй хнэ-гаун¹ кхвэй-нэй-дэ² тэ-гаун-гоу тэ-гаун³, досл. синтаксически: 'Коза, два животных¹ бодают² одно животное³' ≈ 'Две козы бодаются'; [20] микхин-нэ¹ тами² пхэ нан-нэй-дэ тэ-йау-гоу тэ-йау, досл. синтаксически: 'Мать¹ и дочь² обнимают, целуют одного человека один человек' ≈ 'Мать и дочь обнимаются, целуются'.

По-видимому, только при специальной маркировке глагола возможна рецессивная конструкция, где по сравнению с исходными конструкциями прямое дополнение понижается в ранге и превращается в косвенное, оставаясь обязательным, а имена исполнителей занимают позиции разных актантов. Именно так соотносятся друг с другом конструкции [1] *Оля поцеловала Машу* и [2'''] *Оля поцеловалась с Машей*.

Ср.: [21] лит. Petras bučiuojasi su Ona 'Петр целуется с Анной'.

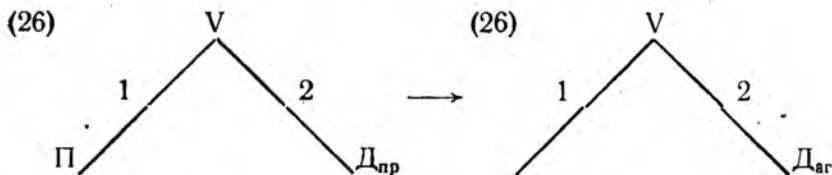
«Обратная расклейка» производной взаимной конструкции на две исходные, очевидно, возможна в том случае, когда поименно названы оба первичных исполнителя. Такая ситуация всегда наблюдается в последней из рассмотренных взаимных конструкций (см. [2'''] и [21]) и возможна во всех остальных взаимных конструкциях (см., например, [2], [2'], [2''], [4'], [16], [17]). Но в этих конструкциях в позиции

подлежащего могут находиться слова и словосочетания, обозначающие такое неопределенное множество участников ситуации, что нет оснований для представления его в виде двух первичных участников (индивидуальных или множественных). К их числу прежде всего относятся имена во множественном числе (типа *люди, женщины, поезда* и т. п.), а также имена с кванторными определениями (типа *несколько человек, все женщины, некоторые поезда*)⁵. Таким образом, конструкции типа [22] *Люди не глядели друг на друга*, [23] *Некоторые женщины не встречаются друг с другом несколько лет* являются склеенными только в филогенетическом смысле.

Среди взаимных конструкций есть неопределенно-личные конструкции типа [24] *При таких обстоятельствах друг другу уже не верят*, которые в филогенетическом смысле восходят к активным неопределенно-личным конструкциям. В тексте подобные взаимные конструкции довольно редки, однако встречаются в различных языках: Ср.: [25] вьет. ngoai¹ u' o' ng² chu' ong³ unhou⁴ 'На улице^{1,2} ругают³ друг друга⁴' ≈ 'На улице скандал'. Наличие неопределенно-личных взаимных конструкций, безусловно, свидетельствует о том, что в неопределенно-личных активных конструкциях представлено нулевое подлежащее неопределенного лица и тем самым нет запрета на позицию подлежащего и изменения исходной диатезы. Если считать, что в неопределенно-личных активных конструкциях позиция подлежащего запрещена, то служебное прономинальное слово в неопределенно-личных взаимных конструкциях не имеет antecedента, по отношению к которому это слово призвано выполнять свою отсылочную функцию.

Активные взаимные конструкции в принципе могут иметь соотносительные пассивные конструкции, ср.: [26] *Оля и Маша причесали друг друга* → [26'] *Оля и Маша были причесаны друг другом*; [2''] *Оля и Маша поцеловались* → [2''] **Поцеловались Олей и Машей*⁶.

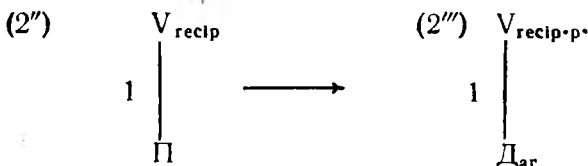
Пассивные взаимные конструкции являются рецессивными по отношению к исходным активным взаимным конструкциям, причем рецессивность реализуется в двух вариантах. В варианте (а) в производной конструкции актант, позицию которого занимает служебное прономинальное слово, имеет более низкий синтаксический ранг, чем в исходной конструкции. В варианте (б) пониженный в ранге актант является, кроме того, либо факультативным, либо даже запрещенным. Случай (а) наблюдается при преобразовании в пассивную нерецессивной взаимной конструкции. Он характерен для конструкций [26] *Оля и Маша причесали друг друга* и [26'] *Оля и Маша были причесаны друг другом*.

Ср.: [27] англ. John and Mary were kissed by each other, досл.: 'Джон и Мэри поцелованы друг другом' $\approx$ 'Джон и Мэри поцеловались'.

Важно отметить, что пониженный в ранге актант (агентивное дополнение) обязателен в конструкции, ибо только он указывает на производность пассивной конструкции от исходной взаимной.

Случай (б) возникает при преобразовании в пассивную рецессивной взаимной конструкции. Он характерен для конструкций [2''] *Оля и Маша поцеловались* и [2'''] *Поцеловались Олей и Машей*.

Ср.: [28] лит. (Judvieju) pykstamasi, досл.: 'Ими сердитость друг на друга' = 'Они сердятся друг на друга'; [29] араб. tubūdilāt¹ kalimātu² l-tarhībī³ fī⁴ agalatin⁵, досл.: 'Обменяться¹ в личной пассивной форме слова² приветствия³ поспешно^{5,4}, = 'Поспешно произошел обмен приветствиями'.

Включение в конструкцию пониженного в ранге актанта (агентивного дополнения) либо факультативно (см. [28]), либо даже запрещено (см. [29]), потому что взаимность маркируется не с помощью этого актанта, а посредством специального показателя в глагольной словоформе.

Таким образом, содержательная сторона взаимного преобразования заключается либо (1) только в нарушении однозначного соответствия между единицами уровня исполнителей и уровня актантов, либо (2) и в нарушении однозначного соответствия между единицами уровня исполнителей и уровня ролей. Только первое изменение происходит во взаимной конструкции, образуемой симметричными предикатами, т. е. стативными глагольными лексемами, в толкование которых входят две одинаковые (= сопряженные) роли.

И первое и второе изменение наблюдается во взаимной конструкции, образуемой несимметричными предикатами, т. е. динамичными глагольными лексемами, в толкование которых не входят одинаковые роли.

В плане выражения указанные содержательные изменения маркируются либо лексически (с помощью специального прономинального слова в позиции непервого актанта и термовой конъюнкции имен в позиции первого актанта), либо синтактико-морфологически (понижением в ранге, факультативизацией или ликвидацией непервого актанта, специфическим оформлением глагола) и — факультативно — лексически (термовой конъюнкцией имен в позиции первого актанта и специальным прономинальным словом в факультативной позиции какого-либо непервого актанта).

¹ О семантически однородных именах см.: Храковский В. С. Залог и рефлексив. — В сб.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.

² См.: Холодович А. А. Теоретические проблемы реципрока в современном японском языке. — В сб.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.

³ См.: Лейкина Б. М. К проблеме соотношения залога и коммуникативного членения. — В сб.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.

⁴ В работе используются следующие индексы: Sb, Ob — для семантических ролей субъекта и объекта, А, Б — для исполнителей семантических ролей; П, Д_{пр}, К_к, Д_{аг} — для актантов: подлежащего, прямого, косвенного и агентивного дополнений; V, V_{recip}, V_{recip-p} для активной, взаимной, пассивной и взаимно-пассивной глагольных словоформ в позиции сказуемого; → — указывает направление семантико-синтаксической деривации.

⁵ О способах обозначения исполнителей во взаимных конструкциях см.: Холодович А. А. Теоретические проблемы реципрока, с. 10—11.

⁶ См.: Откупщикова М. И. Статус взаимного залога в русском языке. — В сб.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.

Л. Н. МУРЗИН, Э. А. БЕЛОГЛАЗОВА
Пермский университет

О ПЕРФОРМАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ДЕРИВАЦИОННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В отечественной и зарубежной лингвистике последнего десятилетия предложение все более активно изучается не только со стороны его формальной устроенности, но и со стороны «смысловой формы», организации информативного содержания.

Анализ смысловой стороны языка обусловил введение в синтаксис некоторых новых понятий. Можно утверждать, что в содержании предложения совмещаются объективный и субъективный компоненты¹. Объективный компонент — сообщение о факте, о фрагменте мира или о мире в целом. Этот компонент предложения получил в логике название пропозиций². Пропозиция в предложении всегда предстает в сочета-

нии с субъективным компонентом речевого акта. Вне значения коммуникативной цели, вне тех форм, в которых говорящий субъект обнаруживает коммуникативную целенаправленность высказывания, пропозиция не существует. Поэтому, вычленив в семантической структуре предложения пропозицию как некоторую информацию об окружающем мире, мы должны выделить в предложении информацию о самом речевом акте. Поскольку носителем последней являются перформативные глаголы (перформативы), естественно называть ее перформацией.

Перформация заслуживает глубокого и всестороннего лингвистического исследования. В данной статье мы рассмотрим некоторые ее свойства, представляющие интерес в деривационном аспекте.

Перформативы существенно отличаются от пропозиционных предикатов.

1. Основная функция перформатива — обнаруживать коммуникативную целенаправленность высказывания — обусловлена семантикой перформативных предикатов. Все перформативы в отличие от пропозиционных предикатов включают в значение признак произнесения, речевого выражения намерения, что создает речевую, коммуникативную ситуацию, предполагая с необходимостью и ее участников. Предположим, произнесена фраза *Я считаю, что группа прошла по этой тропе*. Ответом на нее может быть высказывание *А я говорю, что они выбрали другой маршрут*. Предикаты *считаю* и *говорю* реализовали синонимичные значения 'говорю', выражая мнение говорящего относительно сообщаемого. Значения предикатов *прошла* и *выбрали* сводятся к обозначению конкретного действия. Следовательно, предикаты *считаю* и *говорю*, обладая коммуникативной значимостью, относятся к перформативам. Неспособные обнаруживать коммуникативную целенаправленность высказывания предикаты *пройти* и *выбрать* принадлежат к числу пропозиционных.

2. Перформативный предикат отличается от пропозиционного дистрибутивно: $V_{\text{perf}} S$ и $V_{\text{prop}} N$, где V_{perf} — перформатив, S — предложение, т. е. собственно сообщение, V_{prop} — пропозиционный предикат, N — предметный компонент. Перформатив в сравнении с пропозиционным предикатом «вводит» в высказывание пропозицию или «сочетается» с ней в высказывании; последняя занимает в нем подчиненное в грамматическом отношении положение.

Пропозиционный предикат в отличие от перформатива обладает способностью «окружать» себя предметными субстантивными компонентами (N), т. е. «расти» вправо. Возьмем, к примеру, высказывание *Я говорю, что старый конь борозды не испортит*, где пропозиционный предикат *испортит* имеет

окружение из трех актантов. Подчиненное положение пропозиции в высказывании объясняется и тем, что коммуникативную задачу решает перформатив. Поэтому при изменении коммуникативного задания, т. е. смене перформатива, остается неизменным семантический инвариант — пропозиция. Ср.: *Я приказываю дать заявку, Я обещаю дать заявку, Я хочу дать заявку, Я считаю, что я дам заявку* и т. п. Следовательно, пропозиция может «входить» не только в утверждение, но и в приказ, обещание, просьбу и т. д.

3. Перформация — это семантика совершающегося речевого акта, в связи с чем перформатив всегда представлен активным глаголом 1 лица ед. числа настоящего времени индикатива.

Перформация составляет субъективно значимую часть высказывания, так как связана с говорящим субъектом, исполнителем речевого акта, который выражен формально в предложении местоимением *я*; *не-я* здесь невозможно.

Пропозиция в отличие от перформации представляет собой объективно значимую часть предложения и находится в прямой связи с действительностью, фактом. Пропозиционный предикат входит в состав сообщения об этой действительности. Ср.: *Я сообщаю вам, товарищи, что занятия отменяются*, где фактом является отмена занятий. Так как пропозиция несет фактографическую информацию, в предложении возможен формальный ее показатель *не-я*.

Поскольку все перформативы включают в значение признак произнесения, речевого выражения, постольку общей, родовой для них семой является сема 'говорю'. Тем не менее одни перформативы выражают коммуникативную цель говорения, другие — побуждение. На этом основании выделяются две группы перформативов — говорения и побуждения. Перформативы каждой группы различаются видовыми, дифференциальными, семами и распадаются на подгруппы. Например, в группе перформативов говорения — наиболее представительной и многообразной — выделяются подгруппы перформативов передачи информации (*сообщаю*), мнения (*думаю, полагаю, нахожу*), предположения (*предполагаю, подозреваю*) и др.

Перформативные предикаты группы говорения выражают в общем одну коммуникативную целенаправленность высказывания — сказать что-либо. Перформативные же предикаты группы побуждения отличаются от перформативов говорения тем, что они как бы сокращают разрыв между «словом» и «делом» в процессе человеческой деятельности. Говорящий требует, приказывает, уверяет и т. д., т. е. действует словесно. Внутри группы выделяются два класса — перформативов уверения и перформативов побуждения. К первому классу

относятся, например, предикаты *уверяю, заверяю, убеждаю, клянусь*.

В классе перформативов собственно побуждения выделяются подклассы: *прошу* — с общим значением побуждения; *приказываю, велю, требую* — с семой категоричности исполнения; *хочу и желаю* — с импликацией просьбы; *советую и рекомендую* — с семой рекомендации, как поступить или что делать.

Перформативы говорения и перформативы побуждения в русском языке разграничиваются и формально: первые управляют союзом *что*, вторые — союзом *чтобы*.

Обратимся теперь к вопросу о том, как функционируют перформативы, к тем преобразованиям, которым может быть подвергнуто предложение, содержащее те или иные перформативные предикаты.

Первичной формой высказывания, в котором употреблен перформатив, является изъяснительное сложноподчиненное предложение. Перформатив в нем служит предикатом главного предложения, главное же в целом — перформативной рамкой пропозиции, которая выражается придаточным предложением. Если перформатив представлен в главном в своей первичной форме и употребляется в собственной первичной функции, обозначая данный акт коммуникации, то мы говорим о первичной перформативной рамке. Например, в предложении *Я считаю, что выгоднее использовать энергию рек* первичной рамкой является *Я считаю, что*, которая и выражает коммуникативную целенаправленность высказывания.

В процессе коммуникации первичная рамка может быть подвергнута различным преобразованиям. Не останавливаясь на преобразованиях, не затрагивающих перформатив предложения (*Я советую Вам, чтобы Вы взяли эту работу* → *Я советую Вам взять эту работу*), рассмотрим такие преобразования, которые приводят к изменению формы и функции или только функции перформативных предикатов.

О вторичности функции перформатива в тексте свидетельствует его преобразованная грамматическая форма. Первичная же перформативная рамка предложения нередко компрессируется. Перформатив *говорю* с общим значением говорения, будучи носителем только родовой семы, не выступает в высказывании в качестве первичного перформатива. Он выражает акт говорения в чистом виде, а так как этот акт совершается исполнителем речевого акта, то первичная перформативная рамка с данным перформативом совершенно не

информативна и поэтому не реализуется. Однако в глубинной структуре каждого высказывания перформатив *говорю* присутствует и может «проявить» себя, т. е. стать эксплицитным, в сообщении о уже состоявшемся речевом акте. Действительно, если произнесена фраза *Я считаю, что выгоднее использовать энергию рек*, где перформатив реализовал значение мнения, то и в сообщении другого лица об этой фразе «проявится» тот же перформатив (во вторичной форме): {Я говорю, что} и *Он считает, что выгоднее использовать энергию рек*. Точно таким же образом, если говорящим опущена первичная перформативная рамка *Я говорю, что...*, то она так же, как и в предыдущем примере, «проявится» в сообщении о состоявшемся речевом акте во вторичной функции. Например: {Я говорю, что} *Пришел учитель* → {Я говорю, что} *Она сказала, что пришел учитель*.

Между функцией и формой перформатива отнюдь не всегда наблюдаются соответствия: перформатив может иметь форму 1 лица, но употребляться во вторичной функции. Так, в разговорной речи распространены конструкции типа *Говорю, что костер совсем потух*; *Прошу, чтобы он вернулся*, где перформативы имеют формальные показатели первичного перформатива, но выступают во вторичной функции. Возьмем связный текст:

- Костер совсем потух.
- Что ты говоришь?
- Говорю, что костер совсем потух.

Говорящий субъект как бы воспроизвел состоявшийся речевой акт, реализовав и первичную перформативную рамку, перформатив которой выполняет вторичную функцию, так как входит в сообщение о состоявшемся речевом акте. Употребление при ответе предиката в форме первичного перформатива обусловлено вопросом. Ср.:

- Что ты сказала?
- Сказала, что костер совсем потух.

Или:

- О чем ты его просишь?
- Прошу, чтобы он вернулся.

Ср.: — О чем ты его просила?

- Просила, чтобы он вернулся.

Перформатив *говорю* может быть употреблен во вторичной функции не только при повторении сообщения, но и тогда, когда он входит в высказывание в качестве вводного слова или вводного предложения. Например: *Ты, (я ему) говорю, больше ко мне не приходи*; *Лед, (я им) говорю, уже тронулся*.

В приведенных высказываниях субъект повествует о событиях прошедших — о речевых актах, которые осуществил он сам, и включает в повествование свои же высказывания —

«чужую» речь, речь, отчужденную от акта коммуникации. Иначе, перформатив *говорю* выполняет здесь функции вторичные. Высказывания, взятые в качестве примера, имплицитно сообщают о речевых актах: *Ты, я ему говорю, больше ко мне не приходи* ← *Я ему сказала, чтобы он больше ко мне не приходил*; *Лед, я им говорю, уже тронулся* ← *Я им сказала, что лед уже тронулся*.

Вторичную функцию выполняют все первичные по форме перформативы, если входят в состав вводного предложения или представляют собой вводные слова. Например, в высказывании *Я обещаю, что эти детали к вечеру сдадим* перформатив, реализовав значение 'говорю, что беру на себя обязательство что-либо сделать', создал акт обязательства, обнаружил коммуникативную целенаправленность высказывания. В высказывании *Эти детали, я обещаю, к вечеру сдадим* перформатив входит в состав не первичной перформативной рамки, как в предыдущем высказывании, а вводного предложения. Говорящий в данном случае уже начал делать сообщение, а так как перформативная рамка выражена самим актом сообщения, то говорящий не реализует перформативную рамку *Я говорю, что...* Однако в процессе говорения говорящий субъект может, как, например, в этом высказывании, выразить свое отношение к сообщаемому — «ввести» в сообщение перформативную рамку. В результате перформатив (*обещаю*) выполняет функции вторичного перформатива.

В высказываниях *Я обещаю, что эти детали к вечеру сдадим* и *Эти детали, я обещаю, к вечеру сдадим* различия между перформативными рамками формальны: во втором перформативная рамка как бы сдвинута с места, повторена. Повтор же перформатива свидетельствует о его вторичности.

Функцию вторичных перформативов — «сочетаться» с позицией — могут выполнять предикаты, не являющиеся перформативными, т. е. псевдоперформативы, которые не способны образовывать перформативную рамку. Они играют в высказывании особую роль. Семантика псевдоперформативов включает характеристику одной из трех сторон коммуникативного акта: процесса говорения — его внешней стороны (интонация, темп и пр.), исполнителя речевого акта (его чувства, эмоции, мимика, жесты и т. д.), ситуации (связь с другими речевыми актами, фиксация состоявшегося речевого акта и т. п.). В соответствии с этим псевдоперформативы, несмотря на разнообразие их семантики, можно объединить в три тематические группы: «Процесс», «Исполнитель», «Ситуация». Предположим, состоялся речевой акт *Я говорю, что поезд опаздывает*. В сообщении об этом речевом акте, сделанном участником коммуникации, «свидетелем» речевого акта, реализовался не перформатив *говорит/сказал*, а «сместивший»

его псевдоперформатив *бормочет*: {Я говорю, что} Он *бормочет*, что поезд *опаздывает*. Реализовав значение 'говорит невнятно', псевдоперформатив охарактеризовал процесс говорения. Ср.: {Я говорю, что} Он *шепнул* (крикнул и т. п.), что поезд *опаздывает*, где псевдоперформативы выполняют одну функцию — дают оценку внешней стороне процесса говорения. Исполнитель предыдущего речевого акта, конечно же, не преследовал коммуникативной цели сказать что-либо невнятно (*бормочу*), тихо (*шепчу*), громко (*кричу*), быстро о незначительном (*болтаю*). Псевдоперформативы не способны выражать коммуникативную целенаправленность высказывания. Их функция — оценочная.

К числу псевдоперформативов группы «Процесс» относятся предикаты *хвастаться, осуждать, упрекать, укорять, ругать, журить* и т. п. В группу «Исполнитель» входят в основном предикаты чувства: *ужасаться, огорчаться, печалиться, раздражаться, радоваться, беспокоиться* и т. д. Данные псевдоперформативы обозначают сопутствующие речению эмоции исполнителя речевого акта, чувства говорящего в связи с сообщением. Например: {Я говорю, что} Я *опять получил неуд* → {Я говорю, что} Он *огорчился*, что *опять получил неуд*. Второе высказывание представляет собой сообщение о предыдущем речевом акте. Псевдоперформатив *огорчился* реализовал значение «испытывает чувство огорчения», охарактеризовав тем самым чувства говорящего, возникшие в связи с сообщением. В группу «Исполнитель» включены также вводные слова и словосочетания, которые передают отношение говорящего субъекта к содержанию сообщаемого им и выражают эмоциональную оценку сообщаемого. Функция эмоциональной оценочности позволяет зачислить их в разряд псевдоперформативов. Ср.: К *умножению досады, бричка моя сломалась* → ← Я *испытывал чувство досады оттого, что бричка моя сломалась*; К *нашему счастью, взошло наконец прекрасное солнце* ← Мы *рады (были рады) тому, что взошло наконец прекрасное солнце*. Вводные слова, выражая оценку сообщаемого, передают чувства говорящего в связи с сообщением. Ср.: Я, *к сожалению, должен вернуться домой*; К *моему удивлению, они оживленно беседовали*; К *своему стыду, я не знала адреса старшего брата*, где вводные слова передают разные чувства говорящего — сожаление, удивление, стыд.

Семантика псевдоперформативов группы «Ситуация» не характеризует процесс говорения или исполнителя речевого акта, а указывает на связь с предыдущими речевыми актами, важность сообщения, наконец, констатирует состоявшееся речение.

Подгруппу псевдоперформативов, которые подчеркивают сущность пропозиции, ее соотнесенность с ситуацией, образу-

ют предикаты *проповедовать, одобрить, оспаривать, осудить, отказаться* и т. д. Например, пусть реализован речевой акт *Экзамены ты не сдашь*. В сообщении об этом речевом акте *Она пророчит, что экзамены ты не сдашь* псевдоперформатив *пророчит* реализовал значение 'предсказывает', указав тем самым на характер пропозиции.

Особую подгруппу образуют псевдоперформативы, которые указывают на связь с предыдущими речевыми актами. К ним относятся предикаты *добавить, повторить, уточнить, намекать* и т. п. Сюда же относятся вводные слова, словосочетания и предложения, указывающие на источник сообщения, связь мыслей, последовательность изложения, приемы и способы изложения высказываемых мыслей. Например, в высказывании *Тренер повторил, что неумеющие плавать в бассейн не допускаются* псевдоперформатив *повторил* реализовал значение 'сказал второй раз'. Следовательно, речевой акт {*Я говорю, что*} *Неумеющие плавать в бассейн не допускаются* состоялся дважды.

Как было отмечено, если первичные по форме перформативы входят в вводное предложение или представляют собой вводные слова, то они выполняют в высказывании функцию вторичных перформативов. Если же вводное предложение содержит вторичный перформатив, то он выполняет функцию псевдоперформатива. Можно говорить о функциональной «деградации» перформативов. Например, в высказывании *Но в этот день не то что курочке негде было напиться, но даже, говорила мамаша, воробьи на лету замерзали* вводное предложение имеет в своем составе перформатив с формальными показателями вторичного. Однако данный перформатив входит не в сообщение о предыдущем речевом акте, к перформации которого он «должен» восходить, а в повествование автора, говорящего субъекта. Его функция — указать на источник сообщения, а это является одной из функций псевдоперформативов.

Подгруппу псевдоперформативов в группе «Ситуация» образуют предикаты, фиксирующие состоявшийся речевой акт: *извещать, уведомлять, произнести, выговорить, высказать* и т. д. Некоторые из них представляют собой семантические аппликации. Возьмем, например, речевой акт {*Я говорю, что*} *Ей-богу, ничего не знаю*. В сообщении об этом речевом акте {*Я говорю, что*} *Он божится, что ничего не знает* псевдоперформатив *божится* реализовал значение 'клятвенно уверяет'. Употребляется данный предикат только в том случае, если предыдущее высказывание содержит вводное *ей-богу*, которое в синтезе с потенциально присутствующим перформативом *говорю* дает новое значение. Семантической аппликацией

является и псевдоперформатив *поддакивать*: Я говорю: «Да-да» → {Я говорю, что} Она поддакивает.

В соответствии с основным законом порождения связного текста — контаминацией³, предшествующее предложение текста преобразуется в тему последующего. Если предшествующее предложение представляет собой изъяснительное сложно-подчиненное предложение, то в последующем оно может быть оформлено новой перформативной рамкой. В таких случаях происходит как бы перераспределение границ между пропозицией и перформацией предложения: то, что на предшествующем шаге порождения текста было перформацией, отходит в область пропозиции, так что получаемое предложение становится сообщением о сообщении. Ср.: {Я хочу, чтобы} была зима → {Я говорю, что} Я хочу, чтобы была зима. Очевидно, что перформатив в составе пропозиции предложения выполняет вторичную функцию. В связи с этим он может приобретать и вторичные грамматические формы, например, 2 или 3 лица.

Таким образом, перформативы во вторичной функции — это перформативные предикаты, которые включены в сообщение о уже состоявшемся речевом акте и восходят к перформации предыдущего высказывания. Свою первичную функцию — обнаружить коммуникативную целенаправленность высказывания, вторичные перформативы выполнили в предыдущем высказывании. Следует иметь в виду, что перформативы в первичной функции в том или ином тексте могут быть не реализованы или компрессированы. Так, высказывание *Она допускает, что цех план не выполнит* представляет собой сообщение о состоявшемся предыдущем речевом акте. Сообщение это делается говорящим субъектом, исполнителем нового речевого акта. Следовательно, необходимо говорить об опущении первичной перформативной рамки *Я говорю, что..*, которая восходит к базовому предложению. Придаточное предложение (сообщение о состоявшемся речевом акте) выполняет функции интродуктивного и включается в базовое — первичную перформативную рамку. В сообщении о состоявшемся речевом акте перформация (*Я допускаю, что*) подвергается качественному изменению, поскольку здесь она связана не с говорящим, а с говорившим субъектом и, сливаясь с бывшей пропозицией (*цех плана не выполнит*), приобретает пропозиционный характер. Поэтому предложения типа *Она допускает, что цех плана не выполнит* следует рассматривать как сообщения о сообщениях.

* * *

Все перформативы, к какому бы классу они ни принадлежали, содержат сему говорения. Но, помимо этого, большинство из них выражает модальные смыслы и волевые акты.

Важно подчеркнуть, что в предложении они могут выполнять первичные и вторичные функции. Перформатив выполняет первичную функцию, если он указывает на совершаемый акт речи, т. е. образует перформативную рамку предложения. В процессе развертывания связного текста перформативная рамка преобразуется, а перформатив начинает выполнять вторичные функции. Суть этих преобразований сводится к тому, что перформация приобретает пропозиционный характер. Процесс вхождения перформации в пропозицию предложения отражается в грамматической форме и на функциональной стороне перформативов.

Язык располагает такими перформативными предикатами, которые используются исключительно во вторичной функции (псевдоперформативы). Объясняется это тем, что перформативы вообще чаще всего выполняют в тексте вторичные функции, ибо первичная перформативная рамка обычно не реализуется или компрессируется.

Понятие перформации позволяет более глубоко и конкретно ставить проблему субъективного и объективного факторов в языке, решать ряд других теоретических вопросов синтаксиса и семантики, пролить дополнительный свет на некоторые законы деривации предложения.

¹ См.: Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке.— М.: Наука, 1975.

² Эволюция понятия пропозиции в логике прослеживается Н. Д. Арутюновой в кн.: Предложение и его смысл.— М.: Наука, 1976. Здесь же разработаны основные проблемы пропозиции с лингвистической точки зрения.

³ Мурзин Л. Н. О законах синтаксической деривации и порождении связного текста.— В сб.: Проблемы структуры слова и предложения. Пермский ун-т, 1974.

⁴ Компрессируемую перформативную рамку мы заключаем в фигурные скобки.

П. Л. ШИШЕНКОВ
Пермский университет

ПОРОЖДЕНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ПРОБЛЕМА ОМОНИМИИ

Омонимия издавна привлекала к себе внимание лингвистов. Особую актуальность проблема омонимии приобрела, когда благодаря исследованиям в области машинного перевода стало очевидным, что омонимия существует не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне. Определение омонимии только как «досадного неразличения того, что должно различаться»¹ теперь уже явно недостаточно. Наличие омонимии на различных языковых уровнях предполагает оп-

ределение ее как неотъемлемого свойства системы языка.

Признание того факта, что омонимия — это не случайное, эпизодическое явление, а объективно присущее самой системе языка, требует выявления взаимосвязи между синтаксической и лексической омонимией как разными сторонами одного и того же явления. Однако обнаружению такой взаимосвязи препятствует формально-описательный подход к омонимии. Так, согласно В. И. Кононенко, «в отличие от лексических синтаксические омонимии образуются не в результате совпадения полнозначных слов, а благодаря свойствам грамматических форм и служебных слов передавать несколько грамматических значений»². Тем самым и синтаксическая и лексическая омонимии возникают в силу определенного «совпадения». Лексическая омонимия — это совпадение полнозначных слов, а синтаксическая — совпадение строевых единиц. Различие омонимии связано с различием специфики «совпадающих» форм. Получается, что между лексической и синтаксической омонимией нет ничего общего за исключением обусловленности их совпадением форм.

Однако само совпадение форм не может быть интерпретировано как некоторое связующее звено, ибо представляет собой лишь результат процесса, природу которого еще требуется установить. Очевидно, что причиной возникновения лексической омонимии может служить изменение значения слова, обусловленное прежде всего применением одной и той же лексемы в разных коммуникативных ситуациях. Окончательным результатом такого использования слова служит «разбиение» его на некоторое подмножество слов-омонимов, употребляемых в разных ситуациях.

Синтаксическая омонимия отличается тем, что каждая строевая единица выражает определенное синтаксическое отношение и существует только тогда, когда устанавливается соответствующее ему синтаксическое отношение. Поэтому, хотя в русском языке форма существительного множественного числа именительного падежа нередко совпадает с формой существительного единственного числа родительного падежа (например, *доктора, тетки, учителя, дядьки* и т. д.), омонимия отсутствует, если подобное слово берется вне синтаксической конструкции, в которой может проявиться значение как именительного, так и родительного падежей.

Синтаксическая омонимия предполагает совпадение форм, но не сводится только к нему. Она есть омонимия синтаксических связей. И чем больше развернут текст, тем более вероятность осознания связи, отличной от реализуемой автором при порождении высказывания. Такую связь, именуемую Б. С. Мучником «ошибочной смысловой связью»³, говорящий при порождении высказывания обычно не обнаруживает.

Как отмечает А. Н. Гвоздев, «обнаружение омонизма требует другого направления в анализе и оценке языкового материала, чем это имеет место при выражении мыслей... Обычно омонизм обнаруживается не в момент написания, а при последующем просмотре, особенно спустя известный срок, когда написанное представляется уже как нечто постороннее, когда его содержание устанавливается на основе его языкового выражения»⁴.

Говорящий стремится выразить свою мысль достаточно точно (идентифицировать ее). С этой целью и создается текст. Но говорящий не учитывает и не может учитывать возможность иного истолкования того текста (в обычном случае — предложения), в котором данная мысль выражена. Для этого говорящий должен перейти на точку зрения «декодирующего».

Интерпретация синтаксической омонимии как возможности установления смысловых связей, отличных от заданной в том или ином сообщении говорящим, позволяет обнаружить, что омонимия далеко не всегда затрудняет понимание. Например, в предложении *Столяр сделал этажерку из дуба с четырьмя ножками* может быть реализована связь *дуб* с *четырьмя ножками*. Но отсутствие связи между референтом *дуб* и референтом *четыре ножки* в объективной действительности делает подобную связь лишь потенциально возможной. Конструкции с такой потенциальной, ошибочной связью нарушают передачу эстетической информации, приводя к нежелательным комическим эффектам, но не вызывают ошибок в приеме информации. По-видимому, декодирующий, действительно заинтересованный в получении того или иного сообщения, даже не замечает подобных потенциально возможных связей.

Характеризуя такого типа омонимы, А. Н. Гвоздев отмечал, что «недостаток этих фраз сосредоточен, собственно, не в них самих, а в их отношении к другим конструкциям, имеющим свое особое значение»⁵. Некоторое синтаксическое образование может не осознаваться как омоним (например, *вышел из дома с ружьем*), но при столкновении двух образований (например, *вышел из дома с ружьем* и *вышел из дома с мезонином*) обнаруживается потенциальная омонимичность каждого из них. В любом образовании существует вторая, неиспользованная потенциальная связь, актуализируемая при сравнении обоих образований.

Формально омонимом может быть признано образование, допускающее более одного анализа. Но именно в том и состоит отличие человека от машины, что в процессе речевого общения у человека формируются определенные «фильтры», снимающие омонимию, делающие один из возможных анализов менее вероятным, чем другой⁶.

Специфика конструкций с омонимией смысловых связей состоит в том, что декодирующий при выборе той или иной интерпретации опирается на семантику используемых в конструкции лексем. При лексической омонимии слова, совпадающие в плане выражения, различаются валентностью. Различие валентностей слов-омонимов выражается в различии их сочетаемости. В составе синтаксической конструкции, образуемой на основе слова-омонима, устанавливается референтная соотнесенность входящих в систему омонима моносемантических единиц (например, *глазок двери* — *глазок картофеля*). Только в составе синтаксической конструкции омоним приобретает номинативную функцию. На уровне двучленного словосочетания лексическая омонимия обычно устраняется.

Однако устранение лексической омонимии посредством создания синтаксической конструкции обуславливает возникновение неопределенности в характере синтаксической связи, т. е. синтаксической омонимии. Моносемантизация слова-омонима, осуществляемая за счет реализации его валентности, приводит к преобразованию слова в номинацию определенного класса (например, *ключ*: *ключ₁* — английский, французский; *ключ₂* — минеральный, горячий). Но слово может обозначать как класс объектов, так и выделенный из класса единичный объект, а словосочетание может создаваться или с целью идентификации некоторого подкласса, или же с целью характеристики единичного объекта (ср. идентифицирующее словосочетание *тяжелая артиллерия*, обозначающее подвид артиллерии, и характеризующее — *тяжелая пушка*). Как следствие, возникает возможность проявления синтаксической омонимии (ср. *тяжелое орудие*, которое может быть интерпретировано и как номинация подкласса орудий, и как характеристика определенного орудия), т. е. неопределенности семантики синтаксических связей.

Данная неопределенность (как и лексическая омонимия) связана с различием валентностей двух функционально различных семантических единиц, т. е. номинации класса и номинации референта. Если слово представляет собой номинацию референта, то реализуется его «внешняя» валентность, основанная на связях между самими референтами. Когда же слово выступает в функции номинации класса, реализуется «внутренняя» валентность, связанная с так называемыми существенными признаками.

Эти два типа валентности находятся в отношении взаимодополняемости, и при реализации лишь одного из них синтаксическая конструкция остается семантически незавершенной. Например, если словосочетание *тяжелое орудие* интерпретируется как реализация внутренней валентности, словосочетание предстает как номинация подкласса, а конкретные при-

знаки того или иного объекта, входящего в данный подкласс, оказываются невыраженными. При интерпретации же данного словосочетания как характеризующей конструкции (т. е. как реализации внешней валентности) возникает неопределенность подкласса, к которому относится характеризуемый объект (например, *музыкальный инструмент* и *блестящий инструмент*, который может быть и не музыкальным, ср. также *спальный мешок*, *вещевой мешок* и *тяжелый мешок*).

Лишь при создании синтаксической конструкции на основе реализации как внутренней, так и внешней валентности подобного типа неопределенность снимается (например, *блестящие музыкальные инструменты* или *тяжелый спальник*). Но в условиях контекста необходимость создания таких развернутых конструкций устраняется посредством реализации описываемых валентностей в разных местах текста, причем как при создании развернутых конструкций, так и при детальном введении атрибутов непременно внутренняя валентность реализуется раньше внешней. Идентификация предшествует характеристике.

Идентификация вызвана неопределенностью референтной соотнесенности слова (ср. слова типа *орудие*, *инструмент* или *материя*, *акт*, *образования*, *порода* и т. д.). Реализация внутренней валентности слова связана с так называемой обязательной сочетаемостью. Есть основания полагать, что семантическая неопределенность данного типа свойственна не только существительным, но и глаголам. Обязательная сочетаемость глаголов обусловлена, по-видимому, тем, что такие глаголы представляют собой номинации неопределенно широкого множества референтов, номинациями подклассов которых выступают отдельные словосочетания (например, *опустить руку* и *опустить письмо*).

Только после того как идентифицирован подкласс, осуществляется «характеризация» конкретного референта. При этом интерпретация той или иной конструкции как основанной на реализации внешней связи (на связи между конкретными референтами) должна постоянно подкрепляться текстом. Вне текста (в экспериментальных условиях единичного предъявления декодирующему той или иной конструкции) имеет место лишь «идентифицирующая» интерпретация.

Последовательность реализации валентностей играет важную роль в декодировании разного типа синтаксических конструкций. Можно, например, утверждать, что хорошо известные омонимичные словосочетания с отглагольным существительным типа *приглашение художника* или *вызов врача* практически не являются омонимами, так как вне текста, в котором эти словосочетания представлены в форме предложений *художник приглашает...* или *врач вызывает...*, где реализована

внутренняя валентность глагола, они могут быть интерпретированы лишь как идентифицирующие. Несоблюдение данного правила, использование характеризующей конструкции в позиции идентифицирующей (например, в заголовке или в начале текста) ведет к нежелательному, комическому эффекту (ср. *Длительные поиски советских археологов подошли к концу*).

Причиной омонимии является возможность создания словосочетания путем реализации разных валентностей слова, а отнюдь не совпадение форм. Другое дело, что посредством различения форм омонимия устраняется, в то время как при их неразличении она может проявиться, т. е. форма — это средство борьбы с омонимией, но не ее причина. Установившееся в лингвистике определение омонимии через совпадение форм приводит к тому, что изучение ее предполагает не анализ причинной обусловленности, а составление некоего списка омонимичных конструкций, в котором семантически сходные случаи омонимии занимают разные места в силу формального различия конструкций.

Так, рассматривая вопрос о причине омонимии словосочетания *борец с пережитками*, могущего быть интерпретированным и как *борец против пережитков* и как *борец, имеющий пережитки*, А. Н. Гвоздев объясняет это тем, что «творительный с предлогом с может обозначать признак и объект действия»⁷. Однако в сопоставляемых интерпретациях семантическое различие обнаруживается не только у атрибутивного компонента — *пережитками* (признак и объект действия), но и у определяемого — *борец*. Определяемое может иметь очень широкую область соотнесения — «тот, кто борется», что обуславливает введение идентифицирующего определения — *с пережитками* и создание номинативного словосочетания — *Борец с пережитками*, обозначающего некоторый подкласс «борцов». В то же время *борец* может иметь уже идентифицированное значение — «тот, кто занимается физической борьбой». Тогда определение *с пережитками* выполняет характеризующую функцию.

Интересно, что при создании словосочетания с целью идентификации исходная номинация — «тот, кто борется» предстает как членимая единица, в то время как все словосочетание *борец с пережитками* выступает как единая, целостная единица. Наоборот, в условиях характеристики целостность есть свойство исходной номинации — *борец*, а словосочетание оказывается членимым. Такое словосочетание существует только в тексте, рассыпаясь на составляющие за его пределами.

Характеризующее словосочетание не обладает номинативной функцией, и синтаксическая связь между его компонентами имеет полупредикативный характер. Именно поэтому та-

кое словосочетание не может служить заголовком текста. Если конструкция типа *борец с пережитками* дается как заголовок, то из двух потенциально возможных интерпретаций явное предпочтение получает «тот, кто борется с пережитками».

Взаимодействием внешней и внутренней валентности обусловлен другой выделенный А. Н. Гвоздевым тип омонимии, при котором «первое слово употребляется в качестве прилагательного и в качестве существительного, у второго слова... совпадают формы именительного множественного и родительного единственного»⁸ (например, *родные тетки* или *данные исследования*). Если выраженная определяемым номинация обозначает некоторый класс референтов, куда наряду с *родными тетками* или *данными исследованиями* входят другие подклассы, то все словосочетание приобретает номинативный (идентифицирующий) характер. Если же множество референтов, обозначенных словом *тетка*, не подразделяется на подклассы «родных» или «неродных» (т. е. *тетка* — это только *родная*), то словосочетание *родные тетки* распадается на компоненты — *родные моей тетки*.

На то, что при второй интерпретации составляющие компоненты словосочетания имеют более конкретное значение (что отличает характеризацию), указывает и показатель родительного падежа. Как отмечает Е. А. Земская, «сочетания с косвенными падежами обычно называют не классы предметов, а отдельные предметы»⁹. Если словосочетание создается с целью обозначения подкласса предметов, то его определяемое соответствует теме предшествующего предложения, результатом преобразования которого и выступает словосочетание (например, *Тетки бывают родные и двоюродные. Родные тетки приехали*). В словосочетании же, в котором выражается отношение между конкретными референтами, обозначенными компонентами словосочетания, определяемое не соответствует тематическому компоненту предложения (т. е. *Тетка имеет родных. Родные тетки приехали*). Объясняется это различие тем, что в последнем случае целью формирования словосочетания не является создание номинации подкласса, входящего в класс референтов, выраженных тематическим элементом предложения. Необходимость в такой номинации устранена, поскольку номинация *тетка* уже идентифицирована или в предшествующем тексте или во внеязыковой ситуации. Поэтому словосочетания с косвенными падежами обычно не начинают текста и не даются вне текста.

Однако это не означает, что все словосочетания, представленные конструкцией «прилагательное + существительное», составляют единые, нечленимые образования. Особенно показательны в этом плане конструкции с относительными прилагательными, которые, с одной стороны, оформляют некоторое

отношение между составными компонентами данной конструкции, а с другой стороны, выражают специфицирующий признак, позволяющий выделить тот или иной подкласс референтов (например, *чеховская борода*, *капитанский табак*, *поварский колпак*, *вольтеровское кресло* и т. д.).

Наконец известно, что словосочетание, представленное моделью «относительное прилагательное + существительное», может быть свернуто до одного слова. Это приводит к проникновению синтаксической омонимии в сферу лексики (ср.: *медвежатник* — «тот, кто охотится на медведя» и «помещение для медведя», *ударник* — «тот, кто играет на ударных инструментах (ударяет)» и «инструмент для удара», *бумажник* — «тот, кто делает бумагу» и «место для бумаг (обычно ценных)»). Самое интересное, по-видимому, то, что степень членимости таких соотносительных номинаций должна быть различна. Номинации, связанные отношением *для*, оказываются в большей мере членимыми (предикативными) и более «синтаксичными».

Таким образом, одна и та же двучленная единица (слово или словосочетание) может быть представлена и как выражение отношения между составляющими данной конструкции (А—В) и как снятый результат этого отношения — номинативная единица (АВ). Выбор той или иной интерпретации зависит от семантики определяемого. Чем конкретнее определяемое, тем больше вероятность интерпретации его как А—В. Существует мнение, что «чем определеннее по своему лексическому значению существительное, тем менее оно нуждается в распространении»¹⁰. И это действительно так, если под распространением подразумевать лишь идентификацию. Но словосочетание может создаваться не только с целью идентификации. В противном случае словосочетания типа *тихий уездный Гороховец* или *бездетная тридцатилетняя Маргарита* не могли бы существовать. Другой задачей построения словосочетания служит характеристика уже идентифицированного референта, нарочитое утверждение наличия у референта тех или иных признаков. Такого типа констатация отношений между референтом и его признаками и определяет синтаксическую расчлененность подобной конструкции.

В более развернутых конструкциях отношения между компонентами становятся более сложными, но качественно не изменяются.

В случаях трехкомпонентных образований (т. е. состоящих из трех полнозначных слов) соотносительные интерпретации могут быть представлены как (АВ)—(С) или как А—(ВС), например: (*лебедки для судов*) *отечественного производства* и *лебедки (для судов отечественного производства)*. Выбор интерпретации трехкомпонентного образования непо-

средственно обусловлен интерпретацией начального двухкомпонентного. Если оно определяется как единая номинативная единица (*лебедки для судов — судовые лебедки*, как особый тип), то все образование приобретает номинативный характер (т. е. *судовые лебедки отечественного производства*). Если же двухкомпонентное образование интерпретируется как расчлененное, то компонент, вводимый на третьем шаге развертывания конструкции, связывается не с первым компонентом, так как он уже идентифицирован, на что указывает расчлененность, а со вторым (т. е. *лебедки, изготовленные для судов отечественного производства*).

В то время как отношение (АВ)—С отражает построение некоторой развернутой номинации, отношение А—(ВС) есть результат преобразования предшествующего текста (например, *Суда отечественного производства отличаются следующими признаками... Поэтому лебедки для судов отечественного производства должны обладать...*). Если в первой интерпретации номинация *лебедки* представляет собой тематическую единицу, а *суда* — рематический элемент (например, *Лебедки устанавливаются как на судах, так и на шахтах*), то во второй интерпретации *суда* есть преобразованный в определение тематический элемент. Такое преобразование обусловлено задачами построения высказывания. Вне предложения возможна только интерпретация (АВ)—С (ср. интерпретацию словосочетаний типа *родные тетки*)¹¹.

Если значение компонента (А) нуждается в идентификации, то имеет место интерпретация (АВ)—С, если же оно уже идентифицировано, то возможна вторая интерпретация. Ср.: *Торговка* (какая?) *вяленой воблой торчала между ящиков и Отец* (уточнения не требуется) *младшей дочери привез из города перышко*. Если же в предшествующем тексте номинация *торговка* уже соотнесена со своим референтом (т. е. *Она—торговка*), то более вероятной становится интерпретация «торчать вяленой воблой».

Интересно, что омонимия этого типа вообще возникает только в предложении. Вне предложения, т. е. на уровне словосочетания, существуют два разных неомонимичных словосочетания (*торговка вяленой воблой* и *торчать вяленой воблой*), связанные с реализацией валентностей разных членов предложения. Характерно, однако, что вне соответствующего контекста большую вероятность имеет интерпретация «спорного» компонента как результата реализации валентности подлежащего.

Таким образом, от предложения через словосочетание до слова идет сквозная линия омонимии, обусловленной возможностью обозначения одним и тем же знаком как класса референтов, требующего идентификации, так и отдельного рефе-

рента, который хотя и не требует дополнительной идентификации, но может в зависимости от условий общения быть охарактеризован. Отсутствие показателей, способных разграничить идентификацию и характеризацию, ведет к обнаружению омонимии синтаксических конструкций, которые могут интерпретироваться как создаваемые или в целях идентификации (такая конструкция служит обозначением некоторого подкласса референтов), или в целях характеристики (в этом случае синтаксическая конструкция выражает отношение между референтами, обозначенными лексическими компонентами конструкции). Вне текста определить характер подобной конструкции чрезвычайно сложно.

В условиях реального коммуникативного процесса (а не в условиях лингвистического анализа) данная проблема разрешается просто. Дело в том, что вне текста словосочетание может обозначать только некоторый подкласс референтов, а в тексте оно может служить и средством выражения отношений, но только если определяемое уже соотнесено со своим референтом. Чтобы референт мог быть охарактеризован, он уже должен быть идентифицирован. Следовательно, синтаксическое образование, создаваемое с целью идентификации, порождается раньше, чем то, которое образуется с целью характеристики референта. В тексте омонимии рассмотренного типа не существует.

Омонимия есть проблема анализа языковых единиц, взятых вне контекста, т. е. проблема описания языка. Возникновение ее обусловлено спецификой построения языковой системы и прежде всего экономией языковых границ. Это, конечно, полностью не устраняет возможности появления омонимии под воздействием изменений в плане выражения, не затрагивающих плана содержания. Тем не менее можно предположить, что на уровне синтаксиса влияние таких «внешних» факторов сводится к нулю. Синтаксическая омонимия есть прежде всего омонимия «семантическая», причины которой заложены в семантике компонентов, характеризующих синтаксические единицы.

¹ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967, с. 89.

² Кононенко В. И. Системно-семантические связи в синтаксисе. Автореф. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. Киев, 1976, с. 31.

³ Мучник Б. С. Письменная передача мысли. Алма-Ата: Мектеп, 1973, с. 159 и след.

⁴ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965, с. 381.

⁵ Там же.

⁶ Наличие таких фильтров позволяет отвергнуть гипотезу о случайном, эпизодическом появлении омонимов. Ведь если бы их появление действи-

тельно носило спорадический характер, то человек не смог бы выработать системы защиты. В этом случае омоним, действительно, представлял бы собой «досадную помеху».

⁷ Гвоздев А. Н. Указ. работа, с. 384.

⁸ Там же, с. 386.

⁹ Земская Е. А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке.— В сб.: Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1967, с. 94.

¹⁰ АLEXИНА М. И. К вопросу о распространителях существительного как одним из средств выражения значений определенности (неопределенности) предмета в современном русском языке.— В сб.: Вопросы грамматики и лексики современного русского языка. М.: Б. и., 1975.

¹¹ Следует отметить, что подобная же переориентация темы и ремы может быть отмечена и на лексическом уровне. Если омоним *медвежатник* расценивается как номинация субъекта, то суффикс *-ник* может быть интерпретирован как обозначение определяемого (т. е. «тот, кто...»), а корневая часть слова — как обозначение определения. Подобное определяемое в предложении выступает в функции темы, а определение — в функции ремы (например, *Человек охотится на медведя*). Когда же омоним *медвежатник* толкуется как номинация некоторого «локатива» (т. е. «там, где медведи»), суффикс служит обозначением определяемого, которое в развернутом предложении выступает в функции ремы (*Медведи живут в клетке*).

Е. Е. КОРДИ

Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР

ДИАТЕЗЫ ДВУПРЕДИКАТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В статье рассмотрены синтаксические конструкции французского языка, включающие глагол в личной форме (глагол-модификатор, фазовый, модальный, каузативный и т. п.) и зависящий от него инфинитив другого глагола. Особенностью рассматриваемых конструкций является то, что одну из синтаксических позиций при главном глаголе — предикате 1-го ранга занимает зависимый глагол — предикат 2-го ранга. Конструкции с инфинитивным оборотом являются частным случаем двупредикатных конструкций наряду со сложноподчиненными предложениями, где зависимый предикат входит в состав придаточного, и конструкциями с предикатным именем.

Задача настоящей статьи — описание специфики представления семантических актантов (партиципантов) предикатов 1-го и 2-го ранга в конструкциях с инфинитивным оборотом. При этом мы исходим из основных принципов, разработанных А. А. Холодовичем в его теории диатез и залогов¹, и используем предложенный им способ представления диатезы в виде двухуровневой схемы соответствий между компонентами семантической структуры ситуации и синтаксической структуры предложения².

Спецификой инфинитивного оборота является то, что он не имеет собственного подлежащего и поэтому один из участников ситуации, называемой глаголом в инфинитиве, выражается не его синтаксическим актантом, а синтаксическим актантом личного глагола. Например, в предложении *Pierre veut partir* подлежащее *Pierre* называет не только субъект глагола *vouloir*, но и субъект глагола *partir*.

Таким образом, в предложениях с инфинитивным оборотом, как правило, наблюдается совмещенное обозначение или совмещение одного участника ситуации предиката 1-го ранга и одного участника ситуации предиката 2-го ранга.

Под совмещенным обозначением пациентов двух ситуаций мы понимаем такое их обозначение, когда этим участникам на синтаксическом уровне соответствует один актант. Разумеется, совмещенное обозначение участников двух ситуаций возможно только в том случае, если они денотативно совпадают, но такое совпадение обязательно для конструкции с инфинитивным оборотом.

Подобное явление было отмечено и описано Е. В. Падучевой для конструкции с предикатными именами³. Для описания типов совмещений в конструкциях с инфинитивными оборотами мы использовали методику построения диатез, введя в нее некоторые модификации применительно к нашей цели описания двупредикатных конструкций. Каждому имени, входящему в актантную структуру предикатов 1-го и 2-го ранга, была приписана семантическая информация в терминах «субъект» и «объект» с индексом 1 или 2 (Сб 1 — субъект предиката 1-го ранга и т. п.) и синтаксическая информация в терминах «подлежащее» и «дополнение» с индексами 1 или 2 (Д 2 — дополнение предиката 2-го ранга). При этом принимается допущение, что каждый предикат имеет не более одного субъекта, тогда как объектов может быть несколько, и что каждый глагол имеет не более одного подлежащего, тогда как дополнений может быть несколько. При обозначении косвенного дополнения перед символом Д указывается предлог (*à, de, par*). Остальные слова, входящие в предложение, но не входящие в актантную структуру предикатов 1-го и 2-го рангов, не учитываются в этом анализе, поскольку они не специфичны для изучаемых структур. Совмещение участников двух ситуаций в одном синтаксическом актанте показывается при помощи знака =, например, выражение Сб 1 = Сб 2 обозначает, что субъект предиката 1-го ранга совпадает с субъектом предиката 2-го ранга и они выражены одним членом предложения.

Ниже приводятся только те фрагменты диатез двупредикатных конструкций, в которых наблюдаются совмещения.

Поскольку диатезы двупредикатных конструкций в большой мере определяются залоговой формой личного глагола и инфинитива, мы рассматриваем отдельно типы предложений, характеризующиеся разным сочетанием залоговых форм.

1 тип. Оба глагола употреблены в форме активного залога.

Схема 1

$Cб\ 1 = Cб\ 2$

П 1

Схема 1 иллюстрирует такую структуру предложения, в которой подлежащее личного глагола обозначает и субъект действия личного глагола, и субъект действия

глагола в инфинитиве, что возможно при двухвалентном и трехвалентном личном глаголе. (1) *Mon amie a accepté d'emmener l'Espagnol* (Hériat, 242) 'Моя подруга согласна взять с собой испанца'; (2) *Le médecin nous a promis d'examiner l'enfant* 'Врач пообещал нам осмотреть ребенка'.

Схема 2

$Об\ 1 = Cб\ 2$

Д 1

Прямое дополнение личного глагола обозначает его объект и субъект действия глагола в инфинитиве, что возможно, только если личный глагол трехвалентный. (3) *La tante les invita à prendre place à cette grande table* (Sabatier, 45) 'Тетя пригласила их сесть за этот большой стол'.

Схема 3

$Об\ 1 = Cб\ 2$

à Д 1

Косвенное дополнение личного глагола, выраженное существительным с предлогом à или дативным местоимением, обозначает и объект действия личного глагола, и субъект действия в инфинитиве, что возможно, если личный глагол трехвалентный. (4) *On demanda à Valentin de rédiger séance tenante un petit procès-verbal* (Hériat, 214) 'Попросили Валентина составить по ходу обсуждения небольшой протокол'; (5) *Elle lui recommandait de tenir les gants à la main* 'Она рекомендовала ему держать перчатки в руке'.

Схема 4

$Cб\ 1 = Cб\ 2$

—

Такой тип соответствия наблюдается, когда в роли главного предиката выступает так называемый безличный глагол. В этом случае субъекты 1-го и 2-го ранга, совпадающие денотативно, не получают выражения на синтаксическом уровне. (6) *Il fallait s'en aller, et vite* (Hériat, 217) 'Нужно было уезжать, и поскорее'; (7) *Il s'agit de retrouver le corps* (Simenon, 124) 'Надо отыскать тело'.

Схема 5

$Cб\ 1 = Cб\ 2$

à Д 1

Иногда в конструкции с безличным глаголом субъект выражается косвенным дополнением⁴. В двупредикатной конструкции это дополнение совмещает в себе обозначение субъекта предиката 1-го ранга и субъекта предиката 2-го ранга. (8) *Noël est une fête cruelle. Mais c'est une fête nécessaire. Car il vous faut naître, vivre et mourir*,

hommes, mes amis, mes frères (Bataille, 177) 'Рождество — праздник жестокий, но необходимый, потому что вам нужно родиться, жить и умирать, люди, друзья мои, братья мои'.

II тип. Личный глагол употреблен в пассивной форме, глагол в инфинитиве — в форме активного залога.

Из глаголов-модификаторов пассивную форму могут принимать только трехвалентные глаголы, причем одни из них образуют личный пассив (схема 6), другие — безличный пассив⁵ (схемы 7, 8). По семантической характеристике среди трехвалентных глаголов-модификаторов преобладают каузативные глаголы.

Схема 6

Об 1 = Сб 2

П 1

Подлежащее личного глагола совмещает в себе обозначения объекта действия личного глагола и субъекта действия глагола в инфинитиве. (9) Lorsque s'ouvrit la ligne d'Amérique, Mermoz fut chargé d'étudier le tronçon de Buenos-Aires à Santiago (St.-Ex., 40) 'Когда открылась американская линия, Мермозу было поручено изучить участок пути от Буэнос-Айреса до Сантьяго'; (10) Il commença à manger. La soupe fumait et il ignorait, s'il était autorisé à souffler (Babatier, 22) 'Он начал есть. Суп был очень горячий, а он не знал, разрешается ли ему подуть'.

Схема 7

Сб 1 = Сб 2

—

Объект предиката 1-го ранга и субъект предиката 2-го ранга, денотативно совпадающие, не находят выражения на синтаксическом уровне. (11) En leur présence et bien qu' il fût interdit de parler politique, dès le potage naissait le débat imbécile (Mauriac. Thérèse, 55) 'В их присутствии и несмотря на то, что говорить о политике за столом запрещалось, с самого начала обеда завязывался нелепый спор'; (12) Dans ces conditions il est permis d'affirmer que les deux ouvrages furent élaborés en même temps (Donzé, 18) 'В этих условиях позволено утверждать, что обе работы были выполнены одновременно'.

Схема 8

Сб 1 = Сб 2

à Д 1

Объект предиката 1-го ранга и субъект предиката 2-го ранга совмещенно обозначаются косвенным дополнением к предикату 1-го ранга. (13) Anne errait dans le jardin d'où il lui était interdit de sortir 'Анна бродила по саду, откуда ей было запрещено выходить'; (14) Luce, les mains glacées, laissa son travail qu'il ne fut pas permis à Pierre de regarder (Rolland, 23) 'Люс, у которой застыли руки, оставила работу, на которую Пьеру было (даже) не позволено взглянуть'. При этом наблюдается сходство конструкций с безличными модальными глаголами и с каузативными глаголами в безличном пассиве: совмещенный partici-

пант либо не выражается вообще, либо выражается дативным местоимением.

III тип. Личный глагол употреблен в активной форме, глагол в инфинитиве — в пассивной форме.

Схема 9

Об 1 = Сб 2

П 1

Субъект предиката 1-го ранга и объект предиката 2-го ранга совмещенно обозначаются подлежащим. Этот тип совмещения характерен для конструкций с двухвалентным, реже — трехвалентным, глаголом-модификатором. (15) *Oncle Alexandre, est-ce que tu accepterais d'être nommé subrogé tuteur de Renaud?* (Hériat, 197) 'Дядя Александр, ты бы согласился быть назначенным опекуном Рено?'; (16) *Le juge n'avait pas demandé à être muté* 'Судья не просил о том, чтобы быть переведенным'; (17) *Elle feignait de n'être pas atteinte et d'être pas même surpris* (Mauriac. Noeud, 123) 'Она притворялась, что не обижена и даже не удивлена'.

Схема 10

Об 1 = Сб 2

Д 1

Схема 11

Об 1 = Сб 2

à Д 1

Объект предиката 1-го ранга и объект предиката 2-го ранга совмещенно обозначаются прямым (10) или косвенным (11) дополнением к главному глаголу. (18) *Le sort empêche un ou plusieurs joueurs d'être promu patron ou sous-patron* (Vailland, 47) 'Судьба мешает одному или нескольким игрокам быть выдвинутым в положение патрона или супатрона'; (19) *Je lui en voulais de n'être pas éblouie* (Mauriac. Noeud, 121) 'Я сердился на нее за то, что она не была восхищена'.

В рассматриваемом материале не встретилось ни одного примера, в котором и главный и зависимый глагол имели бы форму пассива. По-видимому, нагромождение нескольких пассивных форм глаголов, зависящих один от другого, вообще не свойственно французскому языку.

IV тип. Личный глагол (глагол-модификатор) не имеет собственной актантной структуры.

Среди глаголов-модификаторов можно выделить такие, которые могут утрачивать свою актантную структуру и вводиться в актантную структуру другого глагола, принимающего форму инфинитива. К их числу относятся *devoir* 'долженствовать', *pouvoir* 'мочь', *commencer* 'начинать', *finir* 'кончать', *cesser* 'переставать'. Рассмотрим два предложения, включающие двупредикатную конструкцию *devoir* + *V_{inf}* с активным инфинитивом: (20) *Tous les étudiants doivent écrire cette composition* 'Все студенты должны написать это

сочинение'; (21) *Le chemin doit passer par ce village* 'Дорога должна пройти через эту деревню'.

Предложению (20) соответствует диатеза с совмещением Сб 1 и Сб 2 в подлежащем (схема 1). Но предложение (21) отличается тем, что подлежащее (*le chemin*) не соответствует субъекту глагола *devoir*. Это предложение можно считать производным от предложения (22) *Le chemin passe par ce village* 'Дорога проходит через эту деревню'. Глагол *devoir* как бы вводится в готовую актантную структуру глагола *passer*, не меняя ее. Глагол *devoir* выражает в этом случае необходимость события, называемого в предложении. То же самое относится к конструкции *devoir* с пассивным инфинитивом: (23) *Cette composition doit être écrite par tous les étudiants* 'Это сочинение должно быть написано всеми студентами'. В этом предложении подлежащее 1 соответствует объекту зависимого глагола, а агентивное дополнение — субъекту зависимого глагола. Предложение (23) можно считать производным от (24) *Cette composition est écrite par tous les étudiants* 'Это сочинение написано (пишется) всеми студентами'. Глагол *devoir* вводится в пассивную структуру, образованную формой страдательного залога глагола *écrire*, причем актантная структура предложения остается неизменной.

Поскольку глагол *devoir* в подобных предложениях не имеет собственных актантов, в них не наблюдается совмещенного выражения партиципантов двух ситуаций, а выражены только партиципанты ситуаций, обозначаемых глаголом в инфинитиве. Такие же семантико-синтаксические отношения характерны для предложений с другими глаголами-модификаторами этого типа и с инфинитивом в пассивной форме. (25) *Les derniers mois de l'enfant pourraient être organisés par vous avec plus de sagesse* (Bataille, 76) 'Последние месяцы ребенка могли бы быть организованы вами более разумно'. (26) *Dès qu'il fut pensionnaire chez nous l'école cessa d'être désertée le soir, après quatre heures* (Alain-Fournier, 70) 'Как только он поступил к нам, школа перестала пустеть с четырех часов вечера'; (27) *Le dictionnaire historique de l'ancien français en dix volumes commença à être publié en 1875* (Kukenheim, 73) 'Исторический словарь старофранцузского языка в десяти томах начал публиковаться в 1875 году'.

Анализ различных видов конструкций с двухвалентными и трехвалентными глаголами-модификаторами, управляющими зависимым инфинитивом, позволил обнаружить несколько типов конструкций с совмещенным обозначением партиципантов главного и зависимого глагола (I—III) и один тип конструкций без совмещения партиципантов (IV). В конструкциях типов I—III возможны любые совмещения

партиципантов главного и зависимого глаголов, а совмещенный партиципant обозначается подлежащим, прямым дополнением или косвенным дополнением к главному глаголу. Тип совмещения зависит от валентности глагола-модификатора, его лексико-грамматического подкласса (модальные, каузативные и т. д.) и залоговой формы обоих глаголов. В конструкциях типа IV глагол-модификатор не имеет собственных актантов, а вводится в актантную структуру исходного глагола.

Таким образом, использование теории диатез при анализе двупредикатных конструкций дало возможность выделить несколько типов таких конструкций, различающихся способами выражения партиципantов двух соединяемых ситуаций.

¹ Холодович А. А. Залог I: Определение. Исчисление.— В кн.: Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979, с. 177—192.

² В настоящей статье используются термины: семантические актанты или партиципantы ситуации — субъект, объект; синтаксические актанты или члены предложения — подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение.

³ Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке.— В сб.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977, с. 84—107.

⁴ Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения).— Изд-во МГУ, 1971, с. 40—55.

⁵ Условия образования глаголом конструкции безличного пассива сформулированы автором в главе «Пассивные конструкции во французском языке» в кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии.— Л.: Наука, 1974, с. 189—315.

Alain-Fournier.	— Alain-Fournier. Le grand Meaulnes.— Hoscou, 1970.
Bataille.	— Bataille M. L'abre de Noël.— Leningrad, 1974.
Donzé.	— Donzé R. La grammaire générale et raisonnée de Port-Royal.— Berne, Francke, 1967.
Hériat.	— Hériat P. Les grilles d'or.— P.: Gallimard, 1957.
Kukenheim.	— Kukenheim L. Esquisse historique de la linguistique française et de ses rapports avec la linguistique générale.— Leiden, 1968.
Mauriac. Noeud.	— Mauriac Fr. Le noeud de vipères.— Moscou, 1966.
Mauriac. Thérèse.	— Mauriac Fr. Thérèse Desqueyroux.— Moscou, 1966.

- Rolland. — Rolland R. Pierre et Luce.— Moscou, 1953.
 Sabatier. — Sabatier R. Trois sucettes à la menthe.— P. 1972.
- Simenon. — Simenon G. La première enquête de Maigret.— Moscou, 1968.
- St.-Ex. — Saint-Exupéry A. Oeuvres.— Moscou, 1972.
- Vailland. — Vailland R. La loi.— P.: Gallimard, 1957.

*В. Н. АБЫЗОВА
ВИНИТИ*

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ КАК УСЛОВНОСТЬ СВЯЗНОГО ТЕКСТА

Считается, что актуальное членение предложения определяет смысловую нагрузку его частей и служит как бы главным ключом к распределению смысловых узлов в тексте.

В данной статье делается попытка рассматривать текст не в статике, а в динамике (в процессе порождения), что позволяет воссоздать картину распределения смысловых фрагментов внутри текста и выявить причины и механизм образования его «связности». При этом на процедуру формирования отдельных предложений, соответствующих смысловым фрагментам, влияют и требования текстовой организации, свойственной данному языку, и предпочтительные для него формы предикации, и грамматические особенности выражения «известности», так что актуальное членение оказывается в ряду явлений вторичного порядка: оно лишь оформляет и согласовывает те содержательные отношения, которые сложились на глубинном уровне.

В качестве теоретического аппарата исследования была использована модель, предложенная Ю. С. Мартемьяновым¹. Исходя из современного представления о глубинных уровнях языка, любой текст на естественном языке можно считать результатом некоторых процессов, под воздействием которых наши мысли получают словесное оформление. Данная модель позволяет проследить переход от абстрактных, чисто смысловых отношений к лексико-грамматической конкретизации их средствами естественного языка. При этом различаются три этапа (уровня): 1) реляционный, 2) валентный, 3) вербальный.

Любое предложение естественного языка согласно этому представлению проходит при формировании все три этапа. На реляционном уровне смысл высказывания можно запи-

сать в виде дерева семантических отношений. На валентном уровне этим семантическим отношениям соответствуют особого рода укрупненные лексемы, где каждая представляет собой класс лексем, пригодных для выражения заданного реляционного смысла. А на вербальном уровне из состава каждой укрупненной лексики вычленяется то единственно необходимое лексическое значение, которое соответствует структуре и смыслу будущей фразы естественного языка².

В дальнейшем будет рассматриваться в основном реляционный уровень, где определяется ход развития мысли и последовательность ее изложения, а также намечается будущий порядок слов и межфразовые и анафорические согласования.

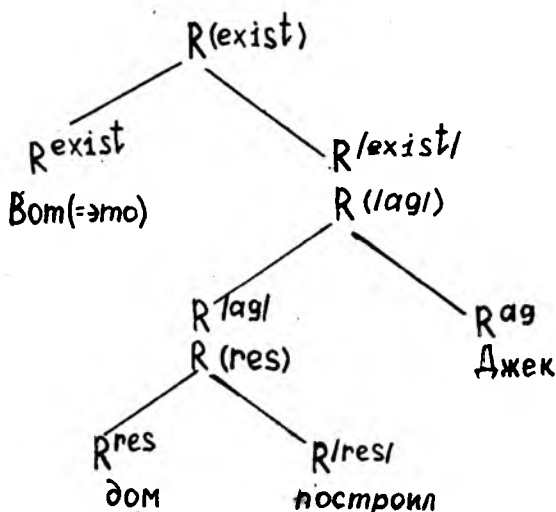
Исходным моментом порождения текста является комплексное описание расчлененного смысла: связный текст представляется в виде множества элементарных высказываний, образующих комплекс последовательных семантических уточнений (включений), в котором каждое высказывание (кроме одного, самого внешнего) вставляется в некоторое другое и служит для семантического описания какого-либо компонента последнего. Своеобразным макетом такого описания связного текста может служить заключительная строфа известного стихотворения «Дом, который построил Джек» (перевод с английского С. Я. Маршака):

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая ловко ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек!

Структура подобных включений позволяет фиксировать для каждого двух высказываний включающее (главное) высказывание и включенное (уточняющее, детализирующее). Различие по включенности составляет сущность смыслового членения комплекса, которое и определяет в конечном счете смысловую нагрузку («вес») отдельных фрагментов текста.

Заметим, однако, что на реляционном уровне такой смысловой комплекс записывается не в виде предложений естественного языка с последовательным подчинением, а в виде НС-структуры дерева семантических отношений типа $R^{(1)}$, где $\dot{a}$ может обозначать *mod* — модальность, *temp* — время, *ag* — агент, *pat* — пациент, *sept* — воспринимаемое, *prop* — свойство, *res* — результат, *exist* — существование и т. п. Так, струк-

тура начальной фразы стихотворения: «Вот дом, который построил Джек» — будет иметь следующий вид (для облегчения понимания под символическими обозначениями помещены слова будущего предложения):

Легко теперь представить, насколько объемнее будет дерево, изображающее структуру заключительной строфы.

Подобным же образом можно представить смысловой комплекс любого текста, расположив в верхнем узле дерева главное (самое внешнее) отношение, семантизирующее некоторым (как угодно большим) числом включенных отношений. Абстрактная смысловая запись, обычно характеризующаяся чрезмерно большой глубиной НС-структуры, дает в свернутом виде всю сумму сведений, которые должны содержаться в тексте.

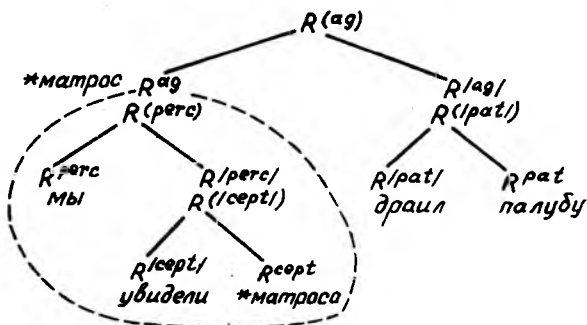
Однако глубина смыслового комплекса, изображаемого в виде огромной НС-структуры, во много раз превышает возможность единовременного человеческого восприятия³, поэтому в нем производятся определенные перестройки, в результате чего содержание сообщения передается не целиком, а по частям (некоторыми смысловыми «квантами»). Осуществляется это при помощи операции экспонирования⁴ и других. Многократная экспозиция позволяет расчленить громоздкий комплекс на удобовоспринимаемые отрезки смысла, из которых потом образуются предложения, составляющие текст. Для памяти о вынесенных вперед высказываниях в структуре даются пометы анафорического тождества.

Простейший пример экспонирования:

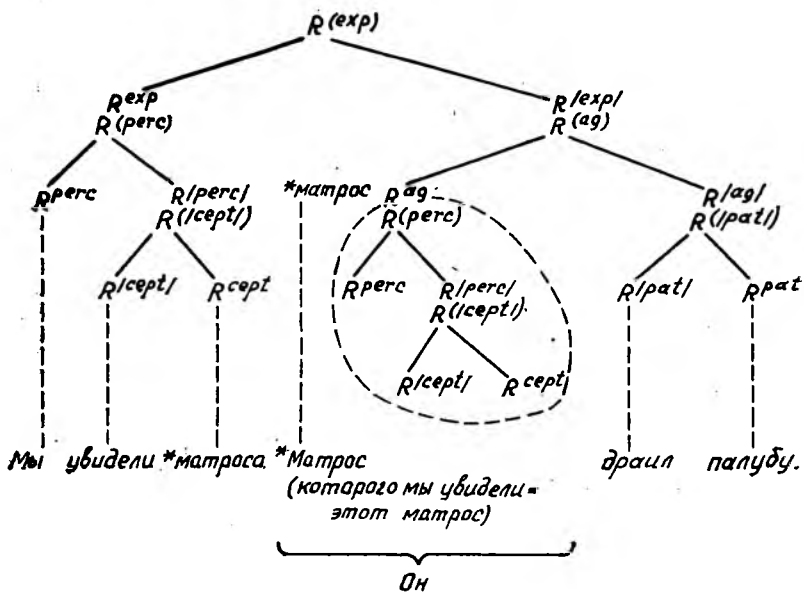
Матрос, которого мы увидели, драил палубу.

Мы увидели матроса. Он (этот матрос) драил палубу. (2)

Эту перестройку можно изобразить в виде схемы:

Матрос (мы увидели матроса = которого мы увидели) драил палубу.

Смысловое членение при такой перестройке комплекса остается неизменным: вынесенное вперед высказывание присутствует как анафора внутри оставшейся части комплекса, по отношению к которому оно по-прежнему является включенным (уточняющим).

На этом же примере хорошо видна разница между смысловым членением и актуальным. Смысловое членение существует до экспозиции и после нее, в то время как актуальное членение можно считать механическим следствием этой операции. С вынесением в начало некоторого уточняющего фрагмента (*мы увидели матроса*) компонент из остатка, который им уточнялся (*матрос*), воспринимается как известное (*он* — тот самый *матрос, которого мы увидели*). В соответствии с этим мы производим в оставшейся части изменения (вводим местоимения *он, который*), указывающие на тождественность с ранее названным объектом (анафора).

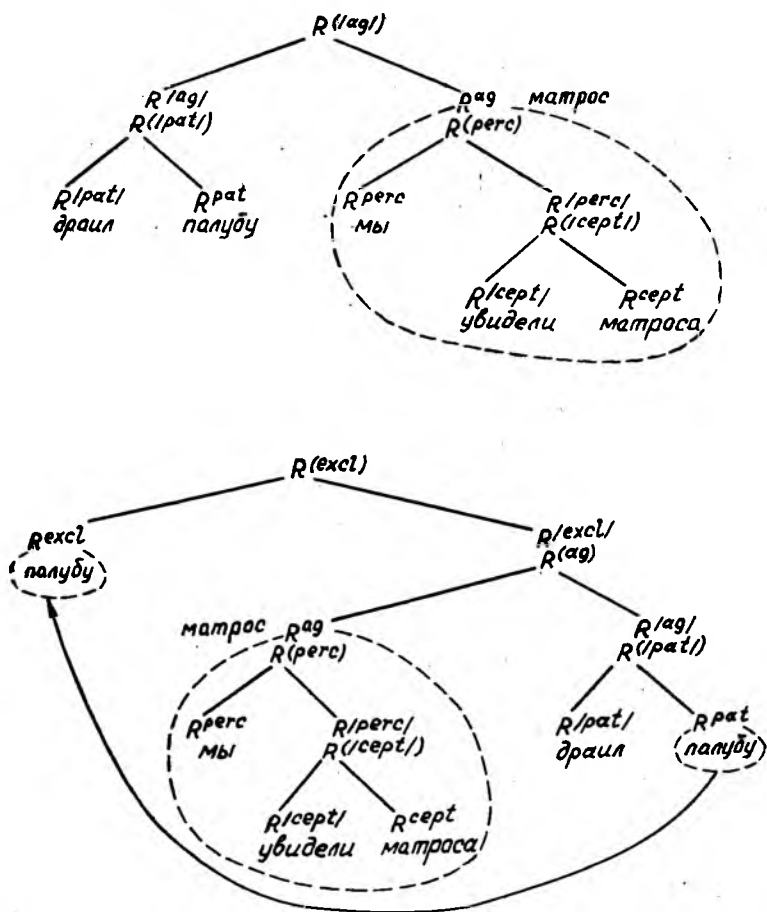
В реальном связном тексте перестройка смыслового комплекса обычно более сложна, а иногда и многоступенчата: из состава экспонированной части может быть снова вынесено вперед какое-либо включенное высказывание (т. е. экспозиция может быть двойной или даже более осложненной — судя по характеру и целевым задачам текста).

В зависимости от намерений говорящего (пишущего) смысловой комплекс может дробиться в большей или меньшей степени. Если желательна более «дробная» подача материала и более внимательное ознакомление с фактами, детализирующими главное сообщение, то вперед выносятся почти все включенные высказывания, приобретающие затем форму обособленных предложений. Если же предполагается достаточное знакомство с темой сообщения, то структура экспозита (и всего текста в целом) может быть значительно более сложной.

В процессе формирования связного текста происходят и другие внутренние перестройки комплекса. Иногда это определяется целями высказывания (какой фрагмент вынести вперед, какое отношение в нем сделать главным, т. е. включающим), а иногда реакцией на «известное», образовавшееся в результате экспонирования. Осуществляются такие перестройки с помощью особых операций.

Так, конверсия меняет местами правый и левый члены отношения. Например, если бы в предложении *Матрос, которого мы увидели, драил палубу* из предыдущего контекста уже была ясна ситуация, но не был известен деятель, главное отношение следовало бы конвертировать, и фраза получила бы следующий вид: *Драил палубу матрос, которого мы увидели*.

В результате эксклюзии из комплекса выносятся любой элемент, он становится левым членом соответствующего отношения, а правым членом его является исходная структура. Например, эксклюзия отдельного слова (*палубу*) тоже может быть вызвана контекстуальной известностью. Ср.: *Палубу матрос, которого мы увидели, драил*.

После описанных композиционных перестроек смысловый комплекс оказывается раздроблен на отдельные фрагменты смысла, которые в дальнейшем на валентном и вербальном уровнях получают сентенционную форму, лексикализуются, оформляют соответствующим образом сложившиеся на реляционном уровне анафорические отношения и подвергаются необходимой актуализации.

С момента сентенционной категоризации способы оформления смысла в разных языках существенно различаются. При этом многие различия грамматического и композиционного характера, наблюдаемые в естественных языковых выражениях, связаны с условностями данной грамматики или свойствами связного текста, а отнюдь не с различием глубинных структур.

Это легко обнаруживается в процессе анализа двуязычного текста.

Сравним два текста:

A class of techniques for character recognition is described. These techniques are characterized by the property that the only parameters of the input which are used are those which are independent of the position of the character; that is, these techniques are registration invariant.

In Section I of this paper, we describe the registration invariant mathematical formalism which underlies these techniques and in Section II we describe in more detail the physical realization of several recognition schemes based on these concepts. Some results from our computer simulation of these procedures are given.

В статье описана группа устройств распознавания, которые характеризуются тем, что параметры ввода не зависят от положения образа. Иными словами, речь идет об инвариантной регистрации.

В первой части статьи дается формальная математическая теория инвариантной регистрации, которая служит основой для ее технической реализации. Во второй части приводится детальное описание физической реализации некоторых схем распознавания, основанных на этой теории. Приведены некоторые результаты моделирования этих методов на счетно-решающих устройствах. (Это аннотация английской технической статьи и ее русский перевод.)

Представляя теперь характер композиционных перестроек реляционного уровня, можно определить, что оба абзаца в этих текстах построены однотипно. Не прибегая к абстрактной записи, попробуем реконструировать содержание смыслового комплекса первого абзаца. Основная мысль сообщения содержится в заключительной фразе (*речь идет об инвариантной регистрации*), а включенные высказывания (*устройства распознавания, группа которых описана в статье, характеризуется тем, что параметры ввода не зависят от положения образа*) выносятся посредством экспонирования в начало абзаца, после чего из вынесенного вперед фрагмента (экспози́та) снова экспонируется включенное высказывание (*в статье описана группа устройств распознавания*), что обеспечивает «известность» и соответствующий тип связи с тем, что осталось в аппозите (*которые... These techniques...*).

Аналогичным образом (путем двойной экспозиции) построен и второй абзац. Проследим по этапам процедуру формирования этого абзаца из нерасчлененного смыслового комплекса. В структуре комплекса заключительная фраза абзаца занимает самое внешнее положение (верхняя часть дерева),

а две другие (детализирующие) расположены соответственно ниже. Обозначим эти три фрагмента символами S_1 , S_2 и S_3 . Тогда структура нерасчлененного комплекса будет выглядеть следующим образом: S_1 включает в себя S_2 , внутри которого содержится S_3 . Чтобы избежать громоздкой символической записи, разместим предложения данного абзаца соответственно их положению в исходном смысловом комплексе (разумеется, пренебрегая стилистическими погрешностями, так как в данном случае мы хотим проследить за перемещениями фрагментов смысловой структуры, которые еще не стали текстом). Вот как примерно читался бы этот абзац на разных стадиях становления.

Смысловый комплекс до экспонирования.

S_1 Приведены некоторые результаты моделирования на счетно-решающих устройствах методов S_2 [физической реализации некоторых схем распознавания, основанных на той S_3 (формальной математической теории инвариантной регистрации, служащей основой для ее технической реализации, которая дается в первой части статьи), детальное описание которой приводится во второй части статьи].

I шаг: выносится вперед S_2 с включенным в него S_3 . Во второй части статьи приводится детальное описание физической реализации некоторых схем распознавания, основанных на той S_3 (формальной математической теории инвариантной регистрации, служащей основой для ее технической реализации, которая дается в первой части статьи). Приведены некоторые результаты моделирования на счетно-решающих устройствах методов (этой) физической реализации (=этих методов).

II шаг: из экспонированного S_2 выносится вперед вставное высказывание S_3 и абзац приобретает окончательный вид.

В первой части статьи дается формальная математическая теория инвариантной регистрации, которая служит основой для ее технической реализации. Во второй части приводится детальное описание физической реализации некоторых схем распознавания, основанных на этой теории. Приведены некоторые результаты моделирования этих методов на счетно-решающих устройствах.

Как видим, строение абзацев и расположение крупных смысловых фрагментов, соответствующих глубинным перестройкам реляционного комплекса, в обоих текстах совпадают. Различна лишь степень сепарации предложений (т. е. различны способы обособления вынесенных вперед высказываний). Например, в первом абзаце английского варианта

первая фраза отделена от второй точкой, а вторая от третьей — точкой с запятой. В русском же тексте первое и второе предложения разделяются запятой, а второе и третье — как результирующее — точкой. Во втором абзаце английского варианта два первых предложения соединены союзом *and* (без знаков препинания), третье же следует после точки. В русском тексте все три фразы разделены точками.

Сравнение способов синтаксического оформления и актуального членения текстов позволяет обнаружить расхождения, весьма типичные для обоих языков. Заметим, что синтаксические категории, определяющие местоположение будущих главных членов предложения, задаются еще на глубинном уровне. Помета *пех* указывает на тот узел структуры, левый или правый член которой должен стать субъектом для другого члена того же отношения — будущего предиката.

Известная иерархия реляционных отношений устанавливается исходя из их способности выполнять роль нексуса (так, $R^{(ag)}$ встречается в этой роли чаще других). Данное обстоятельство имеет значение для формирования предложения на естественном языке с учетом его конкретных грамматических особенностей.

Кроме того, на окончательный вид фразы оказывают немалое влияние способы выражения «известного» — «неизвестного», принятые в определенном языке.

В первых фразах текстов (в английском — до точки, в русском — до запятой) из-за неопределенности деятеля — $R^{(ag)}$ («некто» описал группу устройств...) функцию нексуса выполняет отношение $R^{(sept)}$, что делает объект подлежащим и приводит к образованию пассивной формы (*is described*, *описана*).

В английском предложении упомянутый член отношения $R^{(sept)}$ («неизвестное» данного сообщения) получает неопределенный артикль (*A class...*) и этого достаточно для маркировки «неизвестного». В русском языке «неизвестное» обычно располагается в конце высказывания, поэтому $R^{(sept)}$ подвергается конверсии и фраза в соответствии с этим перестраивается: *...описана группа устройств распознавания* (обстоятельная группа в статье введена переводчиком, очевидно, для благозвучия). Оказавшись в конце высказывания, группа подлежащего ослабляет степень сепарации (появляется запятая, а не точка).

Из второй фразы видно, что в английском языке на выбор предикации более влияет известность компонента, чем иерархия отношений (*These techniques* → подлежащее). В русском подлежащее выбирается исходя из иерархии отношений по способности быть нексусом, а затем уже в соответствии с требованиями актуализации занимает то или иное место в предложении.

Начало второго абзаца в английском варианте отличается тем, что здесь уже указано имя деятеля (we) и основное содержание сообщения получило форму распространенного дополнения (сепарация предложений, соединенных союзом and, более слабая). В русском варианте сохранилась пассивная конструкция, и предложения разделены точками.

Все рассмотренные расхождения в оформлении идентичного содержания связаны с условностями поверхностного уровня и не затрагивают глубинных смысловых отношений.

Подводя итоги, можно констатировать, что глубинная структура является инвариантом, фиксирующим смысловое содержание фразы и не влияющим на выбор тех грамматических категорий, которые могут выразить заданный смысл средствами конкретного естественного языка с учетом определенного контекстуального окружения. С этой позиции формы предикации и актуального членения — не более чем условности поверхностного уровня языка.

¹ Мартемьянов Ю. С. К описанию текста: язык валентно-юнктивно-эмфазных отношений.— В сб.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. МГПИИЯ, вып. 13; Мартемьянов Ю. С. Связный текст — изложение расчлененного смысла.— М.: АН СССР, вып. 40.

² Абызова В. Н., Мартемьянов Ю. С. От синтаксиса значений к значению и синтаксису слов (синтаксис и лексика в категориях валентного языка).— В сб.: Вопросы информационной теории и практики. М.: ВИНТИ, 1975, № 27; Мартемьянов Ю. С., Московой В. А. Об исчислении словарных входов.— В сб.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. МГПИИЯ, 1976, вып. 18.

³ Yngve V. H. A Model and a Hypothesis of Language Structure.— Proceedings of American Philosophical, vol. 104, 5, 1960.

⁴ Операция экспонирования заключается в том, что некоторое включенное высказывание выносится вперед и обособляется. См.: Мартемьянов Ю. С. Связный текст — изложение расчлененного смысла.— М.: АН СССР, вып. 40.

Н. П. ПОТАПОВА
Пермский университет

ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛОВ С КОРНЕМ -ДА- (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются первичные и вторичные значения бесприставочных и приставочных глаголов, объединенных одним корнем, выявляется общее и различное в их значении, анализируются их деривационные семантические связи; делается попытка использовать метод компонентного анализа¹, который, как нам кажется, позволит определить степень рас-

хождения или общности значений исследуемых глаголов, направление деривационных связей.

Всего анализируется 13 глаголов с корнем *-да-* на материале 750 предложений. Эти глаголы создают своеобразную семантическую микросистему, члены которой могут находиться в разной степени удаленности от первичного значения. Данная микросистема состоит из 53 значений, некоторые из них передаются сочетанием глагола *дать* + существительное в вин. п.

Глагол *дать* принадлежит к числу глаголов с конкретной и широкой семантикой, в нем отсутствует четкая денотативная соотнесенность, что и обусловило некоторое своеобразие в его функционировании.

Путем сравнения указанных глаголов с глаголами других лексико-семантических классов выявлены основные дифференциальные признаки (ДП), они же составляют первичное (наиболее конкретное) значение глагола *дать* (*давать*)². Это значение и соответствующий ему набор ДП в дальнейшем служит основой определений вторичных значений. Вторичные значения, кроме основных, могут включать факультативные (по отношению к исходным) ДП, выступающие в некоторых значениях как основные.

Первичное значение 'вручить (вручать) что-либо кому-либо' образуется следующими ДП: действие, физическое действие, целенаправленное действие; действие, обусловленное волей субъекта; субъект — лицо; наличие факта давания (переход объекта от одного лица к другому); объект давания (прямой объект); наличие адресата; адресат — лицо. Данное значение присуще глаголу *дать* (*давать*) в качестве первичного значения и глаголам *отдать* (*отдавать*), *передать* (*передавать*) в качестве вторичного; приставки в данном случае вносят лишь грамматическое значение: *Дай-ко мне платок; Порошки отдай, которы куплены в Вишере; Взял бы на почту банку да из рук бы и передал там Анне*. Совпадение глаголов в одном значении связано с тем, что приставки *от-*, *пере-* не противоречат основным ДП первичного значения (переход объекта от одного лица к другому), а лишь несколько усиливают момент перехода. В этом можно видеть причину совпадения лексического значения приставочных и бесприставочного глагола, а следовательно, и самих разноприставочных глаголов. Значение приставок нейтрализуется: 'вручить не через посредство кого-то' (что можно было бы ожидать при употреблении глагола *передать*), а 'непосредственно вручить'. Совпадение этих глаголов в одном значении объясняется, вероятно, еще и тем, что в ситуации 'вручить что-либо кому-либо' факт 'через посредство кого-то' (даже если он включен в ситуацию), не самый главный, важно довести предмет до ад-

ресата. Возможно, поэтому те же самые глаголы используются при актуализации факта посредничества: *Клавка принесла — велела отцу передать; Почтарь приходил, отдай, говорит*. Это значение (с включением ДП 'посредничество') для глагола *передать* первично, для *отдать* — вторично.

Степень отхода первичных значений от вторичного не одинакова. Некоторые вторичные значения отключаются от первичного только наличием одного дополнительного ДП (по сравнению с исходным значением). Такие значения наиболее близки к исходному. В других случаях наблюдается смена содержания отдельных ДП исходного значения или даже отсутствие некоторых ДП.

В семантической микросистеме глаголов с корнем *-да-* есть несколько значений, отличающихся от исходного одним, дополнительным, ДП. Рассмотрим эти значения³:

1) 'вручить (вручать) много', включает дополнительный ДП 'большое количество даваемого', для данного значения он основной. Значение передается глаголом *надавать*, приставка является носителем основного (для этого значения) ДП: *Надавала я ему продуктов! Надавала всего!*

2) 'вручить (вручать) что-либо кому-либо, отторгнув от себя', передается глаголом *отдать (отдавать)*; дополнительный ДП 'отторжение' привносится приставкой: *Дробовик раньше был, нынче я уж отдал его; Тогда все на войну шло, все уж отдавали;*

3) 'вручить за плату' имеет в своем составе ДП 'денежная компенсация за какой-либо предмет', передается глаголами *отдать (отдавать)*, *продать (продавать)*. Значение разнoprиставочных глаголов совпадает, чему способствует, во-первых, семантика приставок (*от-* подчеркивает факт 'отторжения', *про-* — факт действия 'во всей полноте в полном объеме', т. е. приставки не противоречат по своей семантике друг другу); во-вторых, постоянно появляющийся в предложении элемент *за + вин. п.*, который явно способствует нейтрализации значений приставок и самих глаголов: *За пять рублей юбку отдала ей; Дом сноха продала за три сотни;*

4) 'вручить (вручать) предмет в обмен на другой предмет', содержит ДП 'компенсация предметом', передается глаголами *отдать (отдавать)*, *сдать (сдавать)*. Приставки *от-*, *с-* подчеркивают семантику отторжения, заложенную в самом глаголе *дать*; ДП 'компенсация предметом' передается элементом предложения *за + вин. п.*; *В войну за редьку юбку отдавал, только бы поимся; Дам банки, ты сдай их на конфеты;*

5) 'возвратить (возвращать)' это значение содержит ДП 'возврат какого-либо предмета' и передается глаголами *дать (давать)*, *отдать (отдавать)*: *Дай-ка мне грабли: берешь и не*

отдашь; Дай ей платок, который у нее взяла. Для глагола *дать* это значение вторично и первоначально поддерживалось словом *обратно*, в результате постоянного его элиминирования семантика этого слова «включается» в значения глагола *дать* в качестве нового ДП ('возврат').

Итак, с точки зрения деривационных связей пять разобранных значений характеризуются тем, что сохраняются все ДП первичного значения, в качестве дополнительного выступает лишь один ДП.

Несколько дальше вторичные значения отстоят от первичного, если они характеризуются двумя дополнительными ДП; однако такие значения, как покажет дальнейший анализ, остаются по-прежнему конкретными и принадлежат лексико-грамматическому глагольному классу давания. Значения эти следующие:

6) 'подарить (дарить) что-либо кому-либо', в качестве дополнительных ДП выступает 'безвозмездность', 'выражение симпатии, уважения'. Значение передается глаголом *дать* (*давать*): *Всем кумушкам-подружкам по платицу дала; Подарки давали к празднику*. Возможно, первоначально это значение передавалось сочетанием *дать подарок*, в котором оба слова близки по семантике (подарок — то, что дают безвозмездно). Устойчивое употребление сочетания в этом значении приводит к возможности опустить слово *подарок*, а его семантику включить в качестве нового ДП в значение глагола *дать*. Возможно, процесс данного включения не завершен, так как в этом значении употребляется и сочетание *дать подарок* (как видно из приведенного выше примера);

7) 'жертвовать милостыню' где выявляется ДП 'жалость, сострадание', 'безвозмездность': *Ездил прежде по дорогам, из дома в дом, кто кусок подает, кто что*. В этом значении возможен и больший отход от первичного значения: иногда изменяется содержание ДП 'объект' — не только конкретный предмет (как в исходном значении), но и деньги. Изменение содержания ДП знаменует, нам кажется, большую абстракцию, чем наличие дополнительных ДП;

8) 'поднося, вручить', передается, как и в предыдущем случае, глаголом *подать*, но в качестве новых ДП здесь отмечается 'перемещение объекта', 'оказание помощи, услуги': *Он подал ей мешок с луком, Подавальщик подает сено, когда метают*. В этом случае глагол *подать* находится на границе двух лексико-грамматических классов — глаголов перемещения и глаголов давания.

Как уже сказано, вторичные значения отстоят от исходного дальше, если в них не только присутствуют дополнительные ДП, но и изменяется содержание того или иного ДП.

В двух значениях, рассматриваемых ниже, наблюдается изменение содержания ДП адресата;

9) 'вручить (вручать) нескольким (многим) лицам что-либо по частям' передается глаголом *раздать* (*раздавать*). Помимо нового ДП '*разделение объекта на части*' изменяется содержание ДП адресата — не одно лицо, а несколько лиц: *Вот на складе привезут что-нибудь хорошее, по приятелям своим раздают*;

10) 'прибавить (прибавлять) что-либо кому-либо', здесь отмечаются новые ДП: 'оказание помощи', 'присоединение объекта к уже имеющемуся', адресат в этом случае — учреждение, хозяйство: *Поддали мы еще колхозу семян*.

В некоторых значениях отмечается изменение (по сравнению с исходным) содержанием объекта. Таковы следующие значения:

11) 'заплатить (платить) за выполненную работу или какой-либо предмет', передается глаголами *дать* (*давать*), *отдать* (*отдавать*): *За юбку дали четыре рубля; Отдала тридцать копеек за хлеб; На трудодни четыре рубля давали*. Прямой объект здесь — деньги, новый ДП — 'денежная компенсация'. Часто в предложениях с данными глаголами появляется элемент *за* + вин. п., указывающий причину того, за что платят. Близок к названным глаголам глагол *выдать* (*выдавать*), отличие его от предыдущих в том, что семантика элемента *за* + вин. п. ('постоянная работа в государственном учреждении, предприятии') включается в семантику глагола; в качестве прямого объекта выступают 'зарплата, деньги': *Потом нас рассчитали, выдали деньги*;

12) 'с радушием предложить что-либо из еды, питья, угостить', передаваемое глаголом *подать* (*подавать*): *Брагу подавала, да забраковали ее*. Это же значение передается сочетанием *дать* + сущ. в вин. п., конкретизирующее объект подачи, без существительного глагола *дать* не может быть выразителем указанного значения: *Я вам конфетки дам; Я даю гостинцы им*. Одновременно со сменой содержания объекта в составе этого значения появляется новый тип ДП 'проявление гостеприимства, радушия';

13) 'поставлять (поставить) что-либо согласно договору', в этом значении меняется содержание объекта ('*большое количество сельскохозяйственных продуктов, сырья*') и адресата ('*государственные учреждения*'). Именно оба ДП определяют новое значение; появляется и ДП 'перемещение объекта', хотя в несколько 'размытом' виде. Передается значение глаголами *сдать* (*сдавать*), *передать* (*передавать*): *Вот передали корову да мяса сдам*. Возможно, глагол *передать* менее устойчив в этом значении (отмечается он реже). При употреблении указанных глаголов для передачи одинаковой

ситуации происходит совпадение приставок по значению (приставка *пере-* лишь усиливает факт давания, выраженного основой *да-*, и указывает (как и приставка *с-*) на грамматическое значение завершенности.

При анализе других значений, свойственных глаголам семантической микросистемы с корнем *-да-*, выявляется, что вторичные значения могут отдаляться от исходного не только благодаря появлению новых ДП, изменению содержания одного или нескольких исходных ДП, но и в связи с отсутствием одного или нескольких исходных ДП.

Рассмотрим значения такого типа:

14) 'плеснув на каменку, увеличь пар', в этом значении нет ДП объекта и факта давания; произошла некоторая модификация ДП: ДП объекта модифицировался в ДП материала (способа), факт давания — в дополнительное действие, обуславливающее основное. Передается это значение глаголами *наддать* (*наддавать*), *поддать* (*поддавать*): *Водой наддают, кто парится; Поддай водой на каменку*. Приставки *на-*, *под-*, противоположные по своей исходной семантике, совпали здесь в ДП 'добавление'. Появляется ДП 'обработка, воздействие на предмет';

15) 'ударить (ударять) еще раз, дополнительно', здесь отсутствует ДП прямого объекта, но объект воздействия есть, что является модификацией значения адресата: *Поддать еще надо было ему, поддать; Уж так надает этому задирихе*. В этом значении выступают глаголы *поддать*, *надавать*, различающиеся длительностью действия, значение же приставок, на наш взгляд, здесь совпадает, т. е. глаголы совпадают в характере действия и различаются по длительности его протекания;

16) 'угрожать, предупреждать с угрозой о чем-либо', это значение отличается от предыдущих тем, что здесь нет, по сути дела, ДП 'физическое, конкретное действие', а содержится только предупреждение, сообщение о нем. ДП 'сообщение' появляется как модификация факта давания, а адресат воспринимается как объект действия: *Я задам тебе! Это же значение передается сочетанием *дать стряску* (*угрозу*): *Он даст ему хорошую стряску*. В таком случае глагол *дать* теряет многие свои ДП и становится полужнаменательным глаголом.*

Утрата ДП 'физическое действие' создает условия для появления значений, связанных с морально-этическим поведением, сферами социальной жизни человека:

17) 'причислить, включить в состав другого предприятия', в этом значении отсутствует ДП 'физическое действие', изменяется содержание объекта и адресата действия, и то и

другое — 'предприятие'. Действие переходит в разряд социальных: *А после колхозу промартель была, потом леспромхозу передали.* Указанное значение присуще глаголу *передать*;

18) 'поместить в какое-либо учреждение для обучения, воспитания', по сравнению с исходным значением здесь следующие изменения: ДП 'физическое действие' отсутствует, ДП 'адресат' модифицируется в ДП 'перемещение', с указанием места перемещения. Очевидно, такого типа значения являются результатом семантического стяжения двух самостоятельных предложений, одно из которых указывало на адресат, другое — на место направления действия. Передается анализируемое значение глаголом *отдать*: *Они отдали его в интернат*;

19) 'изменить кому-либо, какому-либо делу', здесь отсутствует ДП физического, конкретного действия, изменяется содержание ДП объекта ('совокупность людей, множество людей'), а также ДП адресата ('враг'). В значении отмечаются и новые ДП — 'социальное поведение', 'нарушение норм социальной жизни': *Он выдал всех, а сам сбежал; Он предал их.* Значение передается глаголами *выдать* и *предать*, т. е. происходит нейтрализация семантики разноприставочных глаголов;

20) 'оставить населенный пункт, город неприятелю', значение близко предыдущему, меняется содержание объекта и появляется ДП 'невозможность (по разным причинам) сохранить объект'. Значение передается глаголом *сдать*: *Мы сдали тогда этот город*;

21) 'экзаменоваться', передает значение глагол *сдать*: *Он сдал экзамены в девятый класс.* Помимо отсутствия некоторых ДП от исходного указанное значение отличается модификацией содержания некоторых признаков (например, факт 'давания' модифицируется в факт 'получения одобрения').

Значения 17—21 уже не принадлежат семантике давания, это уже семантика, отображающая социальную деятельность.

22) 'сообщить особое качество, свойство предмету', передается глаголом *придать*: *Лук положить можно больше, потому что лук придаст вкус мясу.* В этом значении не сохранился ни один ДП исходного значения. Основной ДП 'давание' трансформируется в ДП 'направленности'. Отсутствие ДП 'действие', 'физическое действие' указывает, что это значение ушло из области указания на конкретные действия, что оно ближе к сферам процессов или бытия.

В передаче остальных значений участвует не глагол *дать* (или глаголы от него образованные), а сочетание: глагол *дать* + сущ. (чаще в вин. п., но может быть и существительное с предлогом). Это устойчивые сочетания, в которых

дать (или приставочные образования от него), становятся ползнаменательным глаголом. Степень самостоятельности глагола больше, когда глагол конкретизируется существительным с предлогом (*дать по шее, дать в спину*); в других же случаях глагол сохраняет только ДП 'действие', 'направленность' и никакие другие, дополнительные, ДП не появляются (таков, например глагол *дать* в сочетаниях *дать уважение, дать слабину*), т. е. глагол *дать* становится семантически почти пустым⁴, все значимые ДП, свойственные сочетанию, содержатся в существительном.

Сочетание *дать* + вин. п. передают 14 из рассмотренных нами значений. Сочетания эти следующие: *дать задание, дать имя, дать* + собственное имя или фамилия ('позвать, пригласить к телефону': *Дайте мне Валентину*, *дать* + существительное со значением нерабочего времени (*дать отгул, дать отпуск*), *дать оценку, дать пенсию, дать стряску (угрозу), дать уважение, дать спасибо, дать слабину* ('уступать в чем-либо другому, поступать в соответствии с его желаниями': *Нежели уж он ей не мог сказать, чё он ей такую слабину дал?*), *дать телеграмму, дать цвет, дать* существительное со значением наказания. Большинство значений, свойственных сочетаниям, отчетливы. Многие значения уже не входят в систему глаголов давания, а относятся к глаголам сообщения, поведения, самоизменения.

Приставочные глаголы, образующие устойчивые сочетания, по своей семантической значимости выше, более самостоятельны, чем глагол *дать*: *передать привет, подать жалобу, задать вопрос, сдать экзамен, задать задаток, предать земле, предать суду, отдать душу*.

Широкое, но не абстрактное значение глагола *дать* обусловливает появление самых различных вторичных значений. Направление динамики его значений: от конкретного к наиболее абстрактному (обозначение процесса, не обусловленного волей человека, глаголом *придать*).

Приставки сужают значение, но, образуя с глаголом *дать* новые глаголы, они не делают значение более конкретным. Таковы, например, значения 'вручить много' (глагол *надавать*), 'вручить за плату' (глаголы *отдать, продать*), 'обменять' (глаголы *отдать, сдать*). Эти значения остаются в пределах глаголов давания.

Возможность передачи одних и тех же лексических значений как приставочными, так и бесприставочными глаголами говорит о семантической нейтрализации приставок. Например, глаголы *дать, отдать, передать* значение 'возвратить'. Глаголы *выдать, дать, отдать* — значение 'заплатить'. Совпадение значений приставочных и бесприставочных глаголов возможно в том случае, когда приставка совпадает со

значением основы. Например, приставка *вы-* имеет значение 'вон', приставка *от-* — 'отторжение'; накладываясь на значение основы, эти значения могут только совпасть с ним, ничего не прибавляя, становясь иногда лишь показателем вида. Такое совпадение в лексическом значении приставочных и бесприставочного глагола может привести к совпадению значений разноприставочных глаголов.

Быстрее можно ждать совпадения значений различных глаголов не в их первичных значениях, а в более отвлеченных (хотя могут совпадать и в первичных значениях).

Думается, что наибольший отход от исходного значения наблюдается, когда происходит утрата исходных ДП и появление новых.

В результате различных семантических передвижек семантическая микросистема с корнем *-да-* включает не только значения, относящиеся к ситуации 'давания' (хотя их наибольшее количество), но и значения, отражающие социальное поведение и значение, не обусловленное волей субъекта. Последнее значение — наиболее удаленное от исходного.

¹ Литературу по этому вопросу см. в кн.: Ахманова О. С., Глушко М. М. и др. Основы компонентного анализа. /Под ред. Э. М. Медниковой.— Изд-во МГУ, 1969. Понятия дифференциальный признак, сема при исследовании семантики в настоящее время используются довольно широко. См., например: Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания.— В кн.: Семантическая структура слова.— М.: Наука, 1971; Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики.— М.: Наука, 1973; Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии историко-семантических исследований.— Л.: Наука, 1979.

² Пары типа *дать* — *давать*, а также приставочные образования глаголов (*отдать* — *отдавать*) рассматриваем как видовые пары совершенного вида, обладающие тождественным лексическим значением, имеющие «специальный суффикс имперфективации». См.: Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке.— М.; Л.: Наука, 1963.

³ Все значения, анализируемые в статье, имеют единую нумерацию.

⁴ О значении глагола *дять* — *дивать* в составе фразеологизмов см.: Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология.— М.: Наука, 1979, с. 194 и далее.

Н. А. КОЗИНЦЕВА

Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОБХОДИМОСТИ ДЕЙСТВИЯ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В настоящей работе делается попытка определить, какими синтаксическими и лексическими средствами передается

значение необходимости в армянском языке, и выявить, как конкретизируется это значение в зависимости от условий акта коммуникации.

При этом значение необходимости понимается как противопоставленное значению возможности в рамках понятийной категории волюнтативной модальности¹. Противопоставленность понятий необходимости и возможности, передаваемых в естественных языках словами со значением «должен» и «может», а также «нужно» и «можно», обнаруживается при простейшем анализе следующей ситуации — денотата: представим субъект-лицо, которому предстоит совершить какое-либо действие из некоторой совокупности действий. Если субъект не ограничен в выборе действия, то к каждому из них он относится как к возможному. Если же у субъекта нет свободы выбора, то предстоящее действие оказывается для него необходимым.

В новейших языковедческих исследованиях по модальности² признается целесообразным различать два типа взаимосвязанных отношений, реализующихся в актах коммуникации: а) отношение говорящего к сообщаемому и б) отношение субъекта действия к его реализации. Эти отношения важно учитывать при изучении как предикационной облигаторной модальности, передаваемой формами индикатива или конъюнктива (в русском, армянском, французском и т. д.)³, так и волюнтативной модальности, факультативной в семантическом строении предложения⁴.

Как справедливо отмечает Р. Мразек, отношение субъекта действия к его реализации «в конкретном высказывании преломляется через точку зрения говорящего»⁵. При описании семантической структуры предложений с модальными словами, выражающими возможность и необходимость, следует учитывать соответствие между участниками коммуникации (говорящим и адресатом) и партиципантом действия — субъектом⁶, которые могут иметь следующий вид: 1) говорящий и субъект тождественны; 2) адресат и субъект тождественны; 3) ни один из участников коммуникации не тождествен субъекту.

Рассмотрим, как передается в армянском языке значение необходимости действия и как оно конкретизируется в зависимости от приведенных видов соответствия.

Одним из основных средств обозначения необходимости осуществления действия в армянском языке выступают сочетания модальных слов (называемых далее модификаторами) *piti* и *petkh* с личными формами желательного наклонения знаменательного глагола, трактуемые в арменистике как принудительное наклонение.

Будущее время

Jes piti/petkh e gnam	Я должен идти
Du piti/petkh e gnas	Ты должен идти
Na piti/petkh e gna	Он должен идти
Menkh piti/petkh e gnankh	Мы должны идти
Dukh piti/petkh e gnakh	Вы должны идти
Nrankh piti/petkh e gnan.	Они должны идти

Прошедшее время

Jes piti/petkh e gnaï	Я должен был идти
Du piti/petkh e gnaïr	Ты должен был идти
Na piti/petkh e gnar	Он должен был идти
Menkh piti/petkh e gnainkh	Мы должны были идти
Dukh piti/petkh e gnaikh	Вы должны были идти
Nrankh piti/petkh e gnain	Они должны были идти.

Категории лица, числа, времени (таксиса) выражаются формами знаменательного глагола. Приведенные сочетания модификатора и форм желательного наклонения считаются аналитическими формами, репрезентирующими простое глагольное сказуемое.

Модификаторы *petkh* * и *piti* могут также соединяться с инфинитивом и образовывать безличную конструкцию, при этом полученное сочетание квалифицируется как составное сказуемое⁷. Сочетание *piti* с инфинитивом встречается редко, например: *Ajd hamazgestə hagnelu hamar piti liaržekh mard lïnel* (Арутюнян, 62) 'Чтобы носить эту форму, надо быть полноценным человеком'. В конструкции *piti* + *V_{inf}* указание на конкретный агент невозможно, он может быть только обобщенным лицом. Значительно чаще, чем *piti*, в конструкции с инфинитивом встречается модификатор *petkh* е: *...dra hamar petkh e marzvel* (Арутюнян, 32) '...для этого надо упражняться'; *Petkh e henc vaŷvanic hoŷovakner idžesnel thunel* (Ханзадян 1,170) 'Надо прямо с завтрашнего дня опустить трубы в тоннель'.

Конструкция *petkh* е + *V_{inf}* допускает введение указания на конкретный агент в виде факультативного косвенного дополнения, но такое построение чрезвычайно редко: *Mi angam indz petkh er gnal hivandanoc* 'один раз мне надо было сходить в больницу'; обычно при указании на конкретный агент используется личная конструкция с *V_{sub}*:

* По техническим причинам надстрочные знаки в тексте на армянском языке в дальнейшем опущены.

Jes petkh e gnam hivandanoc 'Я должна пойти в больницу'.

Помимо модификаторов *piti* и *petkh* е необходимость могут передавать другие лексические средства, подчиняющие в предложении словоформу инфинитива. В личной конструкции употребляются а) предикатив⁸ *partavor* е 'обязан'; б) пассивные словоформы (в основном, пассивный результатив) каузативных глаголов: *stipvats* е 'заставлен', *harkadvats* е 'вынужден', *drdvats* е 'побужден'; в) сочетания личных форм глагола *upenal* 'иметь' и существительных с лексическим значением необходимости: *karikh upi* 'имеет нужду', *hark upi* 'имеет необходимость'. В безличной конструкции функцию сказуемого-вершины выполняют предикативы: *harkavore* 'нужно', *anhražešt* е 'необходимо', *hark* е 'нужно', *či kareli* 'нельзя' ('-нужно не'); б) пассивные словоформы каузативных глаголов: *rahandžvum* 'требуется', *kargadvats* е 'приказано'; г) глагол *mnun* е 'остается'.

Проанализируем употребление конструкций со значением необходимости, исходя из выделенных типов соответствия участников речевого акта и субъекта действия.

1. Говорящий и субъект действия совпадают.

Отношение необходимости передается личной конструкцией, модификатор *piti/petkh* е подчиняет глагольную словоформу желательного наклонения первого лица. Факторами, обуславливающими необходимость действия говорящего и одновременно субъекта действия, могут быть

а) собственные убеждения говорящего либо подчинение общественным нормам: «А» *taš umic vor sovorel enkh, nran jerahtapart piti mnankh minčev mer kjankhi verdažə* (Степанян, 12) 'Тому, от кого мы узнали букву «а», мы должны быть благодарны до конца нашей жизни'; *Khez inč! — fššacrec kinə. — Amen khajlis hamar hašvetu čpiti linem...* (Ханзадян, 17) 'Тебе-то что: — фыркнула (сердито) жена. — Я не должна отчитываться за каждый свой шаг...' Модификатор *piti/petkh* е в этом случае синонимичен предикативу *partavor* е 'обязан': *partavor enkh jerahtapart mnal* 'обязаны быть благодарны', *partavor čem hašvetu linel* 'не обязана отчитываться';

б) намерение, желание говорящего: *Hetaga edžerum... piti berem mekic aveli orinakner...* (Степанян, 68) 'На следующих страницах я приведу более чем один пример...' (букв.: 'я должен привести'); *Heto kgas vočxarneri hamar. Inč vočxarner piti tam khez:* (Ханзадян 2,57) 'Потом придешь за баранами. Каких я дам тебе баранов!' (букв.: 'я должен дать'). Конструкция с *piti/petkh* е синонимична здесь будущему времени: *Hetaga edžerum berelu em mekic*

aveli orinakner 'На следующих страницах я приведу более чем один пример...'; Jnč vočxarner em khez tałul 'Каких я дам тебе баранов!' Употребление модификаторов petkhe /piti в значении ближайшего будущего особенно характерно для конструкций с глаголами речи: Khez poruthjun piti asem (Ханзаян 1,372) 'Должна сообщить новость...'; Gitekh inč piti xndrem? (Ханзаян 1,316) 'Знаете, что я должен попросить?';

в) восприятие субъектом, т. е. говорящим, чьего-то приказа, пожелания: Henc piti ajsor storagrem, inču es štarum? — hargres na (Ханзаян 2, 49) 'Я должен подписать именно сегодня? Почему ты спешишь?—спросил он'; Hunisjan mi or por ei jekel hjuranoc, jerb indz hajtnecin. Vor petkhe gnam Kremł (газета) 'В один июньский день, я только вернулся в гостиницу, как мне сообщили, что я должен идти в Кремль'. В этом случае конструкция с piti/petkhe близка по смыслу конструкциям с эксплицитной каузацией: Henc xndrum es ajsor storagrem? 'Просишь подписать прямо сейчас?'; Jndz hajtnecin, vor indz hgravirel en Kremł 'Мне сообщили, что меня пригласили в Кремль';

г) осознание говорящим внешних обстоятельств, вынуждающих совершить данное действие независимо от его воли: Jes petkhe brnvei bazrikhis vor vajr čėnknei 'Я должен был схватиться за перила, чтобы не упасть'; Jmacekh, Gevorg Daljanə mez mot e. Uzekh, čuzekh, petkhe haštvenkh katarvatsi het (Ханзаян 1, 17) 'Знайτε, Геворг Дальян у нас. Хотите или нет, мы должны примириться со случившимся' Приведенные предложения синонимичны предложениям с пассивными каузативными глаголами в форме результата: stipvats enkh haštvel katarvatsi het 'вынуждены примириться со случившимся'; в безличной конструкции это значение выражается глаголом mnal 'оставаться': Mez mnum e haštvel katarvatui het 'Нам остается смириться со случившимся'.

II. Говорящий и субъект действия не совпадают.

1. Отношение необходимости приписывается второму лицу. В данном случае используем введенное А. А. Холодовичем⁹ противопоставление коммуникативных и некоммуникативных речевых актов и в пределах коммуникативных — двунаправленной и однонаправленной коммуникации. При двунаправленной коммуникации в речевом акте участвуют обе стороны — говорящий обращается к определенному лицу. Значение необходимости конкретизируется здесь как

а) пожелание, просьба, предписание со стороны говорящего адресату совершить некоторые действия: Da mer vojdz brigadi xndrankh e, — asac Gevorgə. — Petkhe amusnana xndrankhn e, — asac Gevorgə. — Petkhe amusnana

Gevorgē. — Petkh e amuspanas nšanakats oğē (Ханзадян 1,223) 'Это просьба всей нашей бригады, — сказал Геворг. — Ты должен жениться в назначенный день'; Du petkh e ognes indz thatč ašxatankhum (Степанян, 52) 'Ты должен помочь мне в этой неприятной работе';

б) получение, в особенности, если речь идет не о конкретном действии, а о действии вообще, не относящемся к определенному моменту времени: Ge, Manvel, jethe uzum es aprel, petkh e xogamankuthjun anes (Ханзадян 2,52) 'Нет, Манвел, если хочешь жить, должен хитрить';

в) предполагаемое говорящим намерение адресата (субъекта) совершить действие¹⁰; это значение реализуется, как правило, в вопросе, содержащем отрицание: Nima čpiti gas hets, Tigran? (Ханзадян 1,308) 'Теперь ты не должен (-не собираешься) пойти со мной, Тигран?';

г) утверждение говорящим высокой степени достоверности некоторого действия или состояния, субъектом которого является адресат; данное значение выступает в том случае, когда действие или состояние неинтенционально: ...du piti lav imanas ajd xmbagir Petrosjanin (Ханзадян 2, 50) '...Ты должен хорошо знать этого редактора Петросяна'.

В одноподчиненной коммуникации говорящий не адресуется к конкретному лицу, необходимость действия в этом случае относится к обобщенному лицу-субъекту действия (см. ниже, п. 3).

2. Отношение необходимости приписывается третьему лицу, не участвующему в акте коммуникации. Рассмотрим отдельно тексты, в которых позиция говорящего (автора) представлена и позиция говорящего отсутствует:

В первом случае (диалог, повествование от первого лица, научная проза) необходимость действия или состояния устанавливается говорящим и отражает его отношение к ситуации, конкретизируемое как

а) пожелание, предписание: Lrec jerkar. Apa xosec krknaki džerm: Voč vokh čpiti imana mer mtermuthjan masin, Seda (Ханзадян 1, 123) 'Он долго молчал. Потом заговорил еще теплее: — Никто не должен знать о нашей близости, Седа', Da inkhe derdzakunin asac, vor peth e iren tikin apvapen (Ханзадян 1, 228) 'Это сказала сама портниха, что ее должны называть тикин'; здесь конструкция с модификатором piti/petkh e семантически близка конструкции с эксплицитной каузацией, содержащей императив глагола thoṛnel 'пускать' подчиняющий глагольную словоформу желательного наклонения: thoṛ voč vokh čimapa 'пусть никто не узнает' thoṛ iren itkin apvapen 'пусть ее называют тикин';

б) высокая степень уверенности в наступлении ожидае-

мого события: *Gevorgi sirtə tčmlvec. Mi the aranc mor xnamkhi piti apri Tigranə?* (Ханзадян 1, 324) 'Сердце Геворга сжалось. Неужели Тигран должен жить без материнского ухода?'; *Arusjaki hamadzajnuthjunn el arel em, amenic šat nə er tesnum im čarčankhə; anšuš piti uzer, vor hangist pajmanperum ašxaten* (Степанян, 38) 'Согласие Арусяк я тоже получил, больше всех она видела мои мучения; конечно, она должна была бы хотеть, чтобы я работал в спокойных условиях'.

Во втором случае, в эпическом повествовании, когда говорящий (автор) остается в тени, конструкции с *piti/petkh e*, относящиеся к третьему лицу, характеризуют отношение к действию героя повествования. Они встречаются в непрямой передаче речи, мыслей, внутренних переживаний: *Asjan štapec hagnvel. Petkh e gna avansovet...* (Ханзадян 1, 364), 'Ася поспешила одеться. Должна идти в поселковый Совет'; *Begumjanə tgnumer, vor inkhe petkh e mets... xosakcuth-junipenə Svetaji het* (Ханзадян 1,210) 'Бегумян считал, что он должен поговорить со Светой'.

В безличной конструкции с *piti/petkh e* под субъектом действия, выраженного *V_{inf}*, может подразумеваться не конкретный герой произведения, а обобщенное лицо. При этом делается явной соотнесенность утверждаемого с точкой зрения говорящего (автора): *Petkh er thunelagorrsi ačkh unepal pkatelu, vor elektrikneric mekə aydžik e* (Ханзадян 1,35) 'Нужно было иметь глаз тоннелепроходца, чтобы заметить, что одним из электриков была девушка'.

Таким образом, конструкции со значением необходимости употребляются в эпическом повествовании для выражения отношения героя повествования к осуществляемому им действию (т. е. аналогично тому случаю из рассмотренных выше, когда говорящий и субъект действия совпадают) или отношения автора (говорящего) к описываемым им событиям (подобного отношению говорящего к действию третьего лица).

3. Отношение необходимости приписывается обобщенному лицу. В условиях однонаправленной речи, когда в речевом акте активно участвует только говорящий (пишущий) и речевая реакция говорящего не предполагается, отнесенность значения необходимости к определенному лицу остается невыраженной. Субъект действия, необходимость которого утверждается говорящим, может быть указан в обращении: *Genkh asum: pioner neg, jethe milicioner e ancnim, petkh e ratvi arnel* (Арутюнян, 33) 'мы не говорим: пионеры, когда проходит милиционер, надо отдавать честь'. Если обращения нет, то суждение о необходимости оформляется безличной конструкцией и адресуется всем участникам ре-

чевого акта, включая говорящего: *Amen inč petkh e tčšmarit koymov cijs tal gran, um havatum es, manavand, jethe da arat e* (Ханзадян 1, 219) 'Все надо правдивой стороной показывать тому, кому веришь, особенно, если это недостаток'. В этой конструкции модификатору подчиняется *V_{inf}*, обозначающий действие, субъектом которого может быть только лицо.

Отнесенность значения необходимости к обобщенному лицу выражается также в личной конструкции, где модификатору подчинена пассивная словоформа желательного наклонения: *Sevan lvelikh džrer petkh e ogtagorfsven vorogelu pratakov* (Ханзадян 1, 269) 'Воды которые пойдут в Севан, должны использоваться для орошения'. В этом случае подлежащее (*džrer* 'воды') соответствует объекту необходимого действия, а его субъект обычно остается невыраженным и носит обобщенный характер.

4. Отношение необходимости приписывается некоторой ситуации. Значение необходимости может конкретизироваться как

а) утверждение некоторой закономерности: *Mi brigadum petkh e joth hogi linen, joth hotaroy* (Ханзадян 1, 44) 'В одной бригаде должно быть 7 человек, 7 забойщиков'; *Amen mi orenkh petkh e hen vi kjahkhi xor tčanašouthjan vra* (Ханзадян 1, 47) 'Любой закон должен опираться на глубокое знание жизни'. Конструкция с модификатором *petkh e/piti* семантически близка конструкциям с неактуальным презенсом: *Mi brigadum linum e joth hogi* 'В одной бригаде бывает 7 человек'; *Amen mi orenkh hen vum e kjankhi xor tčanašouthjan vra* 'Любой закон опирается на глубокое знание жизни';

б) как высокая степень достоверности суждения о факте, имевшем место в прошлом: *JeYiši «Vardananc patmuthjun» grvats petkh e lini 458 thvakanic heto* (Тер-Минасян, 321) '«История Вардана» Егише должна быть написана после 458 г...' В этом случае модификатор может быть преобразован в вводное слово: *JeYişei «Vardananc patmuthjun» petkh e vor grvats lini 458 thvakanic heto* '«История Вардана» Егише должно было быть написана после 458 г...'. В этом случае модификатор может быть преобразован в водное слово: *JeYişei «Vardananc patmuthjun» petkh e vor grvats lini 458 htvakanic heto*, '«История Вардана» Егише должно было быть написана после 458 г...'.

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Конкретизация понятия необходимости связана с ситуацией акта речи. Так, значение необходимости может быть обусловлено намерением, желанием, убеждениями субъекта

действия, если этот субъект — первое (говорящий) или второе (адресат) лицо. Необходимость, мотивируемая имплицитным каузативным смыслом, передается конструкциями, относящимися к любому лицу. Тем самым необходимость, связанная с имплицитной каузацией, оказывается центральным, наиболее частым и наименее зависимым от окружающего контекста значением модификатора *piti/petkh e*.

При описании семантической структуры предложений, в которых выражается значение необходимости, недостаточно учитывать семантические валентности сказуемого (модификатора и подчиненной глагольной словоформы). В процессе анализа рассмотренного материала важно найти способ адекватного описания реализующейся в этих предложениях связи между участниками акта коммуникации и его содержанием. В настоящей работе была сделана попытка использовать для этого понятие соответствия между говорящим, адресатом и субъектом действия.

¹ Грелл М. О сущности модальности.— В кн.: Языкознание в Чехословакии. М.: Прогресс, 1978.

² Статьи М. Грелла, Г. А. Золотовой, Р. Зимека, Р. Мразека в сб.: *Otázky slovanské syntaxe*. Brno, 1973, t. 3.

³ Ср. определение наклонения, даваемое В. В. Виноградовым: «Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом» (Виноградов В. В. Русский язык.— М.; Л.: Учпедгиз: 1947, с. 581).

⁴ Грелл М. О сущности модальности, с. 278.

⁵ Мразек Р. Замечания о сущности модальности.— В кн.: *Otázky slovanské syntaxe*, с. 170.

⁶ Hlavsa Z. How to introduce modal expressions into action clauses? — In: *Otázky slovanské syntaxe*. Brno, 1973, t. 3. Nilsson B. On the structural and semantic determination of certain clauses with modal predicates in modern Russian.— *Russian linguistics*, 1975, № 2.

⁷ Абрамян С. Г., Парнасян Н. А., Оганян А. А., Бадикян Х. Г. Современный армянский язык. Т. 3. Синтаксис.— Ереван: АН Арм. ССР, 1976. (На арм. яз).

⁸ Предикативами здесь считаются сочетания прилагательного и личных форм глагола-связки *e* «быть», выступающие в позиции сказуемого-вершины.

⁹ Холодович А. А. О типологии речи.— В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1967.

¹⁰ М. Грелл пишет о том, что «семантический оттенок намерения в семантическом поле волонкативной модальности занимает особое положение, поскольку в этом случае производитель действия всегда совпадает с производителем модальности» (с. 290). Наш материал показывает возможность реализации «оттенка намерения» также в том случае, когда модификатор *piti/petkh e* относится ко второму лицу (в условиях вопроса к собеседнику).

Условные сокращения источников (на арм. яз.)

Арутюнян — Арутюнян В. А. Солнцеворот.— Ереван, 1977.

Секоян — Секоян А. В. Если бы Воротан заговорил...— Ереван, 1970.

Степанян — Степанян Г. Вместе с Ачаряном.—Ереван, 1976.
Тер-Минасян — Тер-Минасян Е. Г. Историко-филологические исследования.— Ереван, 1971.

Ханзадян 1 — Ханзадян С. Н. Рассвет над Севаном.— Ереван, 1974.

Ханзадян 2 — Ханзадян С. Н. Собр. соч.— Ереван, 1967. Т. 2

И. Б. ДОЛИНИНА

Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЗАЛОВОГО ИСХОДНЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Сложность описания заловой системы английского языка обусловлена отсутствием изоморфизма между планом выражения и планом содержания в сфере глагола¹, а также существованием в английском языке значительного количества глаголов, у которых одна и та же вокабула в активной форме может образовывать более одной синтаксической структуры. При этом возникает альтернатива: существование таких структур свидетельствует о наличии у глагола различных лексикографических значений, в соответствии с чем необходимо выделять две самостоятельные синтаксические парадигмы (отдельную для каждого глагола), или данная вокабула передает одно лексикографическое значение, различие же синтаксических конструкций связано с изменением диатезы и, следовательно, сдвиг диатезы может вообще не маркироваться в глаголе, а исходная форма глагола может образовывать производные структуры. В таком случае необходимо решить, какое лексикографическое толкование приписывается глаголу и какой из имеющихся структур приписывается статус исходной в синтаксической парадигме².

Двухактантные глаголы рассматриваемого типа образуют две пары синтаксических структур: одна из структур в каждой паре является двухактантной, включающей подлежащее и дополнение, вторая — одноактантной, с подлежащим, которое соотносится с дополнением, либо с подлежащим двухактантной структуры.

Одни глаголы образуют пары структур только одного типа, другие обоих типов. Примером пар первого типа могут служить структуры:

- (1) Mary reads the book — The book reads easily
- (2) John opened the can — The can opened quickly
- (3) Mary broke the cup — The cup broke

- (4) John clasped his hands — John's hands clasped
(5) He burns wood — Wood burns
(6) Mary hurt her finger — Mary's finger hurt.

Формально во всех приведенных предложениях подлежащее одноактантных структур соотносится с дополнением двухактантных, и в этом плане все пары одинаковы. Подлежащее двухактантных структур не представлено в одноактантных, т. е. там, где соотнесенная с ним лексема представлена — случаи (4) и (6), она выполняет функцию не актанта, а атрибута. Причины лексической выраженности подлежащего связаны не с синтаксическими особенностями глагола, а с тем, что в английском языке необходимо в определенных случаях фиксировать посессивные отношения. Исходя из особенностей семантических взаимоотношений актантов и глагола, предложения можно разделить на три группы.

Прежде чем определять специфику этих групп, рассмотрим вопросы, связанные с интерпретацией категориального значения глагола и значений образуемых им синтаксических структур, в частности, проблему пропозитивных и пресуппозиционных значений глагола. Пропозиционное значение глагола задается семантической структурой ситуации, которую данный глагол описывает, т. е. лексикографическим толкованием³, и характеризуется, во-первых, набором партиципантов, во-вторых, их иерархической, «весовой», упорядоченностью. Последняя закрепляется и реализуется в предложении посредством изоморфной весовой упорядоченности актантов⁴, благодаря чему каждая исходная диатеза имеет определенную исходную интенцию⁵, определяемую пропозиционным значением глагола. Под пресуппозиционным значением при описании деривативных (в частности залоговых) отношений мы понимаем любое изменение интенции, связанное с изменением оценки «веса» партиципанта относительно глагольного предиката или других партиципантов⁶, что на синтаксическом уровне достигается путем нарушения изоморфных отношений между «весами» элементов семантической и синтаксической структур предложения.

В исходных синтаксических структурах пресуппозиционное значение предложения нейтрально и не влияет на пропозиционное значение глагола. При сдвиге диатезы интенция предложения меняется: либо на первый план выдвигается не первый партиципant (при помощи изменения синтаксического статуса), либо иным становится количество обязательно представленных партиципантов, т. е. происходит их элиминация на синтаксическом уровне, благодаря чему сохранившиеся в структуре актанты несут дополнительные относительно исходной структуры смысловые нагрузки. Дополнительное

значение, появляющееся в производной структуре, мы считаем пресуппозиционным диатезным. Диатезное значение предложения с производной синтаксической структурой складывается из пропозиционного и пресуппозиционного значений, последнее в производных структурах никогда не равно нулю. Например, в диатезе среднего залога пресуппозиционное значение передает либо непроизвольность действия: *The cup broke, The door opened*, либо модальность: *The book reads easily, The floor scrubs well*; у диатезы рефлексивного залога пресуппозиционное значение отражает направленность действия на агенс.

Таким образом, при залоговых преобразованиях наблюдается тождественность пропозиционного значения. Пресуппозиционное значение и, следовательно, суммарное значение всей конструкции, безусловно, меняются, но различные значений здесь напоминает различные значений членов надежной парадигмы: вещественное значение (в нашем случае пропозиционное) всюду одно и то же, а формальное, надежное (пресуппозиционное, диатезное) — разное.

Мы рассматриваем множество синтаксических структур, образуемых одной глагольной лексемой, как синтаксическую парадигму этого глагола. Поэтому необходимо, как и в любых других типах грамматических парадигм, в частности морфологических, различать вещественное и формальное значение у каждого члена парадигмы. Когда речь идет о любой словозменительной парадигме в морфологии, под вещественным значением понимается конкретное лексическое значение слова, а под формальным — грамматическое значение определенной категории (падеж, время и т. п.), которое всегда является обобщенным в сравнении с лексическим.

В случае синтаксической парадигмы глагола в качестве вещественного (пропозиционного) значения образуемой им синтаксической структуры выступает не набор конкретных лексем типа *читает* (Маша, книга, сестра), а семантическая структура, представленная набором обобщенных формализованных, понятийных единиц: *читает* (агенс, пациенс, адресат), которые передают некие обобщенно-грамматические значения. В качестве грамматического (пресуппозиционного) значения выступают различные способы оранжирования этих понятийных единиц на синтаксическом уровне. Таким образом, при описании как вещественного, так и грамматического значений в синтаксической парадигме в отличие от морфологической мы всегда имеем дело только с абстрактными грамматическими значениями, но это абстракции разных

порядков: первые отражают понятийные категории, партиципанты, характеризующие собственным денотативно-ситуационным значением, вторые имеют интенционное значение, меняющее лишь логическую значимость партиципантов. Это позволяет считать, что, хотя уровень как пропозиционных, так и пресуппозиционных значений описывается в терминах грамматических единиц, единицы первого типа являются «вещественными» по отношению ко вторым, выполняющим функции «грамматических», т. е. значения, вкладываемые в понятия «вещественности» и «грамматичности», могут носить не только абсолютный, но и относительный характер. Такая трактовка не представляется неожиданной: рассмотрение явлений, связанных с динамическими аспектами языка, обусловило необходимость трактовать целый ряд понятий как скользящие.

Исходя из сказанного предлагается следующая интерпретация каждой выделенной группы.

К первой группе относятся пары типа (1) и (2). Обе структуры в данных парах, несомненно, образованы одной и той же глагольной лексемой и позицию подлежащего одноактантной структуры занимает дополнение, соотнесенное с патиенсом двухактантной. Что касается подлежащего первого предложения, то хотя оно не представлено и, более того, запрещено на синтаксическом уровне, наличие отражаемого им семантического элемента во второй структуре совершенно очевидно: в выражении (1) семантика глагола *read* предполагает существование агенса действия, а в выражении (2) семантика актанта *can* предполагает наличие действующего лица (ср.: *The door opened*, где описываемое глаголом действие возможно без одушевленного действия). В связи с этим мы считаем, что глагол в обеих структурах имеет одно и то же пропозиционное значение, которое отражает ситуацию с двумя партиципантами: агенсом и патиенсом. Соответственно, исходной структурой является двухактантная, а ее залоговым дериватом — одноактантная.

Вторую группу составляют предложения типа (5) и (6). Здесь глагольная вокабула имеет два омонимичных значения: каузативное в случае двухактантной структуры и некаузативное в случае одноактантной структуры. Такое толкование обусловлено тем, что одноактантные структуры отражают ситуации, осуществление действия которых не требует наличия еще одного партиципанта. В связи с этим отношения между двух- и одноактантными структурами качественно иные, чем в случаях (1) и (2): первая структура описывает ситуацию каузации с двумя участниками (каузатором и агенсом), вторая — ситуацию только с агенсом, т. е. второй партиципant — каузатор, подлежащее первой структуры, во

второй не представлен не только на синтаксическом уровне, как в случаях (1) и (2), но и содержательно: его нет в семантической структуре.

Что касается предложений (3) и (4), то они занимают промежуточное положение между случаями выражения явно залоговых и явно каузативных отношений: с одной стороны, осуществление действия в ситуации, описываемой одноактантной структурой, происходит само по себе, с другой стороны, оно может произойти без участия того, кто его вызвал. Однако в отличие от предложений (1) и (2), где воздействие со стороны кого-то носит сознательный, целенаправленный или волевой характер, предполагая сознательную или осознаваемую активность агента, в предложениях типа (3) и (4) воздействие может быть случайным, неосознанным, произвольным, в связи с чем присутствие деятеля как бы нейтрализуется, и его функции наиболее важного и обязательного участника передаются объекту, на который это действие распространяется. Таким образом, в этих предложениях в силу объективных причин нейтрализуется тип деривационных отношений между двух- и одноактантными структурами: с одной стороны, они аналогичны залоговым, с другой — каузативным. Соответственно, глагол в такой паре может быть проинтерпретирован двояко либо по схеме (1) — (2), либо по схеме (5) — (6). На наш взгляд, случаи (3) и (4) следует интерпретировать как залоговые, поскольку для них можно восстановить агенса.

Из вышеизложенного явствует, что категориальное значение исходной формы глагола в одноактантных структурах, где подлежащее одноактантной структуры соотносится с дополнением двухактантной, не однородно и границы неоднородности весьма расплывчаты, так как невозможно провести четкую грань между каузативными и залоговыми отношениями. Неопределенность интерпретации переходных случаев усугубляется тем, что, по нашему мнению, существуют синонимичные пары или тройки структур⁷ типа

- (a) His hand lowered — (b) His hand wand lowered —
(c) His hand lowered itself
- (a) His hands clasped — (b) His hands were clasped —
(c) His hands clasped themselves
- (a) The accident repeated — (b) The accident was repeated —
(c) The accident repeated itself.

Если считать, что при исходной форме глагола имеем исходную диатезу, то следует признать существование трех параллельных способов маркировки исходной диатезы у ряда глаголов. Однако это может привести к чрезмерному услож-

нению описания глагольной системы английского языка, ибо придется устанавливать, для какого типа глаголов характерна такая множественность оформления и чем она отличается от депонентных глаголов типа *to be accustomed*, являющихся единственной формой некаузативного глагола. В результате следует учитывать еще один тип грамматической синонимии глагольных форм на уровне многозначности исходной формы.

Необходимо отметить, что указанные тройки (залогово исходная, пассивная и рефлексивная формы) реализуются в полном объеме нерегулярно и далеко не для всех глаголов. Часто глаголы в названных конструкциях имеют маркировку либо двух типов: (а) и (с), либо только одного: или (а), или (с) ⁸. Например глаголы *to form*, *to diffuse*, *to propagate*, *to repeat*, *to reveal*, *to utter* регулярно образуют модели (а) и (с). Случаи с пассивной маркировкой (*The state was formed*, *The sound was repeated*) репрезентируют не одноактные структуры, они являются эллипсисом двухактантных, пассивных, в которых опущено агентивное дополнение.

Глаголы *to arise*, *to relax*, *to move*, *to swing*, *to extend*, образуют как будто бы только модель (а): *His head arose*, *Her face relaxed*.

Модель (с) образуют глаголы *to arrange*, *to transfer*, *to present*, *to empty*, *to express*, *to refrain* и т. д.: *Her face arranged itself in a meditative smile*, *These conduits emptied themselves into the stream*.

Таким образом, если для этой промежуточной (не явно залоговой и не явно каузативной) группы глаголов рассматривать употребление в одноактантной модели как самостоятельное значение вокабулы, то неясно, какую же форму глагола избрать за исходную, образующую исходную диатезу. Если же полагать, что здесь имеет место залоговое изменение соотношенного двухактантного глагола, то все данные формы будут интерпретироваться как один, средний залог, который может иметь несколько способов глагольной маркировки. Залоговая интерпретация данных структур представляется более целесообразной, поскольку благодаря ей не приходится рассматривать в качестве основной исходной формы у широкого круга глаголов их залогово производные формы.

Кроме описанных пар, образуемых исходной формой глагола, в английском языке существуют пары с иным отношением между элементами двух- и одноактантных структур: они имеют общее подлежащее

(5) *Mary dressed the child* — *Mary dressed*

(6) *John straightened his hand* — *John straightened*

(7) *Mary moved the chair* — *Mary moved quickly*

(8) *Mary arose her hand* — *Mary arose*

(9) The teachers assembled children in the garden — The teachers assembled in the garden.

(10) The boy drowned the boat — The boy drowned.

Выяснение категориального статуса глаголов, характеризующихся подобным набором структур, также составляет проблему. Глагольные вокабулы семантически неоднородны. Предложения типа (5) — класс имплицитных рефлексивов — образованы одной и той же семантически двухактантной лексемой, предполагающей наличие агенса и пациенса, в связи с чем двухактантная структура интерпретируется как исходная, а одноактантная — как производная рефлексивная. В выражениях (10) вокабула двузначна: отношения между глаголами в двух- и одноактантных структурах представляют собой отношения каузатива и некаузатива, т. е. глагол имеет два самостоятельных значения¹⁰.

Все остальные случаи очень неопределенны в плане деривационных отношений: случай (6) еще можно интерпретировать как оппозицию актива и рефлексивного залога, если допустить, что в одноактантной структуре имплицитно предполагается наличие распрямляемого объекта. Вместе с тем у семантически близкого глаголу to straighten глагола to arise интерпретировать He arose как рефлексивный залог, предполагая имплицитное наличие в семантической структуре того, кого (или что) поднимают, представляется малоубедительным, поэтому отношения в паре (8) ближе к каузативным, нежели к рефлексивным. Глаголу to arise аналогичен глагол to move в значении «шевелить»: He moved his fingers. Он пошевелил пальцами — He moved «Он пошевелился». Но вряд ли можно говорить как о рефлексивном значении второй структуры, так и о каузативном первой.

Глагол to move в значении «двигать, двигаться» в примере (7), по-видимому, передает отношения каузации, при которых агенс движения выступает и в качестве каузатора. В случаях типа (9), вероятно, можно двухактантную структуру интерпретировать как каузативную, а одноактантную — как некаузативную (но не рефлексивную). Причем предложения (5), (6), (9) могут иметь синтаксическую структуру, которая синонимична одноактантной и образована рефлексивной формой глагола:

Mary dressed herself

John straightened himself

The teachers assembled themselves in the garden.

Наличие таких структур при значении рефлексивного залога у производной диатезы естественно, но в структуре с assemble, являющейся залогово исходной, обуславливает существование двух синонимичных форм глагола (исходной и производной) для маркировки данного значения глагола.

Таким образом, для широкого круга глагольных вокабул, образующих пары как с субъектным дополнением, так и с общим подлежащим, во многих случаях невозможно однозначно определить взаимный деривационный статус одно- и двухвалентных структур и значение вокабулы с точки зрения того, отражает она различия залогового или пропозиционного характера.

Интерпретация осложняется, ибо ряд глаголов образуют оба типа структур:

He moved his fingers — He moved — His fingers moved

Mary arose her hand — Mary arose — Her hand arose

The boy straightened his back — The boy straightened — His back straightened.

А это значит, что структуры нельзя рассматривать не только обособленно, но даже в паре; необходим анализ всех трех структур одновременно, с точки зрения их соотношения с семантикой двухактантного глагола, толкование которого включало бы суммарный набор всех партиципантов, с которыми рассматриваемая глагольная вокабула может сочетаться. Для решения подобной задачи целесообразно введение понятия гиперлексемы: оно позволяет описать комплекс связей между всеми структурами, образуемыми рассматриваемым глаголом¹¹.

Учитывая разноплановую категориальную многозначность исходных и производных глагольных форм английского глагола и отсутствие четких ее границ, необходимо, на наш взгляд, описывать все типы деривации, в том числе залоговые, рассматривая в качестве исходной для каждого множества синтаксических структур не лекему, а гиперлексему глагола.

¹ Долинина И. Б. Рефлексив и средний залог в системе английских залогов и проблема «гиперлексемы». — В сб.: Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.

² При таком подходе отношения между указанными синтаксическими структурами должны интерпретироваться в рамках системы залогов и диатез данного глагола, что часто не согласуется с традиционными представлениями о глагольной системе данных вокабул (см.: Овчинников А. Г. О среднем залоге. — Учен. зап./Ташкентский пед. ин-т ин. языков, 1960, вып. III).

³ Влияние семной структуры самого глагола на его пропозиционное значение в статье не рассматривается.

⁴ Долинина И. Б. Некоторые вопросы исходности и производности синтаксических структур (на материале английского языка). — В сб.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977.

⁵ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, 1972.

⁶ Данное понимание пресуппозиционного значения отличается от общепринятых пониманий (ср.: Fillmore Ch. Types of Lexical Information. — In: Studies in Syntax and Semantics. D. Reidel Publishing Company. Dordrecht, 1969; Lakoff G. On generative Semantics. — In: Semantics — An

Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics, Antropology and Psychology. London: Cambr. Univ. Press, 1969) и является, по-видимому, одним из частных видов языковой пресуппозиции (см.: Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи.— Изд-во МГУ, 1976, с 271—277), характеризующей интенционный и модальный аспекты предложения.

⁷ Структуры, образованные исходной формой глагола, бесспорно, синонимичны структурам с рефлексивной формой; такие пары весьма распространены в английском языке. Что касается структур с пассивной формой, то можно оспаривать их синонимичность двум остальным как регулярную их характеристику, однако есть реальные текстовые примеры, где она бесспорна.

⁸ При описании этих случаев мы опираемся в основном только на данные картотеки и словарей, сведения от информантов используются лишь как дополнение к ним.

⁹ Интересно, что только такую модель могут образовывать как глаголы типа *read*, имеющие в этой структуре значение среднего залога, так и глаголы типа *burn*, имеющие здесь некаузативное значение. Модель с пассивной маркировкой у обоих типов глаголов имеет значение пассива, а модели с рефлексивной маркировкой вообще не существует: * *The book reads itself*, * *Wood burns itself*.

¹⁰ Отношения между элементами каузативной и некаузативной конструкций здесь не стандартные: обычно при каузативной деривации вводится новый партиципий — каузатор, который становится подлежащим производной конструкции, агенс-подлежащее некаузативной конструкции в каузативной становится патиссом-дополнением. В рассматриваемых случаях соотношение элементов иное: значение каузатора приобретает агенс некаузативной конструкции, сохраняющий за собой позицию подлежащего, а для обозначения патисса-дополнения вводится новый элемент.

¹¹ Аналогично к решению данного вопроса при описании различных структур английского языка, образуемых одной и той же глагольной формой, подходит и Ч. Филмор, вводя для каждого глагола «падежную рамку», которая составляет максимальный набор позиций, сочетающихся с данным глаголом.

Г. В. ВЕЛИТАРСКАЯ
Пермский университет

О СУБСТИТУЦИОННОМ (УНИВЕРБАЛЬНОМ) СПОСОБЕ КОМПРЕССИИ ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В современной лингвистике изучению механизма компрессии придается большое значение, о чем свидетельствуют многочисленные работы¹. Действие закона компрессии исследуется преимущественно на материале одного языка (русского, английского, немецкого, значительно реже французского), хотя в последние годы появились работы, где функционирование этого закона рассматривается на межъязыковом уровне².

Наибольший интерес в этом отношении представляет «*Stylistique comparée du français et de l'anglais*»³. Сравнивая два языка, авторы приходят к выводу, что экономия при пере-

воде с одного языка на другой возможна в двух планах: лексическом и синтаксическом, которые находятся в постоянном взаимодействии. При этом то, что в одном языке проявляется на лексическом уровне, в другом может манифестироваться на синтаксическом, и наоборот. В обоих языках, по мнению французских лингвистов, экономия достигается различными способами. Английский язык превосходит в сжатости, лаконичности изложения в плане реальности (*plan du réel*).

К существенным сокращениям в нем приводит использование разнообразных предлогов, а также логическое ударение. Французский язык оказывается более экономным в плане мысли (*plan de l'entendement*).

Значение подобных типологических исследований трудно переоценить. Возрастающие требования к обучению иностранным языкам, возникновение машинного перевода, развитие других областей прикладного языкознания обуславливают необходимость изучения перевода. Переводы, выполненные квалифицированными переводчиками, с точки зрения Барта, остаются эффективным, если не единственным средством сопоставления двух языков. «Перевод позволяет осветить некоторые подсознательные явления языка, которые бы остались неизвестными. Можно даже сказать,— пишет Барт,— что перевод неотделим от сопоставительной стилистики...»⁴.

Как показывают статистические исследования, даже письменные, тщательно обработанные переводы обычно длиннее оригиналов. По данным Р. К. Миньяр-Белоручева, который провел сопоставление 40 исходных и соответствующих им переводных текстов, письменный перевод с французского языка на русский по количеству слогов превышает исходный на 24,8%⁵. Согласно А. Ширяеву, сопоставившему 62 исходных французских текста и переводы на русский язык, увеличение слоговой величины текста при переводе составило в среднем 18,4%⁶.

Знакомство с научной литературой по данному вопросу убеждает нас в том, что механизм компрессии изучается в основном на материале газетно-информативных, научно-технических и военно-публицистических текстов. В художественной литературе закон компрессии сохраняет силу. На это в свое время обращал внимание А. А. Потебня. В его учении о художественном слове важное место занимал анализ механизма, названного им «сгущением мысли». Сгущение мысли, с точки зрения А. А. Потебни, происходит и в сфере поэтической, и в сфере прозаической. Необходимость сгущения мысли определяется тем, что человеческое сознание, его размеры и возможности ограничены. Единственный способ объять мыслью возможно большее количество явлений — «свести разнообразные явления к сравнительно небольшому количе-

ству знаков или образов»⁷. Именно это, по мнению Потебни, и составляет основу искусства, художественной речи и в конце концов всякой речи.

Тенденция к ограничению дублирования смысла отчетливо проявляется в художественной речи, как и в любой другой сфере речевой деятельности. Увеличение линейной протяженности при переводе художественного, а также газетно-информационного или научно-технического текста контролируется законом экономии. Мы будем пользоваться термином компрессия. В данное понятие обычно вкладывается разный смысл. По мнению одних лингвистов, компрессия — это использование в речи сжатых синтаксических конструкций (А. Л. Аксенов, З. А. Новоженова). Другие склонны рассматривать ее как процесс порождения экономных синтаксических конструкций, передающих тот же объем информации, что и конструкции неэкономные, однако с помощью минимального количества знаков выражения (Э. А. Алянская, Ю. Н. Власова, Л. Н. Мурзин). Мы будем понимать под компрессией процесс преобразования одного текста в другой, более экономный, без изменения смысла.

Цель данной статьи — выявить и описать некоторые приемы компрессии при переводе художественного текста с французского языка на русский. Материалом для исследования послужили новеллы Мопассана и Гамарра в оригинале и в переводе на русский язык.

Следует подчеркнуть, что так как перевод осуществляется не на уровне отдельных предложений или простых лексических единиц, а на уровне текста, явление компрессии также целесообразно изучать на уровне связного текста. Разумеется, компрессия возможна и внутри отдельного предложения (внутренняя компрессия), но часто устранению подлежит компонент, уже использованный в предшествующем предложении⁸.

В последнем случае компрессия происходит в рамках связного текста, где вступают во взаимодействие все уровни языка (грамматический, лексический, семантический). Это нужно принимать во внимание, поскольку в переводе необходимо сохранить не только структурный, лингвистический смысл (его лексическое и синтаксическое содержание), но и глобальный смысл сообщения, что возможно только при учете всех нюансов смысла лингвистической единицы. Простое перенесение количественных закономерностей из одного языка в другой, для которого характерны иные соотношения, обуславливает несоответствие языка перевода узусу. По этому поводу Ж. Мунэн приводит следующее высказывание Цицерона: «Je ne les ai pas rendus en simple traducteur, mais en écrivain... J'ai cru, en effet, que ce qui importait au lecteur,

c'était de lui en offrir non pas le même nombre, mais pour ainsi dire le même poids»⁹.

Компрессия текста может достигаться субституционным способом. Под субституционным способом компрессии понимается сжатие текста, при котором опущенный элемент замещается либо дейктикой, либо словообразовательным формантом.

В данной статье мы остановимся лишь на той разновидности субституционного способа, который связан с использованием грамматических морфем, — на универбальном¹⁰. В процессе перевода художественного текста с французского языка на русский таким способом компрессируются различные структуры. Формальные средства универбального способа компрессии неоднородны. Функцию «сократителей» при переводе могут выполнять предлоги, префиксы и суффиксы, в связи с этим будем говорить о предложном, префиксальном и суффиксальном способах компрессии как разновидностях субституционного.

Проанализируем указанные три способа.

Предложный способ компрессии. В данном случае смысловое содержание опущенного компонента передается с помощью предлога. Сокращение того или иного элемента сопровождается перестройкой предложения.

Например: *Le cocher, enveloppé dans sa peau de mouton, grillait une pipe.*

Сравним два перевода:

Кучер, закутанный в тулуп, покуривал трубку.

Кучер в тулупе покуривал на козлах трубку.

В переводе Н. И. Соболевского содержание предложения передано дословно. Другой переводчик (Е. Гунст) устраняет причастие, и предложение становится более компактным. Семантический объем предложения не изменился. Лексическое значение компрессированного причастия передается с помощью предлога. Таким образом, в исходном тексте структура: причастие прошедшего времени + существительное с предлогом — соответствует в переводном тексте структуре: существительное с предлогом. Обозначим компоненты анализируемых структур следующими символами:

Исходный текст

Переводный текст

Pp+Spr

Spr

Компрессии предложным способом могут подвергаться структуры:

1) деепричастие + одно или несколько существительных с предлогом.

В переводе эта конструкция соответствует структуре: существительное с предлогом+существительное с предлогом.

Исходный текст

Переводный текст

G+Spr+Spr

Spr+Spr

Например: Alors le conducteur apparut tenant à la main une de ses lanternes.

Перевод Н. И. Соболевского:

Тогда появился кучер, держа в руке один из своих фонарей.

Перевод С. Городецкого:

Тогда появился кучер с фонарем в руке.

В первом переводе объем французского предложения соответствует объему русского предложения и структурно, и семантически. Во втором переводе предложение подверглось компрессии. Значение опущенного компонента передается с помощью предлога (держат в руке фонарь — быть с фонарем в руке — с фонарем в руке);

2) причастие прошедшего времени+существительное с предлогом, что соответствует в русском варианте существительному с предлогом.

Исходный текст

Переводный текст

Pp+Spr

• Spr

Например: Et bientôt, on vit une chose brune qui s'en venait, sous les arbres, lentement: l'avant-garde, composé de dix hommes.

Сравним два перевода:

И вскоре показалась какая-то темная масса, медленно продвигавшаяся под деревьями: то был авангард, состоявший из десяти человек.

И вот вскоре среди деревьев показалось, медленно приближаясь, темное пятно: авангард в десять человек.

Во втором переводе скомпрессировано причастие, семантика которого выражена предложным сочетанием существительного;

3) глагол в личной форме+инфинитив+существительное, что в переводном тексте соответствует структуре: глагол в личной форме+существительное с предлогом.

Исходный текст

V+Inf+S

V+Spr

Например: Tous les éclaireurs isolés, ceux qu'on envoyait faire des rondes... ne rentraient jamais.

Когда разведчиков посылали в дозор, никто из них уже не возвращался.

В русском варианте опущен инфинитив, и существительное с предлогом как бы вбирает значение инфинитива;

4) существительное с предлогом + существительное с предлогом.

В переводе эта структура соответствует существительному с предлогом

Исходный текст

Spr + Spr

Переводный текст ~

Spr

Например: Elle glissait à l'endroit de l'éboulis en direction du torrent.

Она ползла от обвала к рске (буквально: от места обвала в направлении реки).

Компрессии подвергается препозиционное существительное, имеющее лексическое значение направления. В переводе то же значение передается предлогами *от, к*.

Префиксальный способ компрессии. В русском языке приставки могут передавать те же отношения и то же лексическое значение, которые во французском языке выражаются знаменательными словами. При этом способе компрессии также имеет место формальная перестройка предложения. Префиксы являются активным оператором компрессии в следующих структурах:

1) глагольные конструкции, состоящие из вспомогательного или полувспомогательного глагола и существительного. В русском варианте такая структура соответствует глаголу в личной форме со значением существительного в составе конструкции, подвергающейся сжатию:

Исходный текст

V + S

Переводный текст

V

Например: Au bout de deux mois de fréquentation, ils devinrent tout à fait bons amis.

На третий месяц знакомства они сдружились.

В переводе нет глагола, что вызывает перестройку предложения. На место существительного, несущего в себе основное лексическое значение, встал глагол с тем же лексическим значением. Содержание опущенного глагола выражается приставкой и флексией (*devenir amis* — стать друзьями — сдружиться).

Русский вариант предложения более компактный;

2) вспомогательный глагол+инфинитив, выражающий основное лексическое значение. В переводе этой конструкции соответствует глагол в личной форме со значением инфинитива.

Исходный текст

V+Inf

Переводный текст

V

Например: Alors, il pensa à sa maison, puis à sa mère, et pris d'une grande tristesse, il recommença à pleurer.

Он подумал о своем доме, о маме, ему сделалось очень грустно, и он опять заплакал.

Во французском варианте глагол *commencer* обозначает начало действия. В русском варианте это лексическое значение передано с помощью приставки *за-*. В русском варианте с этой целью может использоваться приставка *по-*.

Например. Le chien hurla et Isidore se mit à courir vers sa maison.

Собака завывала, и Исидор побежал к дому (буквально: принялся бежать);

3) вспомогательный глагол+прилагательное.

Исходный текст

V+Adj

Переводный текст

V

Например: Alors ils furent inquiets.

Они забеспокоились (буквально: стали беспокойны).

Переводчик заменил конструкцию, состоящую из глагола-связки и прилагательного в роли именной части сказуемого, приставочным глаголом.

Ср.: devenir livide

— побледнеть

devenir rouge

— покраснеть

devenir plus grand

— подрасти

devenir soucieux

— встревожить

Суффиксальный способ. В данном случае компрессионную функцию выполняют суффиксы. При помощи суффикса может быть передано лексическое содержание:

1) структуры: субстантивированное наречие+прилагательное.

Исходный текст

Adv (sub)+Adj

Переводный текст

Adj

Например: Il était un peu simple.

Он был простоват (буквально: немного прост).

Степень качества передана в переводе морфологически — суффиксом, выражающим неполноту проявления качества; 2) целого предложения.

Например: *Le vieux paysan, qui la possédait, la père Milon, Pierre, les avait reçus et installés de son mieux.*

Ее владелец, старик-крестьянин, папаша Пьер Милон, принял и разместил пруссаков как нельзя лучше.

В переводе вместо глагола в личной форме употреблено существительное с тем же значением, местоимение замещается суффиксом со значением лица. Но формальная перестройка не влечет за собой изменения информационной структуры: семантически оба предложения тождественны.

Таким образом, сжатие текста может достигаться морфологическими средствами. При этом наблюдается перераспределение единиц лексического и грамматического уровней языка. Такой вид компрессии возможен, поскольку во французском языке отношения, в которые вступают слова в предложении, передаются аналитическим путем. Русский язык принадлежит к языкам синтетическим. Флективный характер русского языка порождает большие возможности в области компрессии текста в процессе перевода. Кроме того, данному виду компрессии способствует более абстрактный характер французского языка в сравнении с русским¹. В то время как французский язык вынужден прибегать к словосочетаниям, русский обходится одним словом (*devenir livide* — побледнеть).

Отмеченные приемы компрессии не являются исчерпывающими. Мы стремились выяснить лишь те возможности компрессии текста, которые используются в связи с типологическими различиями русского и французского языков.

В заключение отметим, что, как показывают факты, не всегда переводчик владеет приемами компрессии текста. Переводный текст, как правило, существенно превышает по объему исходный, в связи с этим резко возрастает избыточность заключенной в нем информации. Владение приемами компрессии способствует более эффективной организации текста, большей сжатости, семантической уплотненности, позволяет переводчику избавиться от влияния языка подлинника и тем самым не исказить перевода.

¹ Дюндик Б. Компрессия придаточных предложений в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. — М., 1971; Горелов И. Н. Речевая деятельность и проблема уменьшения избыточности. — В сб.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1975, вып. 6; Инфантова Г. Г.

Экономия сегментных средств в синтаксисе современной русской разговорной речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук.— М., 1975; Кобков В. П. Информационная избыточность и способы сжатия текста.— В кн.: В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирский ун-т, 1974, вып. 5 и др.

² Сухенко К. М. Компрессия при переводе именных и глагольных структур с русского языка на английский. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.— Киев, 1973; Чернов Г. В. Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема.— Тетради переводчика, ИМО, 1969, № 6; Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе.— М.: Воениздат, 1973.

³ Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais.— P., 1968.

⁴ Barth G. Recherches sur la fréquence et la valeur des parties du discours en français, en anglais et en espagnol.— P., 1961, p. 9.

⁵ Миньяр-Белоручев Р. К. О некоторых результатах статистического исследования текстов в переводе.— В сб.: Иностранные языки. М., 1966, № 2, с. 29.

⁶ Ширяев А. Ф. Синхронный перевод с французского языка. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.— М., с. 112.

⁷ Потенция А. А. Из лекций по теории словесности.— Харьков, 1894, с. 98.

⁸ См.: Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация.— Пермский ун-т, 1974, с. 79.

⁹ Mounin G. Les belles infidèles.— P., 1955, p. 78.

¹⁰ Мурзин Л. Н. О законах синтаксической деривации и порождения связного текста.— В сб.: Проблемы структуры слова и предложения.— Пермский ун-т, 1979, с. 84.

¹¹ Гак В. Г. Беседы о французском слове.— М., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕРИВАЦИЯ СЛОВА

<i>Гинзбург Е. Л.</i> О линейном описании и преобразованиях словообразовательных гнезд	3
<i>Адливанкин С. Ю.</i> О типологическом статусе словообразования	19
<i>Чудинов А. П.</i> О регулярном характере процессов семантической деривации у слов, близких по значению	29
<i>Майданова Л. М.</i> Мотивированность эмоционально-оценочных личных существительных нейтральными словами	37

ДЕРИВАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<i>Юрченко В. С.</i> О семантической структуре предложения	41
<i>Храковский В. С.</i> Некоторые проблемы деривации взаимных конструкций	54
<i>Мурзин Л. Н., Белоглазова Э. А.</i> О перформации предложения с деривационной точки зрения	62
<i>Шищенко П. Л.</i> Порождение словосочетания и проблема омонимии	71
<i>Корди Е. Е.</i> Диатезы двупредикатных конструкций	81
<i>Абызова В. Н.</i> Актуальное членение как условность связного текста	88
<i>Потапова Н. П.</i> Значение глаголов с корнем <i>-да-</i> (по материалам речи жителей севера Пермской области)	97
<i>Козинцева Н. А.</i> Конструкции со значением необходимости действия в армянском языке (семантико-синтаксический анализ)	105
<i>Долинина Н. Б.</i> Категориальные значения залогово исходных форм английского глагола	114
<i>Велитарская Г. В.</i> О субституционном (универбальном) способе компрессии текста в процессе перевода художественного текста с французского языка на русский	122

Семантические аспекты слова и предложения

Межвузовский сборник научных трудов

Редактор *Е. А. Огиенко*

Технический редактор *Л. Л. Савенкова*

Корректор *В. И. Щербинина*

Сдано в набор 17. 09. 80. Подписано в печать 05. 12. 80.
ЛБ09543. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. газетная. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,25. Уч.-
изд. л. 8,43. Тираж 500 экз. Заказ № 7927. Цена 1 р. 10 к.

Темплан 1980, поз. 1718

Редакционно-издательский отдел Пермского
университета. 614600. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография издательства «Звезда».
614600, Пермь, ул. Дружбы, 34.